

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (49) 2023

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (49) 2023

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 2 (49) 2023

Daria D. Belova. On the question of the event structure of the morphological causative: Tatyshly Udmurt data.....	7
Fedor V. Golosov. Grammaticalization of the verb <i>tək</i> 'scatter' in Poshkart Chuvash: semantics and selectional restrictions	27
Anna V. Dybo, Vera S. Maltseva, Elvira V. Sultrekova, Aleksandra V. Sheimovich, Philip S. Krylov. The structure of the Khakas word form and restrictions on the compatibility of affixes in the automatic parser for the Khakas language	42
Uliana P. Strizhak. Movement in Japanese: objective understanding of the verb arguments	76
Idalia V. Fedotova, Alena K. Prokopieva, Anastasia E. Shamaeva, Aitalina V. Timofeeva. Nomination strategies for 'newborn' in Turkic languages and other words for 'baby' in Yakut	96
Venera N. Khisamova, Liliya I. Abdullina. Metaphorical models in the medical terminology of the Tatar language	112
Style sheet	124

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (49) 2023

Д. Д. Белова. К вопросу о событийной структуре морфологического каузатива: данные татышлинского говора удмуртского языка	7
Ф. В. Голосов. Грамматикализация глагола <i>tak</i> 'разбросать' в малокарачкинском говоре чувашского языка: семантика и селективные ограничения	27
А. В. Дыбо, В. С. Мальцева, Э. В. Султрекова, А. В. Шеймович, Ф. С. Крылов. Структура хакасской словоформы и ограничения на сочетаемость аффиксов в автоматическом парсере хакасского языка	42
У. П. Стрижак. Движение в японском языке: объектное понимание глагольных аргументов	76
И. В. Федотова, А. К. Прокопьева, А. Е. Шамаева, А. В. Тимофеева. Якутские обозначения младенца и основные стратегии номинации новорожденного ребенка в тюркских языках.....	96
В. Н. Хисамова, Л. И. Абдуллина. Метафорические модели в медицинской терминологии татарского языка	112
Требования к оформлению статей.....	124

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Гамбургский университет)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (University of Hamburg), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

К вопросу о событийной структуре морфологического каузатива: данные татышлинского говора удмуртского языка

Белова Дарья Дмитриевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; dd.belova@yandex.ru

В работе исследуются событийно-структурные свойства каузативных глагольных дериватов с суффиксом *-t* в татышлинском говоре удмуртского языка (респ. Башкортостан). Применительно к каузативам, образованным от агентивных (одноместных и двуместных) основ, рассматриваются следующие явления, связанные с событийной структурой, которые приняты в литературе в качестве диагностик одно- или двусобытийности каузативов: набор возможных контролеров субъекта деепричастной клаузы (только Каузатор / Каузатор и Каузируемый), модификация адвербиалами образа действия, временной локализации, длительности и кратности (только каузируемое подсобытие / каузируемое и каузирующее подсобытия / вся ситуация целиком). Применение диагностик показывает следующие результаты. Тест на возможность контроля субъекта деепричастной клаузы единственный из всего набора соответствует двусобытийной структуре, что может быть связано с внешними синтаксическими факторами и тем самым ставит под сомнение надежность теста в других языках. Тесты на интерпретацию адвербиалов показывают, что каузирующее подсобытие не может принимать никакие модификаторы и имеет экстремально редуцированную структуру. Каузативы и с контактной, и с дистантной семантикой, таким образом, являются однособытийными, что противоречит известным данным литературного удмуртского языка. Полученные результаты говорят в пользу подхода к семантике каузативов как к континууму между прямой и непрямой каузацией. Татышлинские морфологические каузативы с суффиксом *-t* покрывают весь семантический континуум, кроме собственно не прямых, поскольку даже дистантные употребления не допускают временного разрыва между каузирующим и каузируемым подсобытиями. Тот факт, что ситуации каузации, которые концептуализируются как единые неделимые ситуации, выражаются морфологически продуктивными, а не лексическими средствами, представляется типологически любопытным.

Ключевые слова: удмуртский язык, морфологический каузатив, событийная структура, контактность и дистантность каузатива

ON THE QUESTION OF THE EVENT STRUCTURE OF THE MORPHOLOGICAL CAUSATIVE: TATYSHLY UDMURT DATA

Daria D. Belova, Lomonosov Moscow State University; dd.belova@yandex.ru

The paper deals with the event-structure properties of causative verbs with the suffix *-t* in Tatyshly Udmurt (Republic of Bashkortostan). Concerning external causatives, we consider the following phenomena that are sensitive to the event structure and are accepted in the literature as diagnostics of mono- or bi-eventive causatives: a set of possible controllers of the subject of the converb clause (only the Causer / the Causer and the Causee), modification by the manner, temporal localization, duration, and frequency adverbials (only the caused sub-event / the caused and the causing sub-events / the whole situation). Applying these diagnostics shows the following results. The test for the ability to control the subject of the converb clause is the only one of the entire battery that corresponds to the bi-eventive structure, which may be due to some external syntactic factors and thus casts doubt on the reliability of this test in other languages. The tests for the interpretation of adverbials show that the causing subevent cannot accept any modifiers and has an extremely reduced structure. Causatives with both contact and distant semantics are therefore single-eventive, which contradicts the known data of standard Udmurt. The results obtained speak in favor of approaching the semantics of causatives as a continuum between direct and indirect causation. Tatyshly Udmurt morphological causatives with the suffix *-t* cover the entire semantic continuum, except for the actual indirect ones, since even distant uses do not allow a temporal gap between the causing and the caused sub-events. The fact that situations of causation, which are conceptualized as single, indivisible situations, are expressed by morphologically productive rather than lexical means seems typologically curious.

Keywords: Udmurt language, morphological causative, event structure, direct and indirect causation

1. Введение

Выделение в структуре каузативных конструкций двух подсобытий — каузирующего и каузируемого — к данному моменту стало общепринятым (см. в числе прочих [Shibatani 1972; Pykkänen 2000; Лютикова и др. 2006; Harley 2008; Lyutikova, Tatevosov 2014]). Со свойствами и характером взаимодействия этих подсобытий связан целый ряд параметров, по которым каузативные конструкции варьируют как между разными языками, так и внутри одного языка. В частности, морфологические каузативы могут быть однособытийными (концептуализироваться как единая неделимая ситуация) либо двусобытийными (каузирующее и каузируемое подсобытия достаточно независимы друг от друга и выступают как два отдельных события). Первым языком, который привлек внимание исследователей тем, что в нем морфологический глагольный дериват может быть двусобытийным, как аналитическая каузативная конструкция, стал японский [Shibatani 1972; Kitagawa 1986; Matsumoto 1998]. Отмечалось, что каузирующее и каузируемое подсобытия могут представлять собой отдельные области для некоторых явлений, например для сферы действия адвербиалов. Предложение (1) имеет две интерпретации в зависимости от того, какое из подсобытий попадает в сферу действия модификатора ‘тихо’.

- (1) *keikan-wa sono syuuzin-o mugonde ooya-ni hair-ase-ta.*
 полицейский-ТОР этот заключенный-OBJ тихо тюрьма-в зайти-CAUS-PAST
 ‘Полицейский тихо заставил заключенного зайти в тюрьму / полицейский заставил заключенного тихо зайти в тюрьму’ [Shibatani 1972] (цит. по [Bartos 2011: 10]).

В дальнейшем были сформулированы возможные диагностики для определения одно- или двусобытийности морфологических каузативов: контроль субъекта нефинитных (причастных или деепричастных) клауз, модификация адвербиалами образа действия (‘тихо’, ‘быстро’ и др.) и временными адвербиалами (‘дважды’ и др.). Все они связаны со сферами действия модификаторов: если каузирующее и каузируемое подсобытия самостоятельны и отделены, то они оба могут попадать в сферу действия модификатора по отдельности и вызывать неоднозначность в интерпретации предложения. Применение всех этих тестов вместе описано, например, для японского, финского, венгерского и литературного удмуртского языков [Horvath, Siloni 2010; Bartos 2011; Tánczos 2015]. Для ряда других языков описано взаимодействие каузативных дериватов с временными модификаторами разных классов, в частности для карачаево-балкарского [Лютикова и др. 2006], адыгейского [Аркадьев, Летучий 2007], абазинского [Koshevoy 2018], мокшанского [Никифорова 2018].

Вместе с тем с характером взаимодействия между каузирующим и каузируемым подсобытиями связано такое свойство каузативных конструкций, как контактность. Согласно [Shibatani, Pardeshi 2002], различие между контактными и дистантными каузативами моделируется с помощью пространственно-временного перекрытия (spatiotemporal overlap) между подсобытиями, причем получившийся параметр является градуальным.

В данной статье мы рассмотрим событийно-структурные свойства морфологических каузативов в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < финно-угорские), который входит в южное наречие и на котором говорят в Татышлинском районе республики Башкортостан. Ввиду того, что татышлинский говор находится в продолжительном тесном контакте с окружающими тюркскими идиомами, он заметно отличается от литературного удмуртского на всех языковых уровнях (см. его наиболее подробное описание в [Baidoullina 2003]). Как мы покажем далее, каузативные дериваты с суффиксом *-t* в татышлинском, в отличие от литературного удмуртского, однособытийны. При этом они могут иметь дистантную семантику, что, согласно нашей гипотезе, может отражать градуальную природу свойства контактности.

Данные татышлинского говора были собраны методом анкетирования носителей (перевод предложений с русского языка, оценка грамматичности и интерпретация удмуртских предложений) в ходе экспедиций в с. Нижнебалтачево и окрестные населенные пункты (Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Новые Татышлы, Старокальмиярово) Татышлинского района республики Башкортостан в 2021–2022 гг. Также привлекались материалы корпуса текстов, собранных коллективом экспедиции¹. Примеры из татышлинского говора записываются в фонологической транскрипции, опирающейся на систему из [Baidoullina 2003].

Структура работы устроена следующим образом. В разделе 2 мы рассмотрим оси классификации каузативных конструкций в языках мира, релевантные для описания событийной структуры, и обсудим используемую терминологию. В разделе 3 описаны морфосинтаксические характеристики каузативного

¹ Корпус татышлинского удмуртского доступен по ссылке: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html>

показателя *-t* в татышлинском удмуртском. Раздел 4 посвящен событийно-структурным свойствам дериватов с суффиксом *-t*. В разделе 5 эти свойства обсуждаются в типологической перспективе. Раздел 6 подводит итоги работы.

2. Событийная структура каузатива и связанные параметры

В обширной литературе, посвященной описанию каузативных конструкций в языках мира, выделяется несколько релевантных для нашего исследования параметров классификации. Терминология в этой области чрезвычайно запутанна: для ряда важных англоязычных понятий нет устойчивых русских переводов, а для других существует несколько близких, но не идентичных традиций употребления.

Концептуально самое важное противопоставление — различие между ситуацией, в которой Каузатор полностью контролирует ход действия, а Каузируемый пациентивен, и ситуацией, в которой Каузатор совершает некоторый каузирующий акт, после чего контроль над исполнением действия переходит агентивному Каузируемому. В распространенной терминологической традиции каузативы первого типа называют «контактными», или «манипулятивными» (подразумевается непосредственный физический контакт между Каузатором и Каузируемым), а каузативы второго типа — «дистантными», или «директивными» (не подразумевается такого контакта); см., например, [Kulikov 2001].

Это противопоставление коррелирует с морфосинтаксическими свойствами производящей основы: по типологическим данным, каузативы, образованные от одноместных пациентивных основ, зачастую обособляются от каузативов, образованных от одноместных агентивных и двухместных основ, и сближаются с непроизводными переходными глаголами. Например, в карачаево-балкарском языке каузативы от пациентивных основ (3) так же, как непроизводные переходные глаголы (2), имеют две возможные интерпретации под отрицанием, тогда как каузативы от агентивных основ — три (4).

(2) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

alim bajraq-ni bul-ka-ma-j-di.

Алим флаг-ACC махать-NEG-IPFV-3SG

i. 'Алим не машет флагом {и флаг не шевелится}'.

ii. 'Алим не машет флагом {флаг развевается на ветру}' [Лютикова и др. 2006: 119].

(3) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

kerim illew-ni sin-dir-ma-di.

Керим игрушка-ACC ломаться-CAUS-NEG-PST.3SG

i. 'Керим не сломал игрушку {даже не пытался}'.

ii. 'Керим не ломал игрушку {она сама сломалась}' [там же: 132].

(4) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

ata-si alim-ge cap-tir-ma-di.

отец-3 Алим-DAT бегать-CAUS-NEG-PST.3SG

i. 'Отец не заставил Алима бегать {Алим не бегал}'.

ii. 'Отец не заставлял Алима бегать {Алим бегал по собственному желанию}'.

iii. 'Отец заставил Алима не бегать' [там же].

Отметим, что между семантической и морфосинтаксической классификациями наблюдается именно корреляция, а не строгое одно-однозначное соответствие. отождествлять термины «контактный» и «дистантный» с каузативами, образованными от двух типов производящих основ, исключительно на основании морфосинтаксических характеристик не совсем корректно. Например, в деривационной цепочке из глаголов языка коми *puk-* 'сидеть' / *puk-t-* 'ставить' / *puk-öd-* 'заставлять садиться' [Лыткин 1957: 105] участвуют два каузатива, один из которых является семантически контактным, а второй — семантически дистантным, при этом оба они образованы от одной и той же неагентивной одноместной основы.

В работе [Shibatani, Pardeshi 2002] предложена классификация, учитывающая различия между агентивным и пациентивным Каузаторами, под терминами прямой (direct) и непрямой (indirect) каузации. В том случае, когда Каузируемый пациентивен, выполнение каузируемого подсобытия лежит полностью на Каузаторе, поэтому каузирующее и каузируемое подсобытия случаются в одно или практически в одно и то же время, т. е. появляется так называемое пространственно-временное перекрытие. Благодаря этому перекрытию случаи прямой каузации могут концептуализироваться как единые неделимые ситуации, см. рис. 1 и иллюстрацию (глагол 'усаживать') в (5).

(5) КАЛМЫЦКИЙ

ekə xotə id-ül-xär ür-än suu-lv-əv.

мама еда есть-CAUS-CV.PURP ребенок-P.REFL сидеть-CAUS-PST

‘Мама усадила ребенка, чтобы покормить его’ [Say 2013: 260].

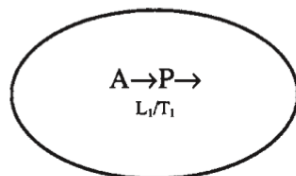

Рис. 1. Взаимодействие между участниками прямой каузативной ситуации, где А — агентивный участник (Каузатор), Р — пациентивный участник (Каузируемый = Пациенс). Буквами L и T обозначены пространственный и временной профили ситуации [Shibatani, Pardeshi 2002: 90]

При непрямо́й каузации Каузируемый имеет некоторую степень контроля над выполнением каузируемого действия. Из-за наличия второго агентивного участника каузируемое подсобытие получает бо́льшую степень автономности, в первую очередь временной и пространственной. Отделимость двух подсобытий не позволяет объединить их в одно, причем именно временной параметр является решающим для определения свойств каузатива: подсобытия непрямо́й каузации могут происходить в общем пространстве, но не должны иметь временного перекрытия. Непрямо́й каузации схематично изображается на рис. 2, где вторая часть ситуации происходит в момент времени T_2 , отличный от момента времени T_1 .

(6) БАШКИРСКИЙ

äsäj kürše-nän haraj-ðə bod-ðor-yan.

мать сосед-ABL сарай-ACC портить-CAUS-PC.PST

‘Мать наняла соседа сломать сарай’ [Перехвальская 2017: 246].

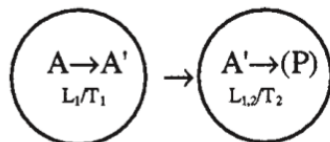

Рис. 2. Взаимодействие между участниками непрямо́й каузативной ситуации: действия Каузатора влияют на Каузируемого через некоторый промежуточный этап [Shibatani, Pardeshi 2002: 90]

В большинстве языков возможность концептуализировать прямо́ую каузативную ситуацию как единую, а непрямо́ую — как две разных имеет последствия в глагольной системе: прямо́ая каузация выражается лексически с помощью непроизводных (или нерегулярно-производных) переходных глаголов, а непрямо́ая — с помощью регулярных морфологических, аналитических или перифрастических каузативов, ср. в русском языке *кормить (ребенка с ложки)* и *заставлять есть (запретив вставить из-за стола)*. Тем не менее авторы отмечают, что это не правило, а тенденция: во-первых, между полным пространственно-временным перекрытием и двумя отдельными ситуациями с разными временными и пространственными профилями существует континуум по степени близости подсобытий; во-вторых, на этом континууме языки по-разному проводят границу между тем, что концептуализируется как одна ситуация, а что — как две.

Промежуточное положение между прямо́ой и непрямо́ой каузацией занимает социативная каузация. Оба участника социативной каузативной ситуации проявляют агентивные свойства, при этом Каузатор сопровождает Каузируемого на протяжении всего каузируемого подсобытия. Если Каузатор помогает Каузируемому или принимает участие в действии вместе с ним, то такая каузация (ассистивная) ближе к прямо́ой: Каузатор физически задействован, но Каузируемый обладает большей самостоятельностью.

(7) КОРЕЙСКИЙ

emeni-ka ai-eykey kulca-lul hanahana ciphe-ka-mye chayk-ul ilk-hi-ess-ta.

мама-NOM ребенок-DAT письмо-ACC по_одному показывать-идти-пока книга-ACC читать-CAUS-PAST

‘Мама заставляла ребенка читать книгу, указывая на буквы одну за другой’ [Shibatani, Chung 2002: 114].

Рис. 3. Ассистивная каузативная ситуация [Shibatani, Pardeshi 2002: 101]

Если же Каузатор следит за выполнением действия Каузируемым, но сам не принимает в нем участия (ситуация присмотра, или *supervision*), то семантическая модель ближе к непрямо́й каузации, поскольку контроль над протеканием подсобытия в большой степени находится у Каузируемого, однако между ситуациями существует неполное пространственно-временное перекрытие.

(8) ЯПОНСКИЙ

hahaoya-ga kodomo-ni hon-o yoma-se-te i-ru.
 мама-NOM ребенок-DAT книга-ACC читать-CAUS-CONJ быть-PRES

‘Мама заставляет ребенка читать книгу {будучи в этот момент за дверью}’ [Shibatani, Chung 2002: 115].

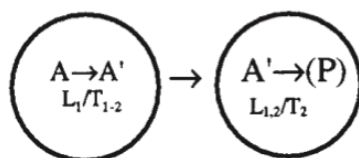

Рис. 4. Каузативная ситуация присмотра [Shibatani, Pardeshi 2002: 101]

Авторы также отмечают, что континуум от прямой до непрямо́й каузации может быть изображен в виде семантической карты, на которой конкретный каузативный суффикс в некотором языке покрывает определенную зону (однако требования непрерывности этой зоны, важного для формализма семантических карт, эксплицитно не вводят):

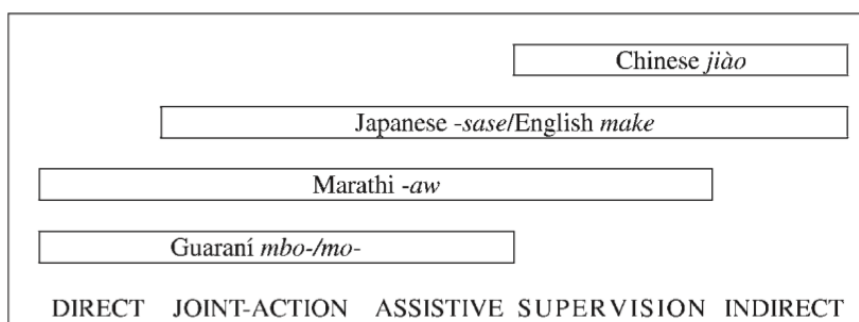

Рис. 5. Семантический каузативный континуум

В настоящей статье мы покажем, что в татышлинском удмуртском у морфологических каузативов с суффиксом *-t* могут быть все перечисленные выше значения континуума, однако даже на правом его краю, который имеет тенденцию к концептуализации в виде двух отдельных событий и соответствует формальному выражению, являются однособытийными. Также мы будем придерживаться терминологии вслед за [Kulikov 2001]: «контактный» и «дистантный» каузативы понимать в семантическом плане, т. е. как ситуации с тесным контактом и без тесного контакта Каузатора и Каузируемого.

3. Каузативные показатели в татышлинском удмуртском

Перед тем как приступить к рассмотрению событийной структуры, опишем семантические и морфосинтаксические свойства морфологических каузативных показателей. Инвентарь состоит из двух формантов: *-t* и *-ttâr*. В данной работе мы рассматриваем событийно-структурные свойства только первого из них.

Суффикс *-t* является продуктивным глагольным каузативом и присутствует в литературном удмуртском (см. [ГСУЯ 1962: 228–231; Кондратьева 2009; Костина 2022]). Его когнаты находят в других ураль-

ских языках, в частности венгерском, хантыйском, коми и ненецком (см. [Dolovai 2006; Костина 2022]). Формант *-ttâr* не так продуктивен, отсутствует в литературном языке и менее устойчив в языковой системе: он есть не во всех идиолектах, а внутри одного идиолекта может накладывать ограничения на производящую глагольную основу, в отличие от универсального *-t*. Помимо татышлинского говора, формант *-ttâr* фиксируется (с некоторой фонетической вариативностью) и в других говорах периферийно-южного диалекта и трактуется как тюркское заимствование [Кельмаков 1998: 142; Baidoullina 2003: 98].

Суффикс *-t* образует каузативные дериваты от любых глагольных основ без каких-либо ограничений — в том числе он свободно присоединяется к одноместным пациентивным (9), одноместным агентивным (10) и двухместным (11) основам.

- (9) a. *vü bârekt-i-z.*
вода кипеть-PST-3SG
'Вода вскипела'.
b. *maša vü bârektâ-t-i-z.*
Маша вода кипеть-CAUS-PST-3SG
'Маша вскипятила воду'.
- (10) *ruslan maša-jez uža-t-i-z.*
Руслан Маша-ACC работать-CAUS-PST-3SG
'Руслан заставил Машу работать'.
- (11) *anaj-ez maša-jez kn'iga lă'ž'â-t-i-z.*
мама-POSS.3SG Маша-ACC книга читать-CAUS-PST-3SG
'Мама заставила Машу читать книгу'.

Как в литературном [Tánczos 2015: 100; Костина 2022: 87], так и в татышлинском удмуртском Каузируемый участник получает аккумулятивное маркирование вне зависимости от аргументной структуры производящей основы. Такой паттерн является нарушением типологически распространенной иерархии Б. Комри [Comrie 1981] (12), согласно которой Каузируемый занимает самую высокую доступную синтаксическую позицию и получает маркирование, характерное для этой позиции в данном языке.

(12) *Подлежащее > Прямое дополнение > Непрямое дополнение > Косвенное дополнение*

Неодушевленный Каузируемый допускает опущение падежного аккумулятивного показателя в соответствии с правилами дифференцированного маркирования объекта (13b), как и пациентивные аргументы производных переходных глаголов (13c):

- (13) a. *ž'ò šuna-Ø-z.*
лед таять-PST-3SG
'Лед растаял'.
b. *ruslan ž'ò-(jez) kastr'ul'a-jen šun-t-i-z.*
Руслан лед-ACC кастрюля-INS таять-CAUS-PST-3SG
'Руслан растопил лед в кастрюле'.
c. *pet'a [bodâ / bodi-jez] č'ig-i-z.*
Петя палка палка-ACC ломать-PST-3SG
'Петя сломал палку'.

Для одушевленных Каузируемых эксплицитное падежное маркирование обязательно — эта черта снова является общей для литературного и татышлинского удмуртского. Отсутствие вариативности в данном случае согласуется с общей тенденцией обязательного маркирования объектов-людей (см. [Кондратьева 2002] о литературном удмуртском).

- (14) *vas'a nâlpj-jos-*(âz) sajka-t-i-z.*
Вася ребенок-PL-ACC просыпаться-CAUS-PST-3SG
'Вася разбудил детей'.

В татышлинском удмуртском исключением из описанного паттерна выступает небольшой класс глаголов восприятия, при которых Каузируемый может принимать дативное маркирование (15). Аналогичный сдвиг в стратегии наблюдается, например, в мишарском диалекте татарского языка [Бонч-Осмоловская 2007: 151—152]. Можно предположить, что при глаголах восприятия Каузируемый также имеет роль Экспериментера, для которого датив — стандартная форма кодирования (16).

(15) *vas'a [anaj-ze / anaj-ez-lâ] kârž'an kâld-is'kâ-t-i-z.*
 Вася мама-ACC.POSS.3SG мама-POSS.3SG-DAT песня слушать-DETR-CAUS-PST-3SG
 'Вася заставил маму послушать песню'.

(16) *mânâm s'ekât ôz lû perevod.*
 я.DAT тяжелый NEG.PST.3 становится перевод
 'Мне не сложно было переводить' [Корпус татышлинского удмуртского: «Dialog»].

Семантика морфологических каузативов может включать несколько типов частных значений [Куликов 2001]. У суффикса *-t* в татышлинском удмуртском выделяются следующие: непосредственная физическая каузация (фактитив, (17)), опосредованная каузация (18) (в том числе вербальная (19)), просьба (рогатив, (20)). Насколько нам известно, работ на материале литературного удмуртского языка, где бы в типологической перспективе подробно рассматривались семантические типы каузативных конструкций, нет, однако наши выводы не противоречат описаниям, приведенным в [Кондратьева 2009; Костина 2022].

(17) *vas'a pet'a-jez bâč'atâ-sa s'erež'a-t-i-z.*
 Вася Петя-ACC щекотать-CVB смеяться-CAUS-PST-3SG
 'Вася рассмешил Петю, пощекотав его'.

(18) *ruslan pogâra-sa pet'a-jez s'erež'a-t-i-z.*
 Руслан падать-CVB Петя-ACC смеяться-CAUS-PST-3SG
 'Руслан рассмешил Петю, упав'.

(19) *ruslan pet'a-jez s'erež'a-t-i-z an'ekdot vera-sa.*
 Руслан Петя-ACC смеяться-CAUS-PST-3SG анекдот говорить-CVB
 'Руслан рассмешил Петю, рассказав анекдот'.

(20) *vas'a dâš-et-is'-ez ôs-ez vorsa-t-i-z.*
 Вася учиться-CAUS-PTCP.ACT-ACC дверь-ACC закрывать-CAUS-PST-3SG
 'Вася попросил учительницу закрыть дверь'.

Пермиссивная интерпретация, типологически распространенная, у дериватов с *-t* затруднена и требует дальнейших исследований для определения границ приемлемости. Пример (21) не может иметь пермиссивной семантики и понимается только как заставление, тогда как контекст (22) демонстрирует вариативность интерпретации среди носителей и может трактоваться половиной опрошенных как разрешение. При этом значение '(своими действиями) допустить, чтобы X' дериваты с суффиксом *-t* выражать могут (23):

(21) [#]*maša anaj-ez-les' d'iskot'eka-je mânâ-nâ kur-is'k-i-z=no anaj-ez so-je*
 Маша мама-POSS.3SG-GEN2 дискотека-ILL идти-INF просить-DETR-PST-3SG=ADD мама-POSS.3SG тот-ACC
mânâ-t-i-z.
 идти-CAUS-PST-3SG
 'Маша попросила у мамы разрешения пойти на дискотеку, и мама заставила ее / *разрешила ей пойти'.

(22) *vas'a dâš-et-is'-les' klass-is' potâ-nâ*
 Вася учиться-CAUS-PTCP.ACT-GEN2 класс-EL выходить-INF
kur-is'k-i-z=no dâš-et-is' so-je pot-t-i-z.
 просить-DETR-PST-3SG=ADD учиться-CAUS-PTCP.ACT тот-ACC выходить-CAUS-PST-3SG
 'Вася попросил у учительницы разрешения выйти из класса, и учительница %разрешила ему выйти / %выгнала его'.

(23) *vas'a nâlpi-ze šundâ šor-ân žua-t-i-z.*
 Вася ребенок-ACC.POSS.3SG солнце середина-LOC гореть-CAUS-PST-3SG
 'По Васиной вине ребенок сгорел на солнце'.

Каузативные дериваты от агентивных основ могут иметь как контактную (прямую, см. рис. 1 на каузативном континууме М. Шибатани и П. Пардеши и иллюстрацию в (24i)), так и дистантную (непрямую, рис. 2 и (24ii)) интерпретации. Кроме того, они могут получать ассистивное значение (25i), см. рис. 3. При этом присутствие Каузатора на всем протяжении каузируемого подсобытия необязательно: пример (26) возможен как в контексте постоянного контроля Каузатора над протеканием каузируемого подсобытия, т. е. ситуации присмотра (рис. 4), так и в контексте, когда говорящий не видит Каузатора и не застал выполнение каузируемого подсобытия, однако предполагает факт каузации.

- (24) *dâš-et-is'* *vas'a-jez klass-is' pot-t-i-z.*
 учиться-CAUS-PTCP.ACT Вася-ACC класс-EL выходить-**caus**-PST-3SG
 i. 'Учительница вывела Васю из класса'.
 ii. 'Учительница выгнала Васю из класса'.
- (25) *anaj-ez maša-jez kn'iga ôz lă'ž'â-tâ.*
 мама-POSS.3SG Маша-ACC книга NEG.PST.3 читать-CAUS
 i. 'Мама с Машей не читала книгу {Маша маленькая, сама читать еще не умеет}'.
 ii. 'Мама не заставляла / запретила Маше читать книгу'.
- (26) *uč'kâ-∅, anaj-ez vas'a-jez pin'-ze mis'kâ-t-e!*
 смотреть-IMP мать-POSS.3SG Вася-ACC зуб-ACC.POSS.3SG мыть-CAUS-PRS.3SG
 'Смотри, мама заставляет Васю чистить зубы!'
 i. {Мама стоит в ванной и контролирует, чтобы Вася почистил зубы}.
 ii. {Мы заходим в ванную и видим, как Вася чистит зубы (мамы нет, но я знаю, что без напоминания он бы не стал этого делать)}.

4. Событийная структура каузатива

Как уже упоминалось во введении, для определения одно- или двусобытийности морфологического каузатива используется несколько диагностик, чувствительных к сферам действия некоторых модификаторов. В двусобытийном каузативе и каузирующее, и каузируемое подсобытия могут модифицироваться по отдельности, тогда как в однособытийном для модификации доступно только каузируемое. Это отражается в количестве интерпретаций соответствующих предложений. Общепринятым тестом является временная модификация, причем в ряде работ предлагается использовать только адвербиалы кратности [Horvath, Siloni 2010; Bartos 2011]. Однако в некоторых языках обнаруживаются любопытные различия между временными адвербиалами разных классов, в частности локализации, кратности и длительности.

Для морфологических каузативов с *-t* в литературном удмуртском языке в работе [Tánczos 2015] рассматриваются две диагностики: возможность контроля субъекта деепричастных клауз и модификация адвербиалами кратности. Результаты обеих говорят о двусобытийной структуре. Ниже мы рассмотрим эти и другие тесты в приложении к татышлинским данным.

4.1. Контроль субъекта деепричастий

Начнем рассмотрение диагностик одно- и двусобытийности с количества субъектных ролей в каузативной конструкции. Предложения с двусобытийными глаголами при добавлении деепричастной клаузы будут неоднозначны из-за того, что и Каузатор, и Каузируемый могут выступать контролерами ее нулевого субъекта. При однособытийных каузативах, напротив, нефинитная клауза может зависеть только от Каузатора. В литературном удмуртском применение этого теста показывает двусобытийность каузативов на *-t* (27):

- (27) *Саша музъем выл-ын кыллы-са кыржа-т-й-з Маша-ез.*
 Саша земля поверхность-LOC лежать-CVB петь-CAUS-PST-3SG Маша-ACC²
 'Саша заставил Машу петь, лежа на земле' (неоднозначно: «Саша лежал» или «Маша лежала») [ibid.: 128].

В татышлинском говоре также есть деепричастный показатель *-sa* с семантикой одновременности или предшествования, однако его использование в качестве диагностики количества подсобытий каузативных дериватов сталкивается с затруднениями: данный показатель образует как односубъектные, так и разносубъектные клаузы³ [Данилова 2022]; см. пример (28).

- (28) а. *šundâ šor-ân zagorat' karâ-sa mon ta kn'iga-jez lă'ž'-i-∅.*
 солнце середина-LOC загорать делать-CVB я этот книга-ACC читать-PST-1SG
 'Загорая на солнце, я читала эту книгу'.

² Примеры из процитированной работы приводятся в литературной орфографии с системой глоссирования, идентичной другим примерам из удмуртского языка в статье.

³ В работе О. Танцош синтаксические характеристики деепричастий на *-sa* в литературном удмуртском не рассматриваются, поэтому мы не можем сравнить их с татышлинским говором в приложении к каузативам.

- b. *pet'a kureg-ze vandâ-sa maša so-les' šâd pöz'-t-i-z.*
 Петя курица-ACC.POSS.3SG резать-CVB Маша тот-GEN2 суп вариться-CAUS-PST-3SG
 'После того, как Петя курицу зарезал, Маша из нее суп сварила' [там же: 86—87].

Вместе с тем аккузативные аргументы глагола демонстрируют любопытную асимметрию относительно возможности контролировать нулевой субъект деепричастной клаузы в зависимости от их статуса. Если предикатом главной клаузы выступает непроизводный переходный глагол, а аккузативным участником, соответственно, Пациенс (или в данном случае Стимул), то для деепричастной клаузы с *-sa* возможна только односубъектная интерпретация вне зависимости от ее линейного расположения в предложении (29). Если же в главной клаузе находится каузативный глагол, имеющий в качестве аккузативного участника Каузируемого, то предложение получает две интерпретации, как в литературном удмуртском (30—31). При этом играет роль линейное положение клаузы: предпочтителен такой выбор контролера, при котором клауза будет располагаться непосредственно после него. Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем явное противопоставление в свойствах каузативных и непроизводных глаголов, которые гипотетически можно связать с различиями в количестве подсобытий и, следовательно, констатировать, что каузативы двусобытийны. С другой стороны, существование у деепричастий с *-sa* разносубъектной интерпретации ставит под сомнение применимость этой диагностики для данных татышлинского говора: как убедиться, что две интерпретации в (31) свидетельствуют именно о двусобытийности каузатива, а не о разносубъектности деепричастия? Мы вернемся к более подробному обсуждению этого вопроса в разделе 5.

- (29) a. *pet'a maša-jez pukon vâl-ân sâlâ-sa a'ž'-i-z.*
 Петя Маша-ACC стул поверхность-LOC стоять-CVB видеть-PST-3SG
 b. *pet'a pukon vâl-ân sâlâ-sa maša-jez a'ž'-i-z.*
 Петя стул поверхность-LOC стоять-CVB Маша-ACC видеть-PST-3SG
 i. 'Петя стоял на стуле и увидел Машу'.
 ii. *'Петя увидел Машу, которая стояла на стуле'.
- (30) *pet'a pukon vâl-ân sâlâ-sa maša-jez kârž'a-t-i-z.*
 Петя стул поверхность-LOC стоять-CVB Маша-ACC петь-CAUS-PST-3SG
 i. 'Петя стоял на стуле и попросил Машу петь'.
 ii. ?'Петя попросил, чтобы Маша стояла на стуле и пела'.
- (31) *pet'a maša-jez pukon vâl-ân sâlâ-sa kârž'a-t-i-z.*
 Петя Маша-ACC стул поверхность-LOC стоять-CVB петь-CAUS-PST-3SG
 i. ?'Петя стоял на стуле и попросил Машу петь'.
 ii. 'Петя попросил, чтобы Маша стояла на стуле и пела'.

4.2. Модификация адвербиалами

Другой индикатор одно- или двусобытийности — это сфера действия так называемых низких (low) адвербиалов, которые модифицируют структуру на уровне пропозиции⁴ (см., в частности, [Cinque 1999; Delfitto 2006]). Различия в сферах действия актуальны в первую очередь для дистантных (непрямых) каузативов, т. к. с контактными (прямыми), концептуализирующимися как единая ситуация в пространственном и временном плане, любые адвербиалы модифицируют всю ситуацию целиком. Согласно работе [Dik et al. 1990], модификаторы, в свою очередь, можно разделить на несколько классов-уровней, из которых нас будут интересовать два. Во-первых, это субъектно-ориентированные адвербиалы образа действия (subject-oriented manner) типа 'быстро', 'красиво' и др. Вместе с адвербиалами пространственной ориентации они относятся к классу предикатных (predicate satellites) и располагаются на самом низком из доступных адвербиалам уровней в структуре клаузы. Если адвербиал предикатного уровня добавляется в двусобытийную структуру каузативной клаузы, он может иметь узкую сферу действия, т. е. модифицировать подсобытия по отдельности. Тут логичным образом возможны два варианта: только каузирующее CAUSE[ADV[e1]; e2] или только каузируемое CAUSE[e1; ADV[e2]]. В однособытийной структуре модификации подвергается только каузируемое подсобытие.

⁴ Низкие адвербиалы противопоставляются высоким (high) — последние модифицируют уровень высказывания. К ним относятся, например, адвербиалы эпистемической оценки ('вряд ли', 'probably'), оценочные адвербиалы ('к счастью', 'luckily'), прагматические ('честно', 'frankly') и др.

Второй, более высокий уровень — это уровень предикации (predication). К нему относятся разного рода временные модификаторы, а также, например, адвербиалы с семантикой цели, причины и пространственной локации. Для исследования каузативов важно отметить, что, помимо узкой сферы действия, временные модификаторы могут иметь широкую — т. е. модифицировать всю ситуацию целиком: ADV[CAUSE[e1; e2]]. Соответственно, для двусобытийной структуры с модификатором будут возможны три интерпретации, а для однособытийной — две (с широкой сферой действия и с модификацией каузируемого подсобытия).

4.2.1. Адвербиалы образа действия

Взаимодействие агентивно-ориентированных адвербиалов образа действия с двусобытийными каузативами можно увидеть на примере японского языка. Предложение (32) неоднозначно и имеет две интерпретации:

(32) ЯПОНСКИЙ

jon-wa muriyari sono ko-ni sono kutsushita-o ooyorokobide hak-use-ta.

Джон-ТОР насильно этот ребенок-DAT этот носок-ACC радостно надеть-CAUS-PST

‘Джон насильно заставил ребенка надеть носок радостно’ (неоднозначно: «радостно заставил» или «радостно надеть») [Matsumoto 1998: 9].

Однако в татышлинском удмуртском мы такой неоднозначности не наблюдаем: адвербиал может модифицировать только каузируемое подсобытие, но не каузирующее (33)—(34). Таким образом, результат этой диагностики противоречит результатам теста на контроль субъекта деепричастия и показывает однособытийность каузативов.

(33) *vas'a mone šäp kârž'a-t-i-z.*

Вася я.АСС быстрый петь-CAUS-PST-3SG

- i. ‘Вася заставил меня быстро петь’.
- ii. *‘Вася быстро заставил меня петь’.

(34) *vas'a mone tuž ba'ž'äm k̄ara-jen kârž'a-t-i-z.*

Вася я.АСС очень большой голос-INS петь-CAUS-PST-3SG

- i. ‘Вася заставил меня громко петь’.
- ii. *‘Вася громко заставил меня петь’.

4.2.2. Временные адвербиалы: локализация

Адвербиалы временной локализации демонстрируют межъязыковую вариативность. В адыгейском языке они модифицируют либо всю ситуацию, либо каузируемое подсобытие (35). Горномарийский язык, напротив, допускает отдельную модификацию подсобытий и даже добавление двух адвербиалов в одно предложение (36), в отличие от, например, мокшанского (37).

(35) АДЫГЕЙСКИЙ

jate njepe čale-mwacə r-jə-ve-wəpč'e.

отец(OBL) сегодня парень-OBL 3SG.CS-3SG.CR-CAUS-косить(PRS)

- i. ‘Отец сегодня заставляет/просит парня косить траву (и парень косит сегодня)’.
- ii. ‘Парень сегодня косит траву, потому что отец его (раньше) заставил / попросил’.
- iii. *‘Отец сегодня заставляет/просит парня косить траву, но будет ли тот косить и если да, то когда, неизвестно’ [Аркадьев, Летучий 2007: 4].

(36) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tagačə pet'a vas'a-lan irgod-əm sir-mäš-əm sir-əkt-en.

сегодня Петя Вася-DAT завтрашний.день-ACC писать-NMLZ-ACC писать-CAUS.DIST-PRET

‘Сегодня Петя заставил Васю написать завтра письмо’ [Сибирева 2017: 8].

(37) МОКШАНСКИЙ

**mon is'ak šta-ft-in'ə kat'e-n' kectə pasuda-t' i son t'eč'i šta-z'ə.*

я вчера мыть-CAUS-PST.3.O.1SG.S Катя-GEN рука.EL посуда-DEF.SG.GEN и она сегодня мыть-PST.3SG.O.3SG.S
Ожидаемое значение: ‘Я вчера заставила Катю помыть посуду, и она сегодня помыла’ [Никифорова 2018: 485].

В татышлинском удмуртском адвербиалы локализируют всю ситуацию целиком (38), добавить второй адвербиал невозможно (39).

(38) *č'ukaje kat'a pet'a-jez vâž-ez mis'kâ-t-o-z.*

завтра Катя Петя-ACC пол-ACC мыть-CAUS-FUT-3SG

‘Завтра Катя попросит Петю помыть пол {, и Петя завтра же помоет}’.

(39) **ünne nač'al'n'ik maša-jez č'ukaje [uža-t-i-z / uža-t-e / uža-t-o-z].*

сегодня начальник Маша-ACC завтра работать-CAUS-PST-3SG работать-CAUS-PRS.3SG работать-CAUS-FUT-3SG

Ожидаемое значение: ‘Начальник сегодня заставил / заставляет / заставит Машу работать завтра’.

Грамматические показатели времени также локализируют всю ситуацию, обозначенную глаголом, целиком. В частности, форма прошедшего времени не может употребляться для описания каузативной ситуации, если в момент речи каузирующее подсобытие завершилось, а каузируемое — нет (40). Такой характер взаимодействия для однособытийных каузативов не кажется удивительным, ср., например, русское предложение «Вася напоил Петю чаем», где прошедшее время также маркирует завершенность всей ситуации. Важное отличие татышлинского глагола заключается в том, что он морфологически произведен и включает регулярную каузативную морфему.

(40) *uč'kâ-∅, anaj-ez vas'a-jez pin'-ze mis'kâ-t-i-z!*

смотреть-IMP мама-POSS.3SG Вася-ACC зуб-ACC.POSS.3SG мыть-CAUS-PST-3SG

‘Смотри, мама заставила Васю чистить зубы {и он уже закончил / *поэтому он сейчас их чистит}!’

На первый взгляд, с точки зрения ограничений на эксплицитную временную локализацию каузативы на *-t* являются прямыми в терминах [Shibatani, Pardeshi 2002], т. е. обязательно обозначают ситуацию, протекающую в едином временном профиле. Любопытно, что иметь два временных профиля для разных подсобытий не могут даже семантически дистантные каузативы (38)—(40), которые в типологической перспективе тяготеют к тому, чтобы концептуализироваться как две отдельные ситуации и выражать непрямую каузацию.

4.2.3. Адвербиалы длительности

При двусобытийных каузативах, где подсобытие каузации представляет собой полноценную самостоятельную ситуацию, предложения с адвербиалом длительности могут иметь три интерпретации, как в карачаево-балкарском языке:

(41) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

fatima eki minut kerim-ge terek-ni cajqa-t-ti.

Фатима два минута Керим-DAT дерево-ACC качать-CAUS-PST.3SG

i. ‘Фатима две минуты заставляла Керима покачать дерево’.

ii. ‘Фатима заставила Керима покачать дерево две минуты’.

iii. ‘Фатима заставляла Керима покачать дерево (и все это происходило) две минуты’ [Лютикова и др. 2006: 141].

Вместе с тем адвербиалы длительности очевидным образом чувствительны к контактности или дистантности каузативов. В татышлинском удмуртском при контактной интерпретации адвербиал модифицирует всю ситуацию целиком (42i); при дистантной модифицируется только каузируемое подсобытие (42ii), но не каузирующее (42iii).

(42) *anaj-ez kâk sägät maša-jez šâd s'iâ-t-i-z.*

мама-POSS.3SG два час Маша-ACC суп есть-CAUS-PST-3SG

i. ‘Мама два часа кормила Машу супом’.

ii. ‘Мама заставила Машу есть суп два часа’.

iii. *‘Мама два часа уговаривала Машу съесть суп’.

Если каузируемое подсобытие по своим акциональным свойствам не сочетается с адвербиалом длительности (43a), то модификация невозможна совсем (43b). Если бы каузатив был двусобытийным, то это не стало бы причиной полной неграмматичности предложения, поскольку можно было бы ожидать, что каузирующее подсобытие отдельно осталось бы доступно для модификации.

(43) а. **ruslan sumka-jez odig minut bas't-i-z.*

Руслан сумка-ACC один минута брать-PST-3SG

Ожидаемое значение: ‘Руслан брал сумку одну минуту’.

- b. **anaj-ez vas'a-jez kâk sägät ž'òk vâl-âs' jablok bas'tâ-t-i-z.*
 мама-POSS.3SG Вася-ACC два час стол поверхность-EL яблоко брать-CAUS-PST.3SG
 Ожидаемое значение: 'Мама два часа уговаривала Васю взять яблоко со стола / мама заставила Васю два часа брать яблоко со стола'.

4.2.4. Адвербиалы кратности

Как упоминалось выше, в ряде работ среди временных адвербиалов для определения количества подсобытий рассматриваются только адвербиалы кратности. В частности, его применяет О. Танцош для литературного удмуртского: предложение (44) имеет две интерпретации, из чего автор делает вывод, что каузатив с *-t* двусобытиен. Для адыгейского языка П. М. Аркадьев и А. Б. Летучий приводят контекст (45), предполагающий, что модификатор кратности относится к каузирующему подсобытию.

(44) ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

Дыш-ет-йсь Саша-ез одйг кырзан-эз кык пол кырза-т-й-з.
 учиться-CAUS-PTCP.ACT Саша-ACC один песня-ACC два раз петь-CAUS-PST-3SG
 'Учитель заставил Сашу петь одну песню дважды' (неоднозначно: «дважды заставил» или «дважды спел») [Tánczos 2015: 128].

(45) АДЫГЕЙСКИЙ

fatjəme azamate pč-er t_we qə-ʔ_we-r-jə-ve-x'ə-v,
 Фатима(OBL) Азамат(OBL) дверь-ABS дважды DIR-LOC-3SG.CS-3SG.CR-CAUS-открыть-PST
aw azamate ze qə-ʔ_we-r-jə-x'ə-v.
 но Азамат(OBL) один.раз DIR-LOC-LOC-3SG.A-открыть-PST
 'Фатима два раза просила Азамата дверь открыть, а он открыл только один раз' [Аркадьев, Летучий 2007: 5].

Каузативы в татышлинском удмуртском, как и в случае адвербиалов длительности, выказывают разные свойства в зависимости от контактности. При контактных каузативах адвербиалы кратности ожидаемо имеют широкую сферу действия (46). При дистантных каузативах адвербиалы свободно модифицируют каузируемое подсобытие (47i), но не каузирующее (47ii)⁵; интерпретация (47iii) с модификацией ситуации целиком допускается не всеми опрошенными носителями.

- (46) *dâš-et-is' vas'a-jez kâk pol (ki-ti-z kutâ-sa)*
 учиться-CAUS-PTCP.ACT Вася-ACC два раз рука-PROL-POSS.3SG держать-CVB
klass-is' pot-t-i-z.
 класс-EL выходить-CAUS-PST-3SG
 'Учитель дважды вывел Васю из класса (за руку)'.

- (47) *tren'er ruslan-ez kâk pol stad'ion kotâr-ti biz'â-t-i-z.*
 тренер Руслан-ACC два раз стадион круг-PROL бежать-CAUS-PST-3SG
 i. 'Тренер заставил Руслана пробежать два круга по стадиону'.
 ii. ??'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион {, а Руслан пробежал только один раз}'.
 iii. %'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион {один раз сказал обежать, потом второй раз сказал, и Руслан оба раза обегал}'.

Контекст в (48), аналогичный адыгейскому примеру (45), при этом показывает несколько иной результат: он приемлем для половины опрошенных информантов. Мы предполагаем, что в нем на самом деле также происходит модификация только каузируемого подсобытия, а не каузирующего, и обсудим его подробнее в следующем разделе.

- (48) %*tren'er ruslan-ez kâk pol stad'ion kotâr-ti biz'â-t-i-z=no ruslan odig*
 тренер Руслан-ACC два раз стадион круг-PROL бежать-CAUS-PST-3SG=ADD Руслан один
pol gine biz'-i-z.
 раз только бежать-PST-3SG
 'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион, а Руслан пробежал только один раз'.

⁵ Маркировка двумя знаками вопроса при этой интерпретации обозначает единичные случаи разрешения — в отличие от знака процента, где случаев разрешения и запрета равное количество.

4.3. Диагностики: обобщение

Подведем итоги применения пяти тестов на количество событий в структуре морфологических каузативов с *-t* в татышлинском удмуртском. В литературном удмуртском, согласно [Tánczos 2015], диагностики 1 и 5 показывают строгую двусобытийность (остальные тесты к литературному удмуртскому не применялись).

Результаты применения диагностик

Диагностика	Результат	Структура
1. Контроль субъекта деепричастий	Два контролера: Каузатор и Каузируемый	(Двусобытийная)
2. Адвербиалы образа действия	Каузируемое подсобытие	Однособытийная
3. Адвербиалы временной локализации	Только вся ситуация	Однособытийная
4. Адвербиалы длительности	При контактной интерпретации: вся ситуация; при дистантной интерпретации: только каузируемое подсобытие	Однособытийная
5. Адвербиалы кратности	Каузируемое подсобытие, ^{??} каузирующее под- событие, [%] вся ситуация	Однособытийная

5. Обсуждение

Первое обобщение, которое можно сделать по результатам применения диагностик, следующее: каузируемое подсобытие чаще доступно для модификации, а каузирующее, напротив, скорее не может модифицироваться. Это говорит в пользу однособытийной структуры, но тогда необходимо отдельно обсудить тесты 1, 3 и 5.

Мы включили в рассмотрение тест на контроль деепричастия, поскольку его широко применяют на материале других языков, в том числе литературного удмуртского. Вместе с тем, выше мы уже обозначили, что его результаты связаны не с событийной структурой каузативов, а с некоторыми внешними факторами. Конкретные механизмы еще предстоит установить, но в пользу этого утверждения говорит несколько фактов. Во-первых, синтаксический статус Каузируемого при морфологических каузативах неясен, во многом из-за его падежа: механизмы приписывания и лицензирования второго аккузатива в конструкциях с двумя объектами (*double-object*) могут быть различными для разных языков [Baker 1985; 2015]. Консенсуса по этому вопросу для удмуртского языка среди исследователей нет (см. одну из гипотез в [Tánczos 2015: 112—116]). Можно предположить, что синтаксические свойства Каузатора, например позиция (как минимум аргументная или адъюнктивная), могут влиять на контроль деепричастий. Во-вторых, синтаксические свойства деепричастных клауз также изучены не до конца — например, односубъектные деепричастия на *-sa* демонстрируют подчинительные свойства относительно главной клаузы, тогда как разносубъектные — скорее сочинительные [Данилова 2022]; для корректного убедительного заключения о возможностях контроля разных аргументов главной клаузы необходимы дальнейшие исследования. На данный момент понятно, что деепричастия не могут использоваться в качестве диагностики событийной структуры каузативов в удмуртском языке — и это ставит под сомнение валидность теста в других языках, в особенности потому, что в работах, посвященных каузативам, редко эксплицитно рассматривают свойства причастий и деепричастий в клаузах с непроизводными переходными глаголами.

Тест на сферу действия адвербиалов кратности, на первый взгляд, может показаться неоднозначным из-за примера (48), повторенного в (49). В таком случае нам пришлось бы заключить, что адвербиалы кратности имеют в некотором роде больший доступ к каузирующему подсобытию, чем адвербиалы других классов. Похожая асимметрия между типами временных модификаторов обнаружена в адыгейском языке [Аркадьев, Летучий 2007].

- (49) *%tren'er ruslan-ez kâk pol stad'ion kotâr-ti biz'â-t-i-z=no ruslan*
 тренер Руслан-ACC два раз стадион круг-PROL бежать-CAUS-PST-3SG=ADD Руслан
odig pol gine biz'-i-z.
 один раз только бежать-PST-3SG

‘Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион, а Руслан пробежал только один раз’.

Этого видимого неединообразия между типами адвербиалов можно избежать, если рассматривать пример выше как модификацию не каузирующего подсобытия (‘тренер совершил два акта каузации Руслана’), а каузируемого (‘тренер единожды каузировал Руслана совершить X, и в X входит два раза

обежать стадион'). Контекст на целевом языке ни в татышлинском, ни в адыгейском (пример (45)) такую трактовку не блокирует.

Допустимость (49) коррелирует с неимпликативностью каузатива в идиолекте носителя. Импликативным является каузатив, который не может иметь значения неудачной попытки: CAUS(P) \subset P [Холодович (ред.) 1969; Shibatani 2002; Maldonado, Nava 2002]. Насколько нам известно, импликативность каузативов на удмуртском материале ранее не описывалась. Относительно этого параметра опрошенные носители татышлинского говора строго делятся на две примерно равные группы (никаких социолингвистических параметров, которые бы коррелировали с этим распределением, не выявлено):

- (50) % *dâš-et-is'* *pet'a-jez ôs-ez vorsâ-t-i-z=no* *pet'a ôz vorsâ.*
 учиться-CAUS-PTCP.ACT Петя-ACC дверь-ACC закрывать-CAUS-PST-3SG=ADD Петя NEG.PST.3 закрывать
 'Учитель попросил Петю закрыть дверь, но Петя не закрыл'.

В идиолектах с импликативным каузативом предложения с модификатором каузируемого подсобытия не могут употребляться тогда, когда последующий контекст противоречит модификатору (51): если тренер (в прошедшем времени) заставил Руслана пробежать два круга по стадиону, то к моменту речи Руслан **уже** закончил их бегать. В идиолектах с неимпликативным каузативом, напротив, возможно значение неудачной попытки, стало быть, каузируемое подсобытие могло не произойти или произойти не в том виде, в каком подразумевалось Каузатором. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что контекстная нейтрализация других модификаторов каузируемого подсобытия так же зависит от (не)импликативности каузатива, как адвербиала кратности. В примере (51) каузируемым подсобытием является 'пахать огород два дня'; добавить контекст, при котором реально случившаяся ситуация отличается от этой, возможно только в идиолектах с неимпликативным каузативом. Таким образом, предложение (49) не является примером модификации каузирующего подсобытия, а адвербиалы кратности показывают такие же возможности относительно сферы действия, как и адвербиалы других классов.

- (51) % *ataj-ez ruslan-ez kâk nunal bakč'a-jez gârâ-t-i-z=no ruslan*
 отец-POSS.3SG Руслан-ACC два день огород-ACC пахать-CAUS-PST-3SG=ADD Руслан
odig nunal gine gâr-i-z.
 один день только пахать-PST-3SG
 'Отец попросил Руслана два дня пахать огород, а Руслан пахал только один день'.

Наконец, обсудим результаты теста на сферу действия адвербиалов временной локализации. Он выливается из общей тенденции потому, что единственный имеет только широкую сферу действия. Типологически такое поведение не является самоочевидным даже для однособытийных каузативов: в адыгейском языке, например, каузирующее подсобытие не может локализовываться отдельно от каузируемого, но при этом адвербиалы локализации могут иметь узкую сферу действия, т. е. охватывать каузируемое подсобытие, а не всю ситуацию целиком, см. (35). Получается, в татышлинском удмуртском каузируемое подсобытие доступно для любых типов модификаторов, кроме адвербиалов локализации, что кажется непоследовательным. Однако это можно объяснить, если предположить, что событийная структура каузативов на *-t* требует обязательного непосредственного следования подсобытий друг за другом: адвербиал модифицирует каузируемое подсобытие, а каузирующее не может быть от него отделено, поэтому «притягивается» за каузируемым и оказывается локализовано в той же временной точке. Это предположение согласуется с тем, что грамматические показатели времени в целом локализуют каузируемое подсобытие: как мы видели, форма прошедшего времени каузативного глагола может употребляться исключительно в том случае, если каузируемое подсобытие завершено (40). Форма настоящего времени возможна, когда в фокусе говорящего находится лишь каузируемое подсобытие (но каузирующее при этом подразумевается), см. пример (27), повторенный под номером (52). Если же в фокусе находится только каузирующее подсобытие, то возникает вариативность оценок приемлемости (52ii):

- (52) *uč'kâ-∅, anaj-ez vas'a-jez pin'-ze mis'kâ-t-e!*
 смотреть-IMP мать-POSS.3SG Вася-ACC зуб-ACC.POSS.3SG мыть-CAUS-PRS.3SG
 'Смотри, мама заставляет Васю чистить зубы!'
 i. {Мы заходим в ванную и видим, как Вася чистит зубы (мамы нет, но я знаю, что без напоминания он бы не стал этого делать)}.
 ii. % {Мы заходим в комнату и видим, как мама просит Васю пойти почистить зубы}.

Интерпретация (52ii) допустима исключительно в идиолектах с неимпликативным каузативом, где факт того, что случилось каузирующее подсобытие, не влечет за собой по умолчанию, что каузируемое подсобытие тоже случилось. Можно было бы ожидать, что большая степень самостоятельности каузи-

рующего подсобытия в неимплицативных идиолектах будет распространяться и на возможность его модификации, однако это не так. Каузирующее подсобытие имеет экстремально редуцированную структуру. Это среди прочего объясняет (или по меньшей мере коррелирует с данными явлениями) неспецифицированность каузативов на *-t* по типу каузации и затрудненность пермиссивной интерпретации, которая является типологически частым периферийным значением, но семантически представляется более комплексной, чем другие частные каузативные значения: «позволяющий» участник, в отличие от каузируемого, не инициирует процесс протекания ситуации и не имеет над ним контроля [Knott 1995; Kural 1997].

Таким образом, с описательной точки зрения морфологические каузативы на *-t* однособытийны, причем как контактные, так и дистантные. Однако такой широкий ярлык не позволяет зафиксировать различия между несколькими группами глаголов: контактными каузативами, дистантными имплицативными каузативами и дистантными неимплицативными каузативами. Понятие континуума [Shibatani, Pardeshi 2002] между прямой и непрямой каузацией оказывается более удачным для классификации и описания этих групп.

Татышлинские контактные каузативы, очевидно, являются прямыми, а их подсобытия обладают одним и тем же пространственно-временным профилем. В дистантных каузативах взаимодействие между подсобытиями носит иной характер: во-первых, между каузирующим и каузируемым подсобытиями нет полного временного перекрытия (52), а во-вторых, они допускают отсутствие пространственного перекрытия (53).

- (53) *nač'al'n'ik [gožtet / ʔruslan] pâr maša-jez uža-t-i-z⁶.*
 начальник письмо Руслан через Маша-ACC работать-caus-PST-3SG
 'Начальник через записку / через Руслана заставил Машу работать'.

Однако полной «свободы» каузирующего подсобытия татышлинские каузативы не имеют. В работе [Лютчикова и др. 2006: 56] утверждается, что дистантные⁷ каузативы в карачаево-балкарском языке допускают нарушения единств трех типов: времени, места и участников. В татышлинском удмуртском подсобытия не могут быть разведены во времени, т. е. каузируемое обязано следовать сразу за каузирующим, как мы наблюдали выше. Тот факт, что татышлинские дистантные каузативы «проходят» тест на нарушение единства места и участников (53), но не «проходят» тест на нарушение единства времени, еще раз говорит о существовании континуума между прямой и непрямой каузацией.

Имплицативные каузативы в этом континууме располагаются посередине шкалы и имеют временное перекрытие между подсобытиями, но это перекрытие неполное: к моменту завершения каузирующего подсобытия каузируемое начато и продолжается, поэтому невозможно значение неудачной попытки. Неимплицативные каузативы стоят ближе к непрямым каузативам: подсобытия должны располагаться «вплотную» друг к другу, однако без перекрытия, поэтому после завершения каузирующего подсобытия возможно развитие ситуации, при котором каузируемое не наступает. Ситуации непрямой каузации, где подсобытия были бы разведены еще более широко и отделены друг от друга некоторым контекстно значимым временным интервалом, каузативы на *-t* выразить не могут.

6. Выводы

Мы применили к морфологическим каузативам с суффиксом *-t* в татышлинском удмуртском несколько диагностик одно- или двусобытийности (на материале литературного языка ранее применялась только часть из них): набор возможных агентивных участников-контролеров субъекта деепричастной клаузы, модификация агентивно-ориентированными адвербиалами, модификация временными адвербиалами разных классов (локализации, кратности, длительности). Мы установили, что, во-первых, тест на контроль деепричастных клауз для данных татышлинского говора неприменим, поскольку он оказывается чувствителен к другим синтаксическим явлениям. Во-вторых, морфологически продуктивные каузативы, в отличие от каузативов с суффиксом *-t* в литературном удмуртском, оказываются однособытийными вне зависимости от контактной или дистантной семантики: каузирующее подсобытие имеет экстремально редуцированную структуру, не может принимать никакие модификаторы и обязательно примыкает к каузируемому во временном отношении. Этим фактом можно объяснить неспецифицированность по типу каузирующего воздействия, а именно затрудненность пермиссивной интерпретации.

⁶ В ряде идиолектов сочетание *pâr* с одушевленным существительным возможно только с прямым значением послелога 'через, сквозь'.

⁷ В терминологии, принятой в указанной работе, дистантным каузативам соответствуют каузативы, образованные от агентивных основ.

В-третьих, опрошенные носители татышлинского удмуртского строго делятся на две группы в отношении (не)импликативности морфологических каузативов (соответствующие данные литературного удмуртского в существующих исследованиях не рассматриваются). Однако даже неимпликативность не дает каузирующему подсобытию больше «свободы» и самостоятельности.

Эти результаты любопытны с типологической точки зрения. С одной стороны, в том направлении исследований, где применялись тесты на количество субъектов деепричастных клауз и модификацию низкими адвербиалами, нет консенсуса относительно того, каузативы какого языка можно назвать однособытийными. Гипотезу об однособытийности морфологических каузативов выдвигали для венгерского [Horvath, Siloni 2010], см., однако, противоположное мнение в [Bartos 2011]. С другой стороны, каузативы с суффиксом *-t* в татышлинском говоре нетривиальным образом покрывают семантический континуум, предложенный в [Shibatani, Pardeshi 2002]. Авторы утверждают, что левый край континуума (прямые каузативы, с непосредственным физическим контактом и полным пространственно-временным перекрытием между подсобытиями) в языках мира скорее стремится к формальному выражению лексическими средствами и концептуализируется как единое событие, тогда как правый (непрямые каузативы, без непосредственного контакта, без присутствия Каузатора в осуществлении каузируемого подсобытия) имеет другие способы выражения и концептуализируется как два разных события. Татышлинские каузативы с показателем *-t*, во-первых, выражают все значения континуума, а во-вторых, концептуализируются как одно событие вне зависимости от их контактной или дистантной семантики.

Глоссы

1, 3 — 1, 3 лицо	IMP — императив
ABL — аблатив	INF — инфинитив
ABS — абсолютив	INS — инструменталис
ACC — аккузатив	IPFV — имперфектив
ADD — аддитивная частица	LOC — локатив
CAUS — каузатив	NEG — отрицание
CAUS.DIST — дистантный каузатив	NMLZ — номинализация
CONJ — союз	OBJ/O — объект
CR — каузатор	OBL — косвенный падеж
CS — каузируемый	PAST/PST — прошедшее время
CVB — деепричастие	PC — причастие
CV.PURP — целевое деепричастие	POSS/P — посессив
DAT — датив	PRET — претерит
DEF — определенность	PROL — пролатив
DETR — детранзитив	PRS — настоящее время
EL — элатив	PTCP.ACT — активное причастие
FUT — будущее время	REFL — рефлексив
GEN — генитив	S — субъект
GEN2 — второй генитив	SG — единственное число
ILL — иллатив	TOP — топик

Литература

Аркадьев, Летучий 2007 — П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 1—3 ноября 2007). [Материалы доклада], 2007. <https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/ArkadievLetuchiy-caus-handout.pdf>

Бонч-Осмоловская 2007 — А. А. Бонч-Осмоловская. Семантика актантных дериваций // Е. А. Лютикова и др. (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 143—192.

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / П. И. Перевощиков, В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев (ред.). Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.

Данилова 2022 — А. А. Данилова. Синтаксические свойства деепричастий на *-sa*, *-kə*, *-č'č'ož* в татышлинском говоре удмуртского языка // Конференция «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ, 22—23 апреля 2022 г.) [Материалы доклада], 2022. <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks>

- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Ижевск: Удмуртия, 1998.
- Кондратьева 2002 — Н. В. Кондратьева. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане). Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.
- Кондратьева 2009 — Н. В. Кондратьева. Возникновение формы залога в современном удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2009, 1. С. 73—86.
- Костина 2022 — К. Г. Костина. Типы залоговых конструкций удмуртского глагола. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022.
- Лыткин 1957 — В. И. Лыткин. Понудительный залог в пермских языках // Ученые записки Удмуртского НИИ ИЭИЯ. 1957, 18. С. 99—106.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Никифорова 2018 — С. О. Никифорова. Каузатив // М. А. Холодолова и др. (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М: Буки Веди, 2018. С. 472—489.
- Перехвальская 2017 — Е. В. Перехвальская. Каузативные конструкции в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. 13. С. 231—254.
- Сибирева 2017 — А. А. Сибирева. Каузатив в горномарийском языке: двойной каузатив и семантика интенсификации // Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 23—25 ноября 2017 г.). [Материалы доклада], 2017. <http://hillmari-exp.tilda.ws/talks>
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Холодович (ред.) 1969 — А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.
- Baidoullina 2003 — А. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Tartu, 2003.
- Baker 1985 — M. Baker. The mirror principle and morphosyntactic explanation // Linguistic Inquiry. 1985, 16. P. 373—416.
- Baker 2015 — M. Baker. Case: its principles and parameters. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Bartos 2011 — H. Bartos. Hungarian external causatives: Monoclausal but bi-eventive // T. Laczko, C. O. Ringen (eds.). Approaches to Hungarian. Vol. 12. Papers from the 2009 Debrecen Conference. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 1—38.
- Cinque 1999 — G. Cinque. Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective. New York—Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Comrie 1981 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Oxford: Blackwell, 1981.
- Delfitto 2006 — D. Delfitto. Adverb classes and adverb placement // H. van Riemsdijk, M. Everaert (eds.). The Blackwell Companion to Syntax. Vol. 1. Oxford: Blackwell, 2006. P. 83—120.
- Dik et al. 1990 — S. C. Dik, K. Hengeveld, E. Vester, C. Vet. The hierarchical structure of the clause and the typology of adverbial satellites // J. Nyuts, A. Machelt Bolkestein, C. Vet (eds.). Layers and levels of representation in language theory. Amsterdam: John Benjamins, 1990. P. 25—10.
- Dolovai 2006 — D. Dolovai. A műveltetés és a műveltető szerkezetek // I. Kozmács, K. Sipőcz (eds.). Uralisztika. Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. P. 147—165.
- Harley 2008 — H. Harley. On the causative construction // S. Miyagawa, M. Saito (eds.). The Oxford handbook of Japanese linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 20—53.
- Horvath, Siloni 2010 — J. Horvath, T. Siloni. Lexicon vs. syntax: Evidence from morphological causatives // M. Rapoport Hovav, E. Doron, I. Sichel (eds.). Syntax, lexical semantics and event structure. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 153—176.
- Karttunen 1971 — L. Karttunen. Implicative verbs // Language. 1971, 47. P. 340—358.
- Kitagawa 1986 — Y. Kitagawa. Subjects in Japanese and English. PhD thesis. Amherst, Massachusetts, 1986.
- Knott 1995 — J. Knott. The causative-passive correlation // D. C. Bennett, T. Bynon, B. G. Hewitt (eds.). Subject, voice and ergativity. London: School of Oriental and African Studies, 1995. P. 53—59.
- Koshevoy 2018 — A. Koshevoy. Morphological causatives in Abaza // Linguistics. Working papers BRP HSE. No 75/LNG/2018, 2018. <https://wp.hse.ru/data/2018/12/25/1143086542/75LNG2018.pdf>
- Kulikov 2001 — L. Kulikov. Causatives // M. Haspelmath et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 886—898.
- Kural 1997 — M. Kural. Modality in causatives // Proceedings of the 23th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1997. P. 224—233.
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Causativization and event structure // B. Copley, F. Martin (eds.). Causation in Grammatical Structures. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 279—327.

Maldonado, Nava 2002 — *R. Maldonado, L. E. F. Nava*. Tarascan causatives and event complexity // *M. Shibatani* (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 157—198.

Matsumoto 1998 — *Y. Matsumoto*. A reexamination of the cross-linguistic parametrication of causative predicates: Japanese perspectives // *M. Butt, T. H. King* (eds.). *Proceedings of the LFG'98 Conference Vol. 16*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 1—16.

Pykkänen 2000 — *L. Pykkänen*. Representing causatives // *Semantics and Linguistic Theory*. 2000, 10. P. 132—148.

Say 2013 — *S. Say*. Kalmyk causative constructions: case marking, syntactic relations and the speaker's perspective // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. 2013, 94. P. 257—280.

Shibatani 1972 — *M. Shibatani*. Three reasons for not deriving 'kill' from 'cause to die' in Japanese // *J. Kimball* (ed.). *Syntax and Semantics*. Vol. 1. New York: Academic Press, 1972. P. 125—137.

Shibatani 2002 — *M. Shibatani*. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation // *M. Shibatani* (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 1—22.

Shibatani, Chung 2002 — *M. Shibatani, S.-Y. Chung*. Japanese and Korean causatives revisited // *N. M. Akatsuka, S. Strauss* (eds.). *Japanese/Korean Linguistics*. Vol. 10. Stanford: CSLI Publications, 2002. P. 32—49.

Shibatani, Pardeshi 2002 — *M. Shibatani, P. Pardeshi*. The causative continuum // *M. Shibatani* (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 85—126.

Tánczos 2015 — *O. Tánczos*. Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language. PhD thesis. Budapest, 2015.

References

Arkad'ev, Letuchii 2007 — *P. M. Arkad'ev, A. B. Letuchii*. Tipologicheski netrivial'nye svoystva morfologicheskogo kauzativa v adygeiskom yazyke. In: *Chetvertaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. (Sankt-Peterburg, ILI RAN, 1—3 noyabrya 2007). [Materialy doklada], 2007. <https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/ArkadievLetuchiy-caus-handout.pdf> {*P. M. Arkad'ev, A. B. Letuchii*. Typologically non-trivial features of the morphological causative in Adyg. In: *The fourth conference on typology and grammar for young scholars* (Saint-Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Science, November 1—3 2007). [Talk materials], 2007. <https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/ArkadievLetuchiy-caus-handout.pdf>}

Baidoullina 2003 — *A. Baidoullina*. Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. Magisterskaya dissertatsiya. Tartu, 2003. {*A. Baidoullina*. *The Tatyshly dialect of the Udmurt language*. MA dissertation. Tartu, 2003.}

Baker 1985 — *M. Baker*. The mirror principle and morphosyntactic explanation. In: *Linguistic Inquiry*. 1985, 16. P. 373—416.

Baker 2015 — *M. Baker*. *Case: its principles and parameters*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Bartos 2011 — *H. Bartos*. Hungarian external causatives: Monoclausal but bi-eventive. In: *T. Laczkó, C. O. Ringen* (eds.). *Approaches to Hungarian*. Vol. 12. Papers from the 2009 Debrecen Conference. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 1—38.

Bonch-Osmolovskaya 2007 — *A. A. Bonch-Osmolovskaya*. Semantika aktantnykh derivatsii. In: *E. A. Lyutikova i dr.* (red.). *Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike*. Kazan': Magarif, 2007. S. 143—192. {*A. A. Bonch-Osmolovskaya*. *The semantics of actant derivations*. In: *E. A. Lyutikova et al.* (ed.). *Mishar dialect of Tatar. Essays on syntax and semantics*. Kazan': Magarif, 2007. P. 143—192.}

Cinque 1999 — *G. Cinque*. *Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective*. New York—Oxford: Oxford University Press, 1999.

Comrie 1981 — *B. Comrie*. *Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology*. Oxford: Blackwell, 1981.

Danilova 2022 — *A. A. Danilova*. Sintaksicheskie svoystva deeprichastii na -sa, -kâ, -č'č'ož v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka. In: *Konferentsiya "Malye yazyki v bol'shoi lingvistike"* (Moskva, MGU, 22—23 aprelya 2022 g.) [Materialy doklada], 2022. <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks> {*A. A. Danilova*. *Sintaksicheskie svoystva deeprichastii na -sa, -kâ, -č'č'ož v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka*. *Syntactic features of converbs with the suffixes -sa, -kâ, and -č'č'ož in Tatyshly Udmurt*. In: *Conference "Minor languages in the Big linguistics"* (Moscow, Lomonosov Moscow State University April 22—23 2022) [Talk materials], 2022. <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks>}

Delfitto 2006 — *D. Delfitto*. Adverb classes and adverb placement. In: *H. van Riemsdijk, M. Everaert* (eds.). *The Blackwell Companion to Syntax*. Vol. 1. Oxford: Blackwell, 2006. P. 83—120.

Dik et al. 1990 — *S. C. Dik, K. Hengeveld, E. Vester, C. Vet*. The hierarchical structure of the clause and the typology of adverbial satellites. In: *J. Nyuts, A. Machelt Bolkestein, C. Vet* (eds.). *Layers and levels of representation in language theory*. Amsterdam: John Benjamins, 1990. P. 25—10.

Dolovai 2006 — *D. Dolovai*. A műveltetés és a műveltető szerkezetek. In: *I. Kozmács, K. Sipőcz* (eds.). *Uralisztika*. Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. P. 147—165.

- GSUYA 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya / P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (red.). Izhevsk: Izhevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology. P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (eds.). Izhevsk: Izhevsk book publishing house, 1962.}
- Harley 2008 — H. Harley. On the causative construction. In: S. Miyagawa, M. Saito (eds.). The Oxford handbook of Japanese linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 20—53.
- Horvath, Siloni 2010 — J. Horvath, T. Siloni. Lexicon vs. syntax: Evidence from morphological causatives. In: M. Rappaport Hovav, E. Doron, I. Sichel (eds.). Syntax, lexical semantics and event structure. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 153—176.
- Karttunen 1971 — L. Karttunen. Implicative verbs. In: Language. 1971, 47. P. 340—358.
- Kel'makov 1998 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Izhevsk: Udmurtiya, 1998. {V. K. Kel'makov. The brief course of the dialectology of Udmurt: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Izhevsk: Udmurtiya, 1998.}
- Kholodovich (red.) 1969 — A. A. Kholodovich (red.). Tipologiya kauzativnykh konstruktssii. Morfologicheskii kauzativ. Leningrad: Nauka, 1969. {A. A. Kholodovich (ed.). The typology of causative constructions. Morphological caustive. Leningrad: Nauka, 1969.}
- Kitagawa 1986 — Y. Kitagawa. Subjects in Japanese and English. PhD thesis. Amherst, Massachusetts, 1986.
- Knott 1995 — J. Knott. The causative-passive correlation. In: D. C. Bennett, T. Bynon, B. G. Hewitt (eds.). Subject, voice and ergativity. London: School of Oriental and African Studies, 1995. P. 53—59.
- Kondrat'eva 2002 — N. V. Kondrat'eva. Vyrazhenie pryamogo ob"ekta v udmurtskom yazyke (v istoriko-sopostavitel'nom plane). Dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2002. {N. V. Kondrat'eva. Marking of direct objects in the Udmurt language (in historic and comparative perspective). PhD thesis. Izhevsk, 2002.}
- Kondrat'eva 2009 — N. V. Kondrat'eva. Vozniknovenie formy zaloga v sovremennom udmurtskom yazyke. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. 2009, 1. S. 73—86. {N. V. Kondrat'eva. Emergence of the voice forms in modern Udmurt. In: Buletin of the Udmurt university. History and philology. 2009, 1. P. 73—86. }
- Koshevoy 2018 — A. Koshevoy. Morphological causatives in Abaza. In: Linguistics. Working papers BRP HSE. No 75/LNG/2018, 2018. <https://wp.hse.ru/data/2018/12/25/1143086542/75LNG2018.pdf>
- Kostina 2022 — K. G. Kostina. Tipy zalogovykh konstruktssii udmurtskogo glagola. Dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2022. {K. G. Kostina. Types of the verbal voice constructions in Udmurt. PhD thesis. Izhevsk, 2022.}
- Kulikov 2001 — L. Kulikov. Causatives. In: M. Haspelmath et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 886—898.
- Kural 1997 — M. Kural. Modality in causatives. In: Proceedings of the 23th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1997. P. 224—233.
- Lytkin 1957 — V. I. Lytkin. Ponuditel'nyi zalog v permskikh yazykakh. In: Uchenye zapiski Udmurtskogo NII IEHIYA. 1957, 18. S. 99—106. {V. I. Lytkin. Causative voice in the Permian languages. In: Memoires of the Udmurt history, language and literature institute. 1957, 18. P. 99—106.}
- Lyutikova i dr. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskii. Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke. Moskva: IMLI RAN, 2006. {E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskii.. Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, 2006.}
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Causativization and event structure. In: B. Copley, F. Martin (eds.). Causation in Grammatical Structures. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 279—327.
- Maldonado, Nava 2002 — R. Maldonado, L. E. F. Nava. Tarascan causatives and event complexity. In: M. Shibatani (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 157—198.
- Matsumoto 1998 — Y. Matsumoto. A reexamination of the cross-linguistic parametrication of causative predicates: Japanese perspectives. In: M. Butt, T. H. King (eds.). Proceedings of the LFG'98 Conference Vol. 16. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 1—16.
- Nikiforova 2018 — S. O. Nikiforova. Kauzativ. In: M. A. Kholodilova i dr. (red.). Ehlementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Moskva: Buki-Vedi, 2018. S. 472—489. {S. O. Nikiforova. Causative. In: M. A. Kholodilova et al. (eds.). Elements of the Moksha language in the typological perspective. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 472—489.}
- Perekhval'skaya 2017 — E. V. Perekhval'skaya. Kauzativnye konstruktssii v bashkirskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Vol. 13. S. 231—254. {E. V. Perekhval'skaya. Causative constructions in Bashkir. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Vol.13. P. 231—254.}
- Pylkkänen 2000 — L. Pylkkänen. Representing causatives. In: Semantics and Linguistic Theory. 2000, 10. P. 132—148.
- Say 2013 — S. Say. Kalmyk causative constructions: case marking, syntactic relations and the speaker's perspective. In: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2013, 94. P. 257—280.

- Shibatani 1972 — M. Shibatani. Three reasons for not deriving ‘kill’ from ‘cause to die’ in Japanese. In: J. Kimball (ed.). *Syntax and Semantics*. Vol. 1. New York: Academic Press, 1972. P. 125—137.
- Shibatani 2002 — M. Shibatani. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation. In: M. Shibatani (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 1—22.
- Shibatani, Chung 2002 — M. Shibatani, S.-Y. Chung. Japanese and Korean causatives revisited. In: N. M. Akatsuka, S. Strauss (eds.). *Japanese/Korean Linguistics*. Vol. 10. Stanford: CSLI Publications, 2002. P. 32—49.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — M. Shibatani, P. Pardeshi. The causative continuum. In: M. Shibatani (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 85—126.
- Sibireva 2017 — A. A. Sibireva. *Kauzativ v gornomariiskom yazyke: dvoynoi kauzativ i semantika intensivatsii*. In: *Chetyrnadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei (Sankt-Peterburg, 23—25 noyabrya 2017 g.)*. [Materialy doklada], 2017. <http://hillmari-exp.tilda.ws/talks> {A. A. Sibireva. Causative in Hill Mari: double causative and the intensification semantics. In: 14th conference on typology and grammar for young scholars. (Saint-Petersburg, November 23—25 2017). [Talk materials], 2017. <http://hillmari-exp.tilda.ws/talks>}
- Tánczos 2015 — O. Tánczos. *Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language*. PhD thesis. Budapest, 2015.
- Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya*. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. {S. G. Tatevosov. *Aktionsart in lexicon and grammar. Verb and event structure*. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2015.}

Grammaticalization of the verb *tək* ‘scatter’ in Poshkart Chuvash: semantics and selectional restrictions

Fedor V. Golosov, University of Maryland, College Park;
fgolosov@umd.edu

The paper is dedicated to the semantics and the distribution of the light verb *tək* in Poshkart Chuvash. In its lexical usage, the verb *tək* means ‘scatter’, i. e., denotes a series of throwing events distributed over time. This verb is grammaticalized into an aspectual modifier (light verb) that forms telic pluractional complex predicates in combination with lexical verbs with an external argument. Any event denoted by a complex predicate with *tək* should consist of a number of subevents that is larger than the contextually relevant standard. Besides that, the light verb *tək* shows controversial behavior with respect to the well-known opposition between event-internal and event-external pluractionals. According to the tests provided in [Henderson 2012], the light verb *tək* shows split behavior and cannot be assigned to one of the classes. Namely, complex predicates with *tək* pattern with event-external pluractional predicates in that they can be formed from lexical verbs of various actional classes, can denote events with large breaks between their subevents and have the extension which is a subset of the extension of their base predicate. On the other hand, complex predicates with *tək* pattern with event-internal pluractionals in that they do not denote habitual events and require the denoted subevents to be of a large number and have a shared endpoint. It will be shown, however, that despite the similarity observed with the event-internal pluractionals, the light verb *tək* can still be analyzed as an event-external pluractional — and such an analysis is presented in the paper.

Keywords: Chuvash language, light verbs, complex predicates, typology of pluractionality, formal semantics

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛА *ТӘК* ‘РАЗБРОСАТЬ’ В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИКА И СЕЛЕКТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Голосов Фёдор Валентинович, Университет Мэриленда, Колледж-Парк;
fgolosov@umd.edu

Статья посвящена семантике и дистрибуции легкого глагола *tək* ‘разбросать’ в малокарачкинском говоре чувашского языка. Как лексический глагол, *tək* имеет значение ‘разбросать’, т. е. описывает ситуации идущих друг за другом множественных бросков. Этот глагол также используется как аспектуальный показатель (легкий глагол): сочетаясь лишь с непацентивными лексическими глаголами, он образует сложные предикаты с предельной интерпретацией, обозначающие множественные события. Всякое событие, описываемое таким сложным предикатом, должно состоять из серии идущих друг за другом подсобытий, число которых превышает ожидаемое количество. Кроме того, *tək* интересен в плане разделения показателей глагольной множественности на внешнесобытийные и внутрисобытийные, поскольку с точки зрения тестов, предложенных в [Henderson 2012], не может быть однозначно отнесен ни к одной из групп. Однако, как будет представлено в статье, те свойства, которые, на первый взгляд, сближают *tək* с показателями внутрисобытийной множественности, не являются атрибутами внутрисобытийности сами по себе. В работе также предложен формальный анализ легкого глагола *tək* как показателя внешнесобытийной глагольной множественности.

Ключевые слова: чувашский язык, легкие глаголы, сложные глаголы, типология глагольной множественности, формальная семантика

1. Introduction

Chuvash features complex predicates — constructions consisting of two verbal forms (a converb and a main verb), but denoting a single event, see, for instance, (1):

- (1) POSHKART CHUVASH
vacə jid-a tap-sa tək-r'i-ə
 V. dog-OBJ kick-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya kicked the dog (with many kicks).’

In (1), there is a complex predicate *tapsa tək* ‘kick (with many kicking events)’, which consists of two verbal forms. The converb form of the verb *tap* ‘kick’ is a so-called lexical verb: it is responsible for the lexical content of the whole event denoted by the complex predicate. The main verb *tək* ‘scatter’ is a so-called light verb¹: it is a grammaticalized verb which functions as a semantic modifier of the lexical verb. As I will show in this paper, the light verb *tək* is a pluractional and telicizing operator: in (1), it forms a complex predicate denoting a large number of kicking events exceeding the contextually relevant standard.

In Chuvash, as in other Turkic languages [Grashchenkov 2015], many verbs grammaticalized into different aspectual, directive or valency-changing operators, see for instance a general review in [Lebedev 2016]. My paper is dedicated to the grammaticalization of the verb *tək* ‘scatter’ in Poshkart dialect of Chuvash. The aim of my research is to give a more detailed description of the semantics and selectional restrictions of the light verb than presented in literature and offer the first formal semantic analysis of *tək* predicting the described data.

The structure of my paper is as follows. After the introductory section, there is a literature review of previous studies on the light verb *tək*. Then, in the third section I will give a detailed description of the collected data. The fourth section is dedicated to the formal semantic analysis of the light verb. The final, fifth section contains conclusions of my research.

2. Literature review

This light verb appears in the grammars later than many other light verbs and is less thoroughly described. The first mention of the light verb *māk*² probably belongs to Nikolay Ashmarin [1923]. According to the author, this light verb “creates an idea of formless mass appeared as a result of the action³”. Lebedev [2016] writes that the light verb denotes “actional meaning of intensity⁴” and that in many cases there is “a meaning of action fullness⁵”. According to Lebedev, the light verb *māk* combines with transitive telic verbs of active action, such as *шӑл* ‘sweep away’ or *ятла* ‘scold.’

Thus, what we can get from the literature on the topic is that the light verb is probably an aspectual operator which combines with transitive verbs and forms complex predicates denoting intensive telic events. However, none of the described features are proved with the corresponding example, and the features itself are not fully explained: it is not clear, for example, what does it mean for an event to be intensive. In my own research, I will give a more detailed description of the light verb’s behavior, based on collected positive and negative data, and offer a formal analysis of its semantics, which will predict all the described properties.

3. Data

The data were collected via elicitation method during fieldwork in the Chuvash village Poshkart (Maloye Karachkino) in March 2020 and during online sessions with the native speakers of this village in 2020—2021. The work with consultants was organized in two ways: I either asked them to translate a sentence in Russian into Chuvash or gave them already constructed or asked Chuvash stimuli and asked whether they are grammatical. Each sentence was checked with at least 3 consultants. The notations of grammaticality I use in my work gener-

¹ I use the terms “light verb” and “complex predicate” following the tradition established in works dedicated to analog constructions in South Asian languages, see, for instance, [Butt 1995; Ramchand 2008].

² The previous works mentioning the Chuvash light verb *tək* ‘scatter’ are dedicated to the Standard Chuvash, while this work is dedicated to the Poshkart idiom only. To explicitly distinguish the description of the light verbs from different variants of Chuvash, I will use traditional Chuvash Cyrillic alphabet for light verbs from Standard Chuvash and our fieldwork team’s IPA-oriented transcription for the Poshkart data.

³ «Создает представление о бесформенной массе, явившейся в результате действия» [Ashmarin 1923: 50].

⁴ «Акционсартовое значение интенсивности» [Lebedev 2016: 106].

⁵ «Смысл полноты совершения действия» [ibid.: 107].

ally follow the fieldwork standards: **unmarked** sentences are grammatical, * marks ungrammatical sentences, ? is used for sentences which are not perfectly natural, but also are not completely ungrammatical, % stands for sentences which are grammatical only in approximately half of the checked idiolects, and **ok** marks contrasting grammatical sentences.

The light verb *tək* is one of the telicizing operators in Poshkart Chuvash, together with the light verbs *pərak* ‘throw’ [Golosoov 2020], *lart* ‘seat’ [Golosoov 2021], *kaj* ‘go’, *jer* ‘send’ [Golosoov 2019] and possibly some others [Lebedev 2016]. It forms complex predicates belonging to the class <ES, ->⁶ in the notation of Sergei Tatevosov [2016], which is shown in (2):

- (2) a. *vaeə jid-a pilək minut-ra tap-sa tək-ri-ə* / **tap-ri-ə*
 V. dog-OBJ 5 minute-LOC kick-CV_SIM scatter-PST-3SG kick-PST-3SG
 ‘Vasya kicked the dog in five minutes (having reached an excessive number of kicks).’
- b. *vaeə jid-a pilək minut tap-ri-ə* // **tap-sa tək-ri-ə*
 V. dog-OBJ 5 minute kick-PST-3SG kick-CV_SIM scatter-PST-3SG
 Intended: ‘Vasya kicked the dog for five minutes.’
- c. *pək, vaeə jid-a tab-at*
 look V. dog-OBJ kick-NPST.3SG
 ‘Look, Vasya is kicking the dog.’
- d. *pək, vaeə jid-a tap-sa tæg-at*
 look V. dog-OBJ kick-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Look, Vasya will kick the dog.’
 *‘Look, Vasya is kicking the dog.’

In (2), the light verb *tək* combines with the atelic lexical verb *tap* ‘kick’, which itself can combine only with time-measure adverbials, as in (2a), but not with time-span adverbials, as in (2b). In addition, it can occur in the progressive form, as shown in (2c).

In contrast, the resulting complex predicate has only telic interpretations in the diagnostic contexts, which is shown by adverbial test in (2a, 2b) and interpretation of the non-past form in (2d), which can only refer to the future, and not to the present time.

This light verb has some selectional restrictions on the thematic role of the subject. More detailed research is needed, but in general, *tək* combines with agentive verbs (transitive or intransitive) but does not combine with patientive verbs.

The light verb *tək* shares two properties mentioned above — the telicizing function and the sensitivity to the thematic role of a subject — with the aforementioned light verbs [Golosoov 2019; 2020; 2021], but it also has a unique property — sensitivity to the pluractionality of the event denoted by the lexical verb. Namely, the light verb *tək* requires an event to consist of many subevents distributed over time, consider the contrasts in (3):

- (3) a. *vaeə vərəm-dona-ja vēler-tə-ë* / **vēler-ze tək-ri-ə*
 V. long-leg-OBJ kill-PST-3SG kill-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya killed a mosquito.’
- b. Scenario 1. Vasya killed ten mosquitoes one after another.
 *Scenario 2. Vasya killed ten mosquitoes simultaneously.
vaeə vonə vərəm-dona-ja vēler-ze tək-ri-ə
 V. ten long-leg-OBJ kill-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya killed ten mosquitoes.’

As seen from (3a), the light verb *tək* cannot form complex predicates denoting a single and atomic event of killing a mosquito. Moreover, the light verb *tək* can be used in (3b) only if the killing events happen one after another, but not simultaneously⁷.

⁶ One should read this notation the following way: in the diagnostic perfective forms, the predicate has the telic interpretation “entering the state”, and it cannot be used in the diagnostic imperfective forms (in a progressive context). For more details see [Tatevosov 2016]. Following [Shluinsky 2006], I take past tense forms on *-r-* as diagnostic perfective forms and non-past tense forms as diagnostic imperfective forms.

⁷ Of course, the lexical verb *vēler* ‘kill’ alone is felicitous in both contexts:

- (i) *vaeə vonə vərəm-dona-ja vēler-tə-ë*
 V. ten long-leg-OBJ kill-PST-3SG
 ‘Vasya killed ten mosquitoes (simultaneously or one after another).’

In (3), the object of the event is plural. However, the light verb *tək* is insensitive to this parameter: as examples in (4) show, it can occur in the contexts where the object is not plural.

- (4) a. *væə listə-ja (*ɛorma-la) paj-la-za tək-rʲ-ə*
 V. list-OBJ half-ATTR part-VBZ-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya divided a list into (*two) pieces.’
 b. *væə jid-a tap-sa tək-rʲ-ə*
 V. dog-OBJ kick-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘I kicked the dog excessively.’

In (4a), the complex predicate *pajlaza tək* can refer only to such events of dividing a list that consist of many atomic subevents: it cannot be used in a context when the list was divided a single time, shown by its incompatibility with the adverbial *ɛormala* ‘in a half.’ Note that in this case, the object is single at the beginning of the action, although divided into parts at the end. In (4b), the complex predicate denotes an event of kicking the dog, emphasizing the large number of kicking subevents, while the object is single throughout the whole event.

In the typology of pluractionals, there is a distinction between event-internal and event-external pluractionals independently introduced in works [Cusic 1981] and [Khrakovsky 1989], see also [Shluinsky 2005] for a general overview. This distinction is based on the notion of occasion: event-internal pluractionals denote a chain of subevents forming a single episode, while event-external pluractionals denote a series of independent events. One of the most detailed formal semantic descriptions of the different types of pluractionals is given in the work [Henderson 2012], where the author describes semantics of the event-internal and event-external pluractional suffixes in a Mayan language Kaqchikel. Comparing the two pluractionals, Henderson formulates six parameters according to which they are different [ibid.: 34—38]:

- 1) **Compatibility with verbs of different actional classes.** Event internal pluractionals mostly combine with accomplishments and achievements, while event external pluractionals can combine with a wider range of actional classes.
- 2) **The number of occasions.** Events described by event internal pluractionals must take place in a single occasion, while event external pluractionality does not have such a restriction.
- 3) **The number of subevents.** Event internal pluractionals require a high cardinality of subevents, while event external pluractionals allow low cardinality of them.
- 4) **The duration of a break between events.** Event internal pluractionals require very short break between subevents, while event external pluractionals allow longer breaks.
- 5) **Shared telos or theme.** Event internal pluractionals describe a set of events that share the same telos or theme and location, while event external pluractionals can describe a set of independent events.
- 6) **Entailment of the base predicate.** Event internal pluractionals form predicates that do not entail base predicates, while event external pluractionals necessarily entail base predicates.

I will now discuss the parameters in detail and classify the light verb *tək* according to them.

The first mentioned parameter distinguishing different types of pluractionals is sensitivity to the actional class of the base verb:

- 1) **Compatibility with verbs of different actional classes.** Event internal pluractionals mostly combine with accomplishments and achievements, while event external pluractionals can combine with a wider range of actional classes.

Henderson [2012] argues that such a tendency comes from the restriction on the subevents of event-internal pluractionality to be contiguous and occur in a single occasion. Semelfactives inherently fit this restriction, since they denote single events which do not culminate [Smith 2013], and hence the repetition is possible right after the previous event.

The light verb *tək* is event-external with respect to that parameter, since it combines with achievements and accomplishments and hence does not require coercion into semelfactives:

(5) SEMELFACTIVES

- a. *væə jid-a tap-sa tək-rʲ-ə*
 V. dog-OBJ kick-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘I kicked the dog (with too many kicks).’
 b. *saltak gitlër-a tɛol-ba per-ze tək-rʲ-ə*
 soldier H.-OBJ stone-INS throw-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘A soldier pelted Hitler with stones.’

- c. *vaeə itla numaj sek-se tək-ri-ə*
 V. too much jump-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya jumped too much.’

(6) ACHIEVEMENTS

- a. *vaeə pëdëm şarig-a sek-ter-ze tək-ri-ə*
 V. all balloon-OBJ burst-CAUS-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya burst all the balloons.’
- b. *vaeə pëdëm teaşkə eëmër-ze tək-ri-ə*
 V. all cup break-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya broke all the cups.’
- c. *vaeə vonə vərəm-dona-ja vëler-ze tək-r-iə*
 V. 10 long-leg-OBJ kill-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya killed ten mosquitoes.’

(7) ACCOMPLISHMENTS

- a. *vaeə pëdëm omla-ja tibët-se tək-ri-ə*
 V. all apple-OBJ dry-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya dried all the apples.’
- b. *vaeə por këbe-je=de eu-za tək-ri-ə*
 V. all shirt-OBJ=ADD wash-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya washed all the shirts.’
- c. *vaeə numaj kënege vula-za tək-sa*
 V. many book read-CV_SIM scatter-CV_SIM
 ‘Vasya read many books.’

On the other hand, the issue is that the light verb *tək* nevertheless has a semantic restriction on the atomic events, since it combines with achievements, accomplishments and semelfactives, but generally does not combine with activities and states:

(8) ACTIVITIES

- a. *vaeə ëner itla numaj magər-tə-ə / ??magər-za tək-ri-ə*
 V. yesterday too much cry-PST-3SG cry-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya cried too much (times) yesterday.’
- b. *vaeə ëner numaj xot teop-ri-ə / ??teop-sa tək-ri-ə*
 V. yesterday many time run-PST-3SG run-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya ran yesterday many times.’

(9) STATES

- a. **vaeə pajan pilëk xot eur-za tək-ri-ə*
 V. today five time sleep scatter-PST-3SG
 Intended meaning: ‘Vasya slept five times today.’
- b. *vaeə ëner numaj xor-lan-tə-ə / *xor-lan-za tək-ri-ə*
 V. yesterday many hurt-VBZ-PST-3SG hurt-VBZ-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya yesterday sorrowed a lot.’

Accomplishments, achievements and semelfactives⁸ are similar in that they are quantized predicates: achievements and accomplishments are telic, while semelfactives are momentary. In contrast, activities and states usually are non-quantized, and their combination with *tək* is impossible. An indirect argument for the sensitivity of the light verb to the quantized nature of a predicate denoting a single event is that consultants sometimes explain the impossibility of forming complex predicates from atelic predicates arguing that the atomic actions have not reached their end, which is important for *tək*.

In fact, there is at least a single stative, *kor* ‘see’, that can combine with the light verb *tək*, as in (10):

⁸ The notion “quantized” was introduced in [Krifka 1992]. A predicate P is quantized iff for any event e falling under its truth conditions there is no such an event e’ which is a proper part of e and also falls under the truth conditions of P. For instance, predicate *John wrote an essay* is quantized because each event of John’s writing an essay consists of unique parts where the specific part of the essay is written, hence any subpart of this event is crucial. In contrast, the predicate *John walked* is not quantized, since any event of John’s walking consists of parts which also can be described by this predicate.

- (10) *væə ěner itlaši numaj kor-za tək-ri-ə*
 V. yesterday too much see-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya saw too much (things) yesterday.’

However, the presence of the example (10) does not contradict the generalization. In (10), the verb *kor* is used in its inchoative variant, exactly as the English verb *see* does in (11):

- (11) *I came in and saw a ghost.*

In (11), the event of seeing is not represented as durative: instead, the subject enters the state of seeing the ghost.

Thus, in addition to the stative interpretation, verbs *see* and *kor* also have an inchoative interpretation, associated with a momentary entering the state. Such interpretation corresponds to a quantized predicate and hence falls under the conditions of the light verb *tək*. Probably some other stative verbs should also have inceptive readings, since verbs of inceptive-stative class <ES S, S> are shown to be widespread in different languages (see the work [Tatevosov 2016] dedicated to the typology of actional classes). This hypothesis needs more empirical data.

Thus, despite the fact that the light verb *tək* is like an **event-external pluractional** in that it does not require a predicate of a single event to be semelfactive⁹, it yet requires the predicate to be quantized and therefore differs from the Kaqchikel event-external pluractionals, which can combine with activities.

Let us move on to the next property distinguishing the different types of pluractionality — the number of occasions:

- 2) **The number of occasions.** Events described by event internal pluractionals must take place in a single occasion, while event external pluractionality does not have such a restriction.

The problem with this test is that the notion of occasion is slightly informal, which Henderson [2012] himself admits. Nevertheless, he argues that if the pluractional requires an event to take place in a single occasion, it will surely not be able to license habitual contexts. In Kaqchikel, the event-internal pluractional is indeed infelicitous in habitual contexts, in contrast to its event-external counterpart:

- (12) a. EVENT-INTERNAL PLURACTIONAL

Context: Suppose you see Juan every day and he gives you a dirty look.

#*A Xwan x-i-ru-tz'et-etz'a.*

CLF Juan COM-A1s-E3s-look.at-Ca'

‘Juan keeps looking at me.’

SPEAKER COMMENT: No, it would have to be like this speaker turns his head a bit and shoots a glance over and over [Henderson 2012: 104].

- b. EVENT-EXTERNAL PLURACTIONAL

La achin la' n-Ø-xub'an-alöj.

DEM man DEM ICP-A3s-whistle-löj

‘That man is always whistling’ [ibid.: 56].

Applying this test to the Chuvash light verb *tək* is even more problematic because it is a telicizing operator. The impossibility of examples like (13a), where I tried to use *tək* as a habitual operator, can be explained by independent reasons. However, there is indirect evidence that the light verb should be classified as an event-internal operator in this respect: a complex predicate with *tək* can be itself habitualized, as in (13b).

- (13) a. *væə atea tək-n-e numaj şa kër-ze / *kër-ze tək-sa*
 V. child time-P_3-OBJ much water.OBJ enter-CV_SIM enter-CV_SIM scatter-CV_SIM
 ‘Vasya often bathed (lit. entered water) as a child.’
- b. *væə tæstə xəj-ən jid-in-e tap-sa tæg-at*
 V. often self.3-GEN dog-P_3-OBJ kick-CV_SIM scatter-NPST.3SG
 ‘Vasya often makes a series of kicks to his dog.’
 # ‘Vasya often makes a single kick to his dog.’

⁹ Strictly speaking, an alternative scenario is that the light verb *tək* can have both event-internal and event-external pluractional usages. In this case, we expect that in addition to its free compatibility with accomplishments, achievements and semelfactives, it can optionally coerce subevents into semelfactives. I am very grateful to Maria Kholodilova for this comment. However, I will further show that this scenario is wrong because it cannot explain why semelfactivization is not possible to avoid contradiction in example (*), dedicated to another test but also applicable here.

As shown by the translation, the only possible interpretation of (13b) is where the chain of kicking events itself falls under the scope of the habitual operator¹⁰. Thus, although the test cannot be applied to the light verb directly, there is an indirect argument to consider the light verb *tək* an **event-internal** pluractional operator according to this test. Note, however, that if an event can be habitualized it does not automatically mean that it itself denotes a single occasion — it just means that we need a stricter definition of what the occasion is. As you will see below, the light verb *tək* cannot be simply considered as an event-internal operator with respect to two other occasion-oriented tests — duration of the break between subevents and sharing the same theme or location.

The next test considers parameters such as the number of subevents pluractionals can refer to:

3) **The number of subevents.** Event internal pluractionals require a high cardinality of subevents, while event external pluractionals allow low cardinality of them.

This test is tricky since, as Henderson admits himself, the borders of high and low cardinality are very plausible and contextual. In Kaqchikel, both pluractionals cannot be used when the predicate denotes a chain of only two events. However, as Henderson notes, the event-external pluractional in Kaqchikel can be used in contexts where the number of events is several, but the event-internal pluractional requires a markedly large number of subevents [ibid.].

The light verb *tək* behaves more as an **event-internal** pluractional according to this test, since it requires the number of subevents to be higher than a contextually relevant standard, as shown in (14):

- (14) a. *papi pilĕk kogalı virān-nⁱ-a vonā kogalı pĕzĕr-ze tək-rⁱ-ə*
 grandma five pie place-P_3-OBJ ten pie cook-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Grandma cooked ten pies instead of five.’
 b. [#]*papi ɛerĕm kogalı virān-nⁱ-a vonā kogalı pĕzĕr-ze tək-rⁱ-ə*
 grandma twenty pie place-P_3-OBJ ten pie cook-CV_SIM scatter-PST-3SG
 Intended meaning: ‘Grandma cooked ten pies instead of twenty.’

As (14) shows, the same number of pies can be represented as relatively high (14a) or relatively low (14b), and only the first variant is fine with the light verb *tək*. Interestingly, for some speakers the light verb *tək* can be used even in the context where two events are represented as markedly high, which is not typical for both the types of pluractionals:

- (15) [%]*vaɛə pĕr arbus virān-nⁱ-a igĕ arbus ɛi-ze tək-rⁱ-ə*
 V. one watermelon place-P_3-OBJ two melon eat-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya ate two watermelons instead of one.’

Note, however, that the sentence (15) is ungrammatical for some speakers, and they explain its infelicity by too small a number of subevents.

The next test appeals to the downtime between the subevents — parameter the event-internal pluractionals are sensitive for:

4) **The duration of a break between events.** Event-internal pluractionals require very short break between events pluralized, while event-external pluractionals allow longer breaks.

Henderson [ibid.] explains this difference by the idea of “semelfactive centism” of event-internal pluractionals: since events are atomic, the downtime between them should be very short to count an event chain as a single occasion. In contrast, event-external pluractionals do not have such a problem since they are not restricted to a single occasion.

The light verb *tək* behaves as an **event-external operator** with respect to this test, since it allows longer breaks between subevents, as seen in (16):

- (16) a. *jep ɛoldalək xoŝ-in-dĕe ěne-zen-e sot-sa tək-r-əm*
 1SG year period-P_3-LOC cow-PL-OBJ sell-CV_SIM scatter-PST-1SG
 ‘I sold the cows in a year.’
 b. *vaɛə aləg-a ɛoldalək xoŝ-in-dĕe ɛĕmĕr-ze tək-rⁱ-ə*
 V. door-OBJ year period-P_3-LOC break-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya broke the door completely in a year.’

¹⁰ The verb *tap* ‘kick’ can itself refer to a single kick. For instance, (i) has a reading with a single kick habitualized:

- (i) *vaɛə tĕastə xāj-ən jid-inⁱ-e tab-at*
 V. often self-GEN kick-P_3-OBJ kick-NPST.3SG
 ‘Vasya often kicks his dog.’

- c. *væə jal-d-i alək-sen-e ɛəmër-ze tək-sa*
 V. village-LOC-NMZ door-PL-OBJ break-CV_SIM scatter-CV_SIM
 ‘Vasya broke the doors in the village.’

The complex predicate in (16a) denotes a plurality of selling events distributed throughout the year. The length of a single selling event is obviously significantly shorter than the year, so even if there were many selling events, an average downtime between them should be very long and even longer than each event itself. The same is true for the breaking events in (16b). The situation in (16c) is slightly different, since there is no temporal adverbial establishing an appropriate scale, but it is pragmatically clear that breaking the doors in the whole village needs long downtime periods for moving from one house to another.

The fifth parameter reveals sensitivity of the event-internal pluractionals to the shared endpoint and location of the subevents:

- 5) **Shared telos or theme.** Event internal pluractionals describe a set of events that share the same telos or theme and location, while event external pluractionals can describe a set of independent events.

A common typological feature distinguishing event-internal and event-external pluractionals (see [Henderson 2012] and literature cited there) is that the former requires an event to consist of subevents containing the same theme argument and the same location and forming a chain of events sharing the same telos (if the pluractional is used in a telic context). In contrast, event-external pluractionals do not have such restrictions and can denote logically independent subevents with different patients and locations.

The light verb *tək* shows tricky behavior with respect to this test. On the one hand, it forms telic complex predicates that denote a moment of reaching a contextually relevant number of quantized subevents, so in a sense this moment is a shared telos of the whole event, as in (17):

- (17) a. *væə jid-a tap-sa tək-ri-ə*
 V. dog-OBJ kick-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya kicked the dog (reaching an excessive number of kicks).’
 b. *væə vonə vərəm-dona-ja vëler-ze tək-ri-ə*
 V. 10 long-leg-OBJ kill-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya killed ten mosquitoes.’

The telos of the event in (17a) is a contextually relevant moment where too many kicks have taken place. The endpoint of the event in (17b) is the moment when all the ten mosquitoes were killed.

On the other hand, the event in (17b), as well as many other events denoted by complex predicates with *tək*, consists of subevents which have their own “local” telos — the natural endpoint of a single event denoted by the same predicate. In fact, what makes the light verb *tək* telic is not a sort of resultant state of one of the arguments taking place after the whole chain of subevents, but rather the fact that there is a high number of subevents reached. Even in cases with semelfactives, atomic events, as in (17a), the endpoint is independent from the state of the patient: for instance, consultants say that dog is not necessarily affected after the event denoted by the complex predicate in (17a).

All the other parameters relevant for this test — singularity of location and a theme — clearly classify *tək* as an **event-external** operator, because both the place of the event and its internal argument can be many. For example, in (16c), the event of breaking the doors in the village consists of subevents occurring in different places in the village and happening with different patients.

Let us move on to the final difference between the two pluractionals mentioned in [ibid.] — entailment of the base predicate:

- 6) **Entailment of the base predicate.** Event-internal pluractionals form predicates that do not entail base predicates, while event external pluractionals necessarily entail base predicates.

Henderson [ibid.] argues that the event-internal pluractionals sometimes do not entail the base predicates, because subevents are coerced into semelfactives. Since this test is quite complex, let me demonstrate how it is applied to Kaqchikel data:

- (18) *X-Ø-in-ch’ar-ach’a’ ri tros, po man x-Ø-ch’ar ta.*
 COM-A3s-E1S-split-Ca’ the stump but NEG COM-A3s-split.PAS IRR
 ‘I kept chopping at the stump, but it didn’t split’ [ibid.: 102].

Sentence (18) shows that a sentence with the derived pluractional verb can still be true if we negate the corresponding base predicate. As Henderson mentions, this is possible because the pluractional coerces the accom-

plishment *ar* ‘chop’ into a semelfactive, and the resultant state comes out of the predicate denotation. In other words, this verb *ar* ‘chop’ starts meaning ‘do a single contact action identical to what we see in chopping but without the corresponding result’ to fulfill the requirements of the pluractional, and then this coerced semelfactive event is pluralized. Since the resultant state is now out of the structure of the event denoted by an atomic predicate, there is no controversy with negation of the base predicate in (18), which still contains the resultant state in its event structure: the sentence denotes a set of momentary activities not leading to a corresponding result.

If the base predicate does not undergo coercion, it does not change its truth conditions, and negation of the corresponding base predicate is no longer possible, as, for instance, in (19):

- (19) #*X-Ø-u-pitz’-ipa’* *ri pix, po man x-Ø-u-pitz’* *ta.*
 COM-A3s-E3s-look.at-Ca’ the tomato but NEG COM-A3S-E3S-squeeze IRR
 ‘She kept squeezing the tomato, but she didn’t squeeze it’ [ibid.: 102].

The verb *pitz’* ‘squeeze’, in contrast to *ar* ‘chop’, denotes a kind of semelfactive event, which already fits the requirements of the pluractional. Hence, no coercion takes place, and the atomic events of the pluractional are the same as the ones denoted by the base predicate. As a sequence, the negation of the base predicate in the same sentence with affirmed pluractional becomes contradictory.

In contrast, the event-external pluractional in Kaqchikel does not require a base predicate to be semelfactive, pluralizing events in its base truth conditions, hence the derived predicate always entails the corresponding base predicate, as in (20):

- (20) a. *Xch’analöj => Xch’ane* [ibid.: 67].
 b. *X-Ø-ch’an-alöj.*
 COM-A3s-naked-löj
 ‘He got naked repeatedly’ [ibid.].
 c. *X-Ø-ch’an-e.’*
 COM-A3s-naked-iv
 ‘He got naked’ [ibid.].

In (20b), the pluractional does not delete the resultant state from the denotation of the verb *an* ‘be naked’ and pluralizes only events falling under the truth conditions of (20c), hence the formula in (20a) is true.

As we have already seen above, the light verb *tək* does not require a lexical verb to be semelfactive or semelfactivized, hence no coercion of that kind must take place. Thus, we did not expect it to form complex predicates which would not entail the lexical verb. And indeed, the negation of the base predicate and affirmation of the complex predicate in the same sentence is impossible even if the lexical verb is an accomplishment or an achievement with a resultant state, as shown in (21):

- (21) a. #*vaεə* *εerēm* *teąşkə* *εu-za* *tək-rj-ə,* *no* *εu-za* *εid-er-i-me-rj-ë*
 V. 20 cup wash-CV_SIM scatter-PST-3SG but wash-CV_SIM reach-CAUS-POT-NEG-PST-3SG
 Intended: ‘Vasya washed the 20 cups a bit but did not finish any of them.’
 b. #*vaεə* *petj-ən* *këp-n-e* *εët-se* *tək-rj-ə,* *no* *εët-me-rj-ë*
 V. P.-GEN shirt-P_3-OBJ tear-CV_SIM scatter-PST-3SG but tear-NEG-PST-3SG
 Intended meaning: ‘Vasya slightly tore Petya’s shirt but did not finish it.’

If *tək* could behave as a Henderson’s event internal operator with respect to the entailment test, it would delete the resultant states of the atomic events in (21a) and (21b), and the sentences would not be contradictory — but this is not the case. Note also that examples in (21) are relevant for the first test — compatibility with verbs from different actional classes — because they show that the option of semelfactivization is not accessible to the light verb *tək* at all.

Thus, according to the sixth test, the light verb shares the properties of the **event-external** pluractionals. It is worth noting here, however, that subevents of the complex predicates with *tək* can be out of the extension of the base verb. Namely, *tək* combines with lexical verbs which denote an event consisting of many subevents but cannot denote an atomic event by themselves. For example, the verb *xie* ‘scratch’ (22a) can denote only a set of subevents, but not an atomic event of scratching — for this interpretation, the semelfactive complex predicate *xiesil* is used (22b). Nevertheless, the light verb *tək* can form complex predicates from *xie*, as in (22c)¹¹:

¹¹ One can offer an alternative explanation of this phenomenon, saying that an atomic event which is pluralized is not a single motion of scratching, but rather an atomic event which is in the extension of the predicate denoted by the lexical verb *xie*, i. e., an event of few scratching moves. However, the problem of this explanation is that the predicate in (22a) is not quantized, while the light verb *tək* cannot combine with other non-quantized predicates.

- (22) a. *væə suzər-a xie-rʲ-ə*
 V. wound-OBJ scratch-PST-3SG
 ‘Vasya scratched the wound.’
- b. *væə suzər-a pēr xot ??xie-rʲ-ə// okxie-s=il-tə-ĕ*
 V. wound-OBJ one time scratch-PST-3SG scratch-CV_SIM=take-PST-3SG
 ‘Vasya scratched the wound a single time.’
- c. *væə suzər-a xie-sa tək-rʲ-ə*
 V. wound-OBJ scratch-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya scratched the wound (many times).’

Existence of such complex predicates, formed from “lexically” pluractional verbs, shows that the light verb *tək* does not actually pluralize the events denoted by the lexical verb, so it cannot be a pluractional operator. Instead, *tək* functions as a pluractional filter¹²: it checks whether the verbal phrase headed by the lexical verb already denotes an event contextually divisible into subevents.

Note that such complex predicates still imply the truth of the corresponding lexical verbs: for instance, although a single subevent of scratching cannot be referred to by the verb *xie* ‘scratch’, the complex predicate *xiesə tək* denotes a high cardinality of such atomic events, which is more than enough for the chain of subevents to be in the extension of the verb *xie* as well.

Overall, what we can see is that the light verb *tək* behaves inconsistently with respect to the tests proposed in [Henderson 2012] for the split between event internal and event external pluractionals, see the table below:

Test	Result for <i>tək</i>
Compatibility with verbs of different actional classes	Event-external (but only with quantized base predicates)
Number of occasions	Event-internal (indirectly)
Number of subevents	Event-internal
Duration of a break between events	Event-external
Shared telos or theme	Event-internal wrt telos, event-external wrt theme and location
Entailment of the base predicate	Event-external

Note, however, that the three tests which classify *tək* as an event-internal pluractional (number of occasions, number of subevents and sharing the same telos) do not a priori show the event-internal behavior of the light verb. First, as I discussed in the corresponding section, the fact that the predicates denoted by complex predicates with *tək* can be scoped over the habitual operator, does not imply these events are not themselves sets of occasions. Second, the fact that the light verb requires the number of subevents to be higher than the standard does not say anything about the entire structure of the events: they can be either a set of independent events or a chain of subevents forming a single occasion. The same logic is applicable to the telicity of the complex predicates with *tək*: the shared endpoint is the moment when the number of subevents is higher than the standard, so these events do not necessarily have a shared effect on the world, which event-internal telicity probably requires.

In contrast, the parameters that classify the light verb *tək* as an event-external pluractional are more telling. First, the compatibility of *tək* with verbs from different actional classes (although only ones that denote quantized predicates) and entailment of the base predicate imply that the light verb does not require a verb to undergo semelfactivization. Second, the complex predicates with *tək* can denote a chain of subevents with significant downtime between them, which does not combine perfectly with the restriction on a single occasion.

Overall, despite the split behavior of the light verb with respect to the tests offered in [ibid.], there are more reasons for classifying *tək* as an event-external pluractional operator, although with some specific properties and restrictions. Keeping this in mind, I will show you in the next section that the semantic analysis for the Kaqchikel event-external pluractional *-lōj* in [ibid.] can also be applied to the Poshkart Chuvash light verb *tək*, although with some changes.

¹² The opposition between pluralizing operators and plural filters was proposed in [Kuhn 2019]. The author gives the following definitions for each type:

- (i) a. **Pluralizing operators** sum together the objects in a set:
 $\{a, b, c\} \Rightarrow \{a, b, c, a \oplus b, a \oplus c, b \oplus c, a \oplus b \oplus c\}$.
- b. **Plural filters** restrict a set to only its plural objects:
 $\{a, b, c, a \oplus b, a \oplus c, b \oplus c, a \oplus b \oplus c\} \Rightarrow \{a \oplus b, a \oplus c, b \oplus c, a \oplus b \oplus c\}$ [ibid.: 6].

4. Analysis

To formalize the semantics of the event-external pluractional in Kaqchikel, Henderson [ibid.: 63] offers the corresponding formula:

$$(23) \llbracket [-l\ddot{o}j] \rrbracket = \lambda V_{et} \lambda e [V(e) \wedge \exists P [\text{Part}(P, \tau(e)) \wedge \forall t \in P \exists e' [\tau(e') = t \wedge e' \leq e \wedge \text{atom}(e') \wedge \in(\tau(e))(t)]]].$$

To understand the formula in (23), one should be aware of the specific logical operators used in the work [ibid.]. Let me start with the notion of temporal trace which is denoted by the letter τ . The temporal trace $\tau(e)$ is a function from event that returns a set of the moments the event e spans on the timeline¹³. For instance, if John walked from 2 PM to 4 PM, the temporal trace of this event is an interval $[t_1, t_2]$, where t_1 is 2PM and t_2 is 4PM. As I will show later, the notion of temporal trace is important for the analysis because it allows Henderson to make the subevents necessarily happen in different time intervals.

The next notation which needs an explanation is the function *Part*, which is defined as follows [ibid.: 63—64]:

(24) *Part*(P, x) iff

- a. $\bigoplus P = x$
- b. $\forall x \in P \neg \exists y [y \in P \wedge x \circ y]$.

As Henderson explains, the formula in (24) “says that P is a partition of x just in case P is a set of non-overlapping entities that sum to x ” [ibid.: 64]. In the case of pluractionality, the aim of the formula is to introduce P — a set of non-overlapping time subintervals of the event e .

The function *atom*(e) requires an event e' to be atomic, i. e., to be inseparable into two other events of the same kind. Note that an atomic event does not always correspond to a quantized predicate: for instance, a single (finished) event of walking is atomic (it is indivisible in two full-fledged events of walking) but it does not correspond to a quantized predicate (the subparts of walking are also in the extension of the verb *walk*). This function allows the pluractional to combine with verbs of any actional class, except statives, which, according to Henderson [ibid.: 69—70], do not denote atomic events due to their homogeneity.

Finally, the function \in borrowed by Henderson [ibid.] from the work [Champollion 2010] “maps a comparison class to a predicate of individuals very small relative to some measure and the members of the comparison class” [Henderson 2012: 63]. In the formula in (23), it returns a predicate of time intervals very small relative to the temporal trace of the event e , i. e., its whole duration.

Let me finally translate the meaning of the formula into English. The pluractional takes predicate V and event e (from the VP it attaches to) which adhere to the following conditions. First, the predicate V should be true of e , i. e., the event e is in the extension of the predicate. Second, the time interval of the event e should be separated into a set of non-overlapping relatively very small subintervals, each of which corresponds to an atomic event e' which is a part of e .

The analysis correctly predicts the semantic and selectional properties of the Kaqchikel event-external pluractional, as proved in [ibid.]. Let us see how this analysis deals with the data on the Poshkart Chuvash light verb *tək* ‘scatter.’

On the one hand, most restrictions presented in the formula in (23) are also necessary for the semantics of the light verb. Namely, the formula correctly predicts that the light verb forms complex predicates denoting events consisting of many subevents happening one after another, possibly with a long break between each two of them. The only condition which needs replacement (or, in fact, refinement) is the condition on atomicity of the subevent e' . The problem is that the light verb *tək* combines only with the verbs that denote quantized atomic events and does not combine with activities, in contrast to the Kaqchikel suffix *-l\ddot{o}j*. Thus, I need to replace the restriction on atomicity with the test on whether the subevent is quantized.

It is worth noting here that there are two different types of quantized predicates distinguished in [Tatevosov 2015]: strongly quantized and weakly quantized predicates. A formula for the strongly quantized predicates and its translation into English are as follows:

(25) a. $P(e)$ is strongly quantized iff $\forall e' [e' < e] \neg P(e)$.

- b. A predicate P which is true of an event e is strongly quantized iff it is false of all e' such that e' is a part of e .

An illustrative example of a strongly quantized predicate is provided in (26):

(26) *John run 10 kilometers.*

¹³ The formulation of my definition is borrowed from [Pasternak 2019].

Let us imagine that John spent an hour running 10 kilometers, e. g., from 17:00 to 18:00. It is true that whichever proper part of this running event is taken, this subevent does not fall under the truth conditions of the sentence in (26): the distance which is run during this subevent will be inevitably shorter than the 10 kilometers.

This is an example of a proper, strongly quantized predicate. Most telic predicates, however, are weakly quantized, see the formula and its translation in (27):

(27) a. For any P and e, P(e) is weakly quantized iff $\exists e' [P(e) \wedge e' < e \rightarrow \neg P(e')]$.

b. A predicate P which is true of an event e is weakly quantized iff there is an event e' which is a proper part of the event e and does not fall under the truth conditions of P.

An illustrative example of a weakly quantized predicate is provided in (28):

(28) *John built his house.*

In (28), the sentence denotes an event of building a house. Let us imagine it takes place for a year: from August 2020 till August 2021. The non-ideal quantized nature of the predicate in (28) is mirrored in the fact that if we take a subevent which holds from the beginning of the building to the last stage of the event, say, July 2021, it could be the case that what is made by then can already be called a house. Thus, this subevent in principle also falls under the truth conditions of the sentence in (28). However, there are still many subevents which do not: for example, a process which took place from September 2020 to October 2020, when only initial stages of building happened, obviously does not fall under the truth conditions of (28).

Complex predicates are formed from different telic predicates, including those that are weakly quantized, such as *pəzər* 'cook' or *eu* 'wash.' Thus, I propose that one of the requirements of the light verb *tək* is that the atomic subevent should be weakly quantized. I will formalize this requirement using the function QUANT, which is very similar to the function QUANTIZE introduced in [Tatevosov 2009: 127], but is oriented to the weak quantized predicates and thus works as follows:

(29) $\text{QUANT}(P, e) \Leftrightarrow \exists e' [P(e) \wedge e' < e \rightarrow \neg P(e')]$.

This function will take a predicate P and an event e and return true only in cases when the predicate P is weakly quantized. Thus, all atelic inferences of atomic subevents, if any, will be filtered out by this condition.

However, even the refinement of the function responsible for the atomic events does not solve all the problems: the analysis is still too weak. The first, most obvious condition which the analysis (23) lacks is the requirement on the presence of the initiator in the event. As we see from the analysis part, the light verb cannot combine with patientive verbs, which lack such an initiator:

- (30) a. *væə pədəm tæʂkə ɛmər-ze tək-rʲ-ə*
 V. all cup break-CV_SIM scatter-PST-3SG
 'Vasya broke all the cups.'
- b. *væə numaj kənege vula-za tək-sa*
 V. many book read-CV_SIM scatter-CV_SIM
 'Vasya read many books.'
- c. *væə itla numaj sek-se tək-rʲ-ə*
 V. too many jump-CV_SIM scatter-PST-3SG
 'Vasya jumped too much.'
- d. **pədəm vərəm-dona vil-ze tək-rʲ-ə*
 all long-leg die-CV_SIM scatter-PST-3SG
 Intended: 'All the mosquitoes died.'

To solve this problem, I need to add one more required variable x in the denotation of the light verb, which is responsible for the discussed argument, and modify the presupposition with the corresponding condition: the argument should be semantically non-patientive. Since the exact semantic restriction is not known, but certainly present, I will introduce a conventional filter $\text{NPAT}(x, e)$ ¹⁴ which takes two arguments — the individual and the event — and is true if and only if the individual x is a (conventionally speaking) non-patientive participant of the event. The exact semantic restrictions on the role of the participant x need further research.

Another problem Henderson's analysis does not solve comes from the sensitivity of the light verb *tək* to the context. Namely, the complex predicates are fine only in the context where the number of subevents is higher than a contextually relevant standard, see again the contrast from (14), repeated here as (31):

¹⁴ NPAT stands for "non-patientive".

- (31) a. *papi piläk kogalı virän-ni-a vonä kogalı pëzër-ze tək-ri-ä*
 grandma five pie place-P_3-OBJ ten pie cook-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Grandma cooked ten pies instead of five.’
 b. #*papi ɛrëm kogalı virän-ni-a vonä kogalı pëzër-ze tək-ri-ä*
 grandma twenty pie place-P_3-OBJ ten pie cook-CV_SIM scatter-PST-3SG
 Intended meaning: ‘Grandma cooked ten pies instead of twenty.’

In (31), the same event of cooking ten pies is represented differently: in (31a), the cardinality of the subevents is higher than the expected one, while in (31b), it is lower. Nothing in Henderson's analysis can explain that because his formula is not sensitive to the context.

To solve this problem, I will offer two modifications of Henderson's analysis. First, I will introduce a contextual variable n_s which will contain a contextual standard cardinality of the temporal traces of subevents. Second, I will use the function *card* from [Lasersohn 1995], which takes a set of individuals and returns its cardinality, to count the cardinality of the set P of the temporal traces of the subevents, and check whether this number exceeds the standard.

Thus, considering the mentioned modifications and renaming some of the notations according to my convention, I propose the following semantic formula for the light verb *tək* (all the modifications are in bold):

- (32) $[[tək]] = \lambda P \lambda e [\exists x [\text{EXT}(x, e)]] . P(e) \wedge \exists T [\text{Part}(T, \tau(e)) \wedge \forall t \in T \exists e' [\tau(e') = t \wedge e' \leq e \wedge \mathbf{P'} [\text{QUANT}(\mathbf{P'}, e') - \wedge \in (\tau(e)) (t) \wedge \mathbf{card}(T) > n_s]]]$

In addition to the modifications mentioned before, I renamed the predicate variable V with P and partition set P with T (T stands for temporal, since it is a set of temporal intervals). Since the function QUANT, in contrast to the function *atom*, requires both an event and a predicate, I introduced a predicate P' which predicates over the event and is quantized. Note that P' need not be identical to P, although of course it can be. Otherwise, the complex predicates formed from inherently pluractional lexical verbs, such as *xie* ‘scratch (more than a single time)’, cannot be formed, since a single, atomic event of scratching is not in the extension of the lexical verb, see (22), repeated here as (33):

- (33) a. *vacə suzər-a xie-ri-ä*
 V. wound-OBJ scratch-PST-3SG
 ‘Vasya scratched the wound.’
 b. *vacə suzər-a për xot ??xie-ri-ä// okxie-s=il-te-ë*
 V. wound-OBJ one time scratch-PST-3SG scratch-CV_SIM=take-PST-3SG
 ‘Vasya scratched wound a single time.’
 c. *vacə suzər-a xie-sa tək-ri-ä*
 V. wound-OBJ scratch-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya scratched the wound (many times).’

Note also that the formula in (32) automatically predicts that the complex predicate will be quantized in its episodic reading. The reason for that is the presence of the specific number of the temporal traces of subevents. Namely, we always can take a proper part of the pluractional event which contains a smaller number of subevents, or even such number that is less or identical to the contextual standard, and these smaller chains of subevents will not fall under the extension of the complex predicate.

A possible question regarding the new formula is whether we still need a conjunct $\in (\tau(e)) (t)$ in the denotation. Recall that its aim in Henderson's analysis was to provide a high cardinality of subevents: if a subevent takes a significantly little time of the whole subevent, then the number of subevents should be high enough to keep that proportion. At the first glance, it seems that this function is covered by the new conjunct $\mathbf{card}(T) > n_s$.

However, there is a slight difference between their truth conditions. Namely, there could be a situation where the contextual standard number of subintervals is relatively low — in such a case, the restriction on the relatively small temporal traces of subevents should crash the derivation. Imagine, for example, a situation when someone's son Vasya, who usually eats a single patty with potatoes, once unexpectedly ate two patties. For some consultants, it is still impossible to use *tək* in a sentence describing such a context:

- (34) %*vacə për kogalı virän-ni-a igë kogalı ɛi-ze tək-ri-ä*
 V. one pie place-P_3-OBJ two pie eat-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya ate two pies instead of a single pie.’

The consultants that found this sentence ungrammatical said explicitly that two is not a worthy number of eaten pies, instead of, for instance, ten or more.

Thus, although conditions $\in (\tau(e)) (t)$ and $\text{card}(T) > n_s$ are similar in their function, their truth conditions are not identical, and if any of conditions is false, the use of the light verb is impossible¹⁵.

5. Conclusions

Let me summarize the results of my research. The aims of my work were to give a more detailed description of the light verb *tək* than presented in the previous research and to offer a formal analysis predicting the described data. As I can hope, both the aims were reached. First, I showed that the light verb *tək* is a telicizing operator forming pluractional complex predicates from quantized predicates containing a non-patientive subject. I also showed that the light verb requires a plural event to consist of a number of subevents, exceeding the contextually relevant standard number. Second, I discussed the behavior of the light verb with respect to event internal/event external distinction of the pluractionals well studied in the typological and formal literature. Precisely, I showed that *tək* demonstrates split behavior with respect to the tests offered in [Henderson 2012] — but the tests which classify it as an event-external operator are more telling. Finally, I offered a formal semantic analysis of the light verb *tək* based on the analysis of the event-external pluractional suffix *-lōj* in Kaqchikel [ibid.].

Before finishing this paper, I would like to mention that it is interesting whether the analysis offered here for the light verb *tək* ‘scatter’ can be expanded to the corresponding grammaticalized verbs in other languages, especially in other languages from the Turkic family, which have similar productive light verb systems [Grashchenkov 2015]. The other language of the specific interest is Hill Mari, see the work [Kashkin 2018] where the author in detail describes the behavior of the light verb *käškäš* ‘throw, scatter’ and shows that it is also grammaticalized into a telicizing operator forming pluractional complex predicates. Since Chuvash and Hill Mari are neighboring languages and have similar light verb systems [Golosoov 2019], it would be interesting to check to which extent the light verbs *tək* and *käškäš* are similar.

List of glosses

1, 3 — persons	NPST — non-past tense
CAUS — causative	OBJ — objective case (a contamination of accusative and dative)
CV_SIM — simultaneity converb (also used as a finite past tense form)	P_3 — third person possessive
EN — genitive	PL — plural number
LOC — locative	POT — potential
NEG — negation	PST — past tense
NMZ — nominalization	SG — singular number
	VBZ — verbalizer

References

- Ashmarin 1923 — *N. I. Ashmarin*. Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa. Ch. 2. Simbirsk: Izd-vo Simbirskogo soyuza potrebitel'skikh obshchestv Chuvashskoi avtonomnoi oblasti, 1923. {N. I. Ashmarin. Issues in Chuvash Syntax. Pt. 2. Simbirsk: Publishing House of the Simbirsk Union of Consumer Societies of the Chuvash Autonomous Region, 1923.}
- Butt 1995 — *M. Butt*. The structure of complex predicates in Urdu. Stanford, California: CSLI Publications, 1995.
- Champollion 2010 — *L. Champollion*. Parts of a whole: Distributivity as a bridge between aspect and measurement. PhD dissertation. Philadelphia, PA, 2010.
- Cusic 1981 — *D. D. Cusic*. Verbal plurality and aspect. PhD dissertation. Stanford University, 1981.
- Golosoov 2019 — *F. V. Golosoov*. Sintaksis i semantika legkikh glagolov-telisizatorov v gornomariiskom i chuvashskom yazykakh. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota studenta bakalavriata. NIU VShEh, 2019. {F. V. Golosoov. Syntax and semantics of telicizing light verbs in Hill Mari and Chuvash. BA thesis. NRU HSE, 2019.}
- Golosoov 2020 — *F. V. Golosoov*. Semantika i selektivnye ogranicheniya legkogo glagola *pərak* ‘brošit’ v poshkartskom dialekte chuvashskogo yazyka. In: Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. 2020. T. 3, № 2. S. 52–78. {F. V. Golosoov. Semantics and selectional restrictions of the light verb *pərak* in Poshkart Chuvash. In: Typology of morphosyntactic parameters. 2020. Vol. 3, iss. 2. P. 52–78.}

¹⁵ Probably, for those consultants who nevertheless accept sentence (42) the condition $\in (\tau(e)) (t)$ is not established in the formal semantics of the light verb *tək*.

- Golosov 2021 — *F. V. Golosov*. Event structure of complex predicates with the light verb *lart* 'seat, put' in Poshkart Chuvash. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021, Vol. 17, iss. 1. P. 406—440.
- Grashchenkov 2015 — *P. V. Grashchenkov*. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. {*P. V. Grashchenkov*. Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2015.}
- Henderson 2012 — *R. M. Henderson*. Ways of pluralizing events. PhD dissertation. UC Santa Cruz, 2012.
- Kashkin 2018 — *E. V. Kashkin*. K tipologii semanticheskogo razvitiya glagolov so znacheniem 'brosat': dannye gornomariiskogo yazyka. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2018, 4. S. 112—129. {*E. V. Kashkin*. Typology of semantic evolution of the verbs of throwing: Hill Mari data. In: *Ural-Altai Studies*. 2018, 4. P. 112—119.}
- Khrakovsky 1989 — *V. S. Khrakovsky*. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya. In: *V. S. Khrakovsky* (red.). *Tipologia iterativnykh konstrukcij*. Leningrad: Nauka, 1989. S. 5—53. {*V. S. Khrakovsky*. Semantic types of the event plurality and their natural classification. In: *V. S. Khrakovsky* (ed.). *Typology of iterative constructions*. Leningrad: Science, 1989. P. 5—53.}
- Krifka 1992 — *M. Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. In: *I. Sag, A. Szabolsci* (eds.). *Lexical matters*. Vol. 24. Stanford: CSLI, 1992. P. 29—53.
- Kuhn 2019 — *J. Kuhn*. Pluractionality and distributive numerals. In: *Language and Linguistics Compass*. 2019, vol. 13, iss. 2. P. e12309.
- Lasersohn 1995 — *P. Lasersohn*. Pluractional markers. In: *Plurality, conjunction and events*. Dordrecht: Springer, 1995. P. 238—266.
- Lebedev 2016 — *E. Je. Lebedev*. Aktsionsartovye znacheniya slozhnoverbal'nykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk, 2016. {*E. Je. Lebedev*. Actional meanings of the complex predicate analytic forms in Chuvash. Cheboksary: Chuvash State University of Humanities, 2016.}
- Pasternak 2019 — *R. Pasternak*. A lot of hatred and a ton of desire: Intensity in the mereology of mental states. In: *Linguistics and Philosophy*. 2019, Vol 42, iss. 3. P. 267—316.
- Ramchand 2008 — *G. Ramchand*. Lexical items in complex predications: Selection as underassociation. In: *Nordlyd*. 2008, Vol. 35, iss. 1. P. 115—141.
- Shluinsky 2005 — *A. B. Shluinsky*. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti (Kolichestvennye aspektual'nye znacheniya). Dis. ... kand. filol. nauk. MGU, 2005. {*A. B. Shluinsky*. Typology of verbal plurality (Quantificational aspectual meanings). PhD dissertation. Moscow State University, 2005.}
- Shluinsky 2006 — *A. B. Shluinsky*. Aktsional'nost' i aspektual'nyi pokazatel': konstruktsiya so vspomogatel'nym glagolom *il-* v chuvashskom yazyke. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2006, 1. S. 32—47. {*A. B. Shluinsky*. Actionality and the aspectual marker: a construction with the auxiliary verb *il-* in Chuvash. In: *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*. 2006, 1. P. 32—47.}
- Smith 2013 — *C. S. Smith*. *The parameter of aspect*. Springer Science & Business Media, 2013.
- Tatevosov 2009 — *S. G. Tatevosov*. Aspektual'naya kompozitsiya. In: *S. G. Tatevosov* (red.). *Tubalarskie ehtyudy*. Moskva: IMLI RAN, 2009. S. 78—133. {*S. G. Tatevosov*. Aspectual composition. In: *S. G. Tatevosov* (ed.). *Tubalar Studies*. Moscow: IWL RAS, 2009. P. 78—133.}
- Tatevosov 2015 — *S. G. Tatevosov*. Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. {*S. G. Tatevosov*. Actionality in lexicon ang grammar. Verb and event structure. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2015.}
- Tatevosov 2016 — *S. G. Tatevosov*. Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016. {*S. G. Tatevosov*. Verb classes and typology of actionality. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2016.}

Структура хакасской словоформы и ограничения на сочетаемость аффиксов в автоматическом парсере хакасского языка

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); adybo@mail.ru
Мальцева Вера Сергеевна, Институт языкознания РАН (Москва); malt.wh@gmail.com
Шеймович Александра Валерьевна, Институт языкознания РАН (Москва); asheimovich@yandex.ru
Султрекова Эльвира Валерьевна, независимый исследователь (Абакан); evsultrekova@gmail.com
Крылов Филипп Сергеевич, АНО «Информационная культура» (Москва); phil.krylov@gmail.com

Настоящая статья является продолжением публикации [Дыбо и др. 2019] и посвящена описанию морфологических правил, действующих в автоматическом парсере хакасского языка (<https://khakas.altai.ru/grammar/>). При работе с большими объемами фактического языкового материала автоматическая модель морфологического анализа, не включающая в себя ограничения на сочетаемость морфем, дает большое количество неверных разборов, притом что в тюркских языках количество верных омонимичных разборов и без того чрезвычайно велико. В статье изложен перечень правил на естественном языке, лежащий в основе действия алгоритма, который применяется в коде парсера. В пояснении к каждому правилу мы приводим иллюстрирующие его примеры и обоснования необходимости ограничений на сочетаемость аффиксов. Эти обоснования имеют разный статус. Часть ограничений обусловлена принципиальным устройством тюркской словоформы или несочетаемостью семантических характеристик морфем. Другая часть является следствием того, что автомат нацелен на практическое применение — анализ конкретных текстов, попавших в Корпус хакасского языка. В начале статьи приводятся схема хакасской словоформы и краткое описание словоизменяемых аффиксов хакасского языка. Часть диалектных грамматических показателей, обнаруженных в ходе полевой работы, описывается впервые. Обсуждаются также диахронические процессы, происходившие в хакасском языке.

Ключевые слова: тюркские языки, хакасский язык, корпусная лингвистика, морфология, грамматика, автоматическая обработка языка

THE STRUCTURE OF THE KHAKAS WORD FORM AND RESTRICTIONS ON THE COMPATIBILITY OF AFFIXES IN THE AUTOMATIC PARSER FOR THE KHAKAS LANGUAGE

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); adybo@mail.ru
Vera S. Maltseva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); malt.wh@gmail.com
Elvira V. Sultrekova, independent researcher (Abakan); evsultrekova@gmail.com
Aleksandra V. Sheimovich, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); asheimovich@yandex.ru
Philip S. Krylov, ANPO “Information culture” (Moscow); phil.krylov@gmail.com

This article is a continuation of [Dybo et al. 2019]. The paper is devoted to the description of morphological rules operating in the automatic parser of the Khakas language (<https://khakas.altai.ru/grammar/>). When working with large volumes of actual linguistic material, any automatic model of morphological analysis, which does not include restrictions on the compatibility of morphemes, will come up with a large number of incorrect analyses, while the Turkic languages already show an extremely high amount of correct homonymous analyses. The article presents not the analysis algorithm that is used in the parser code, but a list of rules written in natural language that underlies the operation of the algorithm. In the explanation of each rule, we give examples illustrating it and explain the need for such a restriction on the behavior of affixes. They have a different status. Some of the restrictions are due to the fundamental structure of the Turkic word form or the incompatibility of the semantic characteristics of morphemes. The other part is a consequence of the fact that the automaton is aimed at practical application, the analysis of texts that fell into the Khakas Language Corpus. The article begins with a scheme of the Khakas word form and a brief description of the inflectional affixes of the Khakas language. Some of the Khakas dialect morphemes found in the course of field work are described for the first time. Some diachronic processes in Khakas are also discussed.

Keywords: Turkic languages, Khakas language, corpus linguistics, morphology, grammar, automatic language processing

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00501, проект «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

Несколько лет успешно функционирует созданный нами Электронный корпус хакасского языка¹ объемом более 500 тыс. словоупотреблений. Это параллельный хакасско-русский корпус с морфологическим разбором хакасских словоформ, который выполняется автоматическим парсером. В настоящей статье мы представим правила работы данного парсера, описывающие взаимную сочетаемость морфологических показателей. Устанавливая правила работы парсера, мы ориентируемся не только на имеющиеся грамматические описания хакасского языка и его диалектов, но также и на материал самого корпуса. Таким образом, происходит циклический процесс: чем больше текстовых данных мы проанализировали, тем точнее мы можем сформулировать правила анализа и тем быстрее и качественнее можем обрабатывать новые данные.

Мы уже писали об особенностях идеологии и структуры автоматического морфологического анализатора, работающего на сайте корпуса (см. [Мальцева 2004; Дыбо, Шеймович 2014; Дыбо и др. 2016; 2019]). Упомянем здесь основные исходные пункты.

Мы считаем нецелесообразным построение словоизменительного раздела грамматики любого тюркского языка как исчисления парадигм по образцу того, как это делается для флективных языков — например, для русского, начиная с [Зализняк 1967], для германских — например, [Gordon 1957: 284—310]. На основе модели исчисления парадигм строится и большинство морфологических анализаторов — так, в Национальном корпусе русского языка² указано: «Решения, принятые в корпусе, в основном опираются на морфологическую модель, представленную в “Грамматическом словаре русского языка” А. А. Зализняка [Зализняк 1977/2003]»³.

Эта же схема берется обычно и за основу описания тюркских языков, например [ГТЯ 1961; ГХЯ 1975; Adamović 1985; Kornfilt 1997: 212—412]. Приятное исключение составляет грамматика древнетюркского языка [Erdal 2004]; ср. также описание турецкой грамматики в [Göksel, Kerslake 2005]. Парадигматический метод применяется обычно и в построении машинных моделей. Так, в порождающей модели, используемой в корпусной части Машинного фонда башкирского языка⁴, также задается исчисление возможных последовательностей морфем, формирующих словоизменительную парадигму соответствующей категории: «категория сказуемости имеет 4 парадигмы: единственное число: 1-е лицо и 2-е лицо, множественное число: 1-е и 2-е лицо»⁵. Но такой способ описания вынуждает грамматику или машинную модель грамматики ограничиваться наиболее частотными формами. В. Г. Карпов [Карпов 2007: 105] оценивает количество возможных глагольных словоформ в хакасском от одной основы приблизительно в 3000 (включая аналитические); но кажется, что он сильно недооценивает возможности хакасского языка. Так, в арчинском языке, также в высокой степени агглютинативном, количество глагольных форм, образующихся от одного арчинского глагольного корня, может достигать 1 502 839 единиц [Кибрик и др. 1977]. В [Татевосов 2018] количество только финитных индикативных форм для татарского языка (в том числе аналитических) оценивается в 6634 единицы — при этом не учитываются залоговые, дистрибутивные показатели, а также, разумеется, клитики. На наш взгляд, эти агглютинативные языки следует считать непарадигматическими (аргументы в пользу данной точки зрения приводятся, например, в [Володин, Храковский 1975; Алпатов 2018: 35—43]). Как для целей автоматического анализа, так и для целей описания морфологии тюркских языков мы полагаем наиболее адекватной грамматику порядков с циклами (т. е. с операцией повтора последовательностей слотов).

Грамматика порядков — удобный инструмент описания агглютинативных языков, морфология которых соответствует следующим требованиям: а) фиксированная последовательность словоизменительных аффиксов; б) их грамматическая однозначность (отсутствие/редкость/несущественность кумуляции); в) однократность появления в данной словоформе показателя определенной граммемы, ср. [Глисон 1959: 164] (оригинал в [Gleason 1955: 112]): «Порядки — это взаимоисключающие классы морфем, которые занимают определенное место в последовательности морфем, образующих слово»; г) низкая степень фузионности, высокая степень фонетической целостности морфемы: каждое грамматическое значение выражается неразрывной фонетической цепочкой, имеющей единый фонетический прототип (см. об этом подробнее, например, [Plungian 2001]). Но для целей описания тюркской грамматики (как, впрочем, и ряда других агглютинативных языков — см., например, [Володин 2004]) эта мо-

¹ <https://khakas.altai.ru>

² www.ruscorpora.ru

³ <https://ruscorpora.ru/new/corpora-morph.html>

⁴ См. <http://mfbl2.ru:8080/mfbl/bashgram>. Еще более «европоцентрический» подход (парадигмы, расширенный набор «частей речи», классификация предикативного имени *бар* как бытийного глагола и под.) обнаруживается в монографии [Жубанов и др. 2019].

⁵ <http://212.193.132.98/mfbl/res/bashdb/algram/algram.htm>

дель должна быть дополнена. На нашем материале хорошо видно, что свойство обязательности и однократности выражения внутри одной словоформы не характерно для грамматических категорий тюркских языков⁶. Во-первых, каждый грамматический слот может быть заполнен или не заполнен, а морфологические нули в общем случае не должны вводиться в описание (соответственно, признак обязательности выражения исключается из определения грамматичности категории, см. [Гузев, Насилов 1970; Солнцев и др. 1979: 9—10]; ср. [Мельчук 1997: 247—250]). Практическое следствие: в нашем поисковом интерфейсе⁷ есть возможность искать словоформы с незаполненными слотами для всех выделяемых категорий — можно искать единственное число, а можно словоформы без дистрибутивного показателя. Во-вторых, одноименные грамматические категории могут выражаться внутри словоформы несколько раз, т. е. в структуре словоформы порядки могут повторяться (образуя циклы). Даже одно и то же грамматическое значение может быть выражено неоднократно, как 3-е лицо посессора в башкирском примере ниже:

- (1) *Ul eš-tän qajt-qan-dər axər-ə-hə (sönki) öj-ö-ndä ut bar.*
 that work-ABL come-PC.PST-maybe end-P.3-P.3 because house-P.3-LOC fire there.is
 ‘Наверное, он пришел с работы, (так как) у него дома включен свет’ (цит. по [Mishenko 2021: 61], перевод наш, глоссирование автора)⁸.

В хакасском языке имеется возможность циклического употребления аффиксов посессивности, падежа и разноместное выражение категорий числа и отрицания. Кластер категорий числа, посессивности и падежа (в указанном порядке) наблюдается в двух местах хакасской словоформы: перед аффиксами транспозиции и после них (см. схему словоформы ниже). Циклы в области именных категорий можно постулировать и в древнетюркском. Они появляются вследствие возможности продвижения словоформы, маркированной падежом, числом или показателем посессивности, в вершину именной группы при помощи аффиксов транспозиции или без них (при помощи конверсии). Ср. примеры из древнетюркской грамматики:

- (2) *biz-iŋ-tä-ki-čä*
 мы-Gen-Loc-Attr-Equ⁹
 ‘как в одном из нам принадлежащего’ [Erdal 2004: 169]
- (3) *bar-miš-lar-niŋ-i-nda*
 идти-Indir-Pl-Gen-3pos-Loc
 ‘от одного из тех, кто шел’ [ibid.: 170].

В примере (2) три показателя падежа. Сначала местоимение *biz* ‘мы’ в форме генитива субстантивирована (т. е. продвигается в вершину именной группы) без показателей: *biz-iŋ* ‘наш = то, что нам принадлежит’ и после этого оформляется локативом: *biz-iŋ-tü* ‘в том, что нам принадлежит’. Затем локативная форма также продвигается в вершину именной группы, но уже при помощи аффикса *-ki*: *biz-iŋ-tä-ki* ‘находящееся в том, что нам принадлежит = одно из принадлежащего нам’, после чего эта именная группа принимает форму сравнительного падежа: *biz-iŋ-tä-ki-čä* ‘как одно из принадлежащего нам’. В примере (3) субстантивированное причастие *barmišlar* ‘шедшие’ употреблено в генитиве: *bar-miš-lar-niŋ* ‘принадлежащий шедшим’, затем оно становится вершиной именной группы с помощью посессивного показателя: *bar-miš-lar-niŋ-i* ‘тот, кто принадлежит к шедшим = один из шедших’, и получившаяся форма ставится в локатив (со значением аблатива): *bar-miš-lar-niŋ-i-nda* ‘от одного из шедших’.

⁶ Ср. о дублировании грамем [Мельчук 1997: 253—254]. Ср. также классическое для нашей тематики описание узбекской глагольной словоформы, предпринятое в [Ревзин, Юлдашева 1969]: авторы твердо придерживались идеи об обязательности и однократности выражения грамматических категорий, поэтому вынуждены были вводить грамматические нули (до 8) двух разных типов и слегка завуалированно разрешать дублирование некоторых порядков. См. также [Пинес, Ревзин 1969; Пинес 1973].

⁷ <https://khakas.altaiica.ru/corpus/>

⁸ Случай употребления двойного посессива обычно лексикализованы, т. е. основы слов с «неотчуждаемой принадлежностью» (части тела, термины родства, пространственные ориентиры и т. п.) переосмысливаются так, что бывший показатель посессивности 3-го лица становится частью основы (см. [Дмитриев 1962/1939]).

⁹ Мы намеренно не пишем глоссы в заглавном регистре, а различаем в них заглавные и строчные буквы. Это сделано для того, чтобы точка в строке глоссирования однозначно понималась как склейка грамматических значений (например, Neg.Fut — отрицание + будущее время), а прочие сокращения словосочетаний понимались иначе (например, CvKac — деепричастная форма качинского диалекта).

В хакасской грамматике можно усматривать также циклические употребления глагольных аффиксов. Они возникают там, где еще недавно мы бы имели дело с аналитическими формами, ср.: *ti-n-ched-in* (сказать-NF-Dur-CvP) 'говоря'. Эта форма грамматикализовалась из деепричастной конструкции со вспомогательным глаголом *чат* 'лежать': *ti-n chad-yn* (сказать-CvP лежать-CvP).

Для тюркской, в частности хакасской, грамматики мы строим единую модель словоформы. Выделяемые «части речи», т. е. в действительности грамматические классы в смысле [Зализняк 1967], глагол, имя и неизменяемое, различаются количеством слотов (мест в порядке), возможных для заполнения. Части речи, традиционно выделяемые в грамматиках, не всегда попадают целиком в один из этих классов. Так, «частицы» в основном относятся к классу неизменяемых, однако некоторые из них сочетаются с личными окончаниями, попадая в позицию предиката, и потому мы относим их к классу имен, ср. *мин орыс нимес-пін* (he-1sg) 'я не русский'. Спрягаться в тюркских языках могут и глаголы, и имена. Глаголы отличаются от имен способностью изменяться по временам и наклонениям. В класс имен входят «существительные», «прилагательные», «числительные», «местоимения» и большая часть «наречий». «Послелог» не представляет собой морфологически отдельной сущности и распределяется между классами имен и неизменяемых.

Однако внутри классов обнаруживаются определенные подразделения, некоторые из которых нужно учитывать в модели. Вследствие принятых в хакасском языке норм орфографии неизменяемые слова приходится разбивать на два грамматических класса из-за того, что частица *OK* пишется слитно со словоформой, а прочие энклитические частицы — раздельно. В класс Invar1 входят слова, которые могут присоединять частицу *OK*, а в класс Invar — те, что не могут. Внутри класса имен можно выделить семантические подклассы, которые характеризуются большей частотностью встречаемости в каких-то синтаксических функциях или специфическими словообразовательными моделями. Так, цветообозначения употребительнее в функции атрибута и чаще принимают аффиксы со значением усиления и ослабления качества — словообразовательные суффиксы неполноты признака и префиксальную редупликацию со значением усиления признака. Можно также выделить семантический подкласс числительных и кванторов, которым тоже присущи специфические словообразовательные модели (собирательные, разделительные, порядковые формы). Еще один подкласс можно постулировать, например, для имен локативной и временной семантики, т. к. только они сочетаются с атрибутивизатором *КЫ* без посредства падежных аффиксов (см. об этом подробнее [Дыбо и др. 2019: 58], а также [Дыренкова 1948: 17—18]). Наибольшую проблему представляет класс сущностей, которые могут занимать позицию предиката и присоединять показатели предикативных словоизменительных категорий (т. е. аффиксы лично-числового согласования с субъектом), но не могут занимать позиции актантов и присоединять категорию числа имени и падежные показатели. Сюда попадает часть слов, традиционно считаемых прилагательными и наречиями, а также спрягаемые «частицы»: *осхас* 'подобно', *нимес* 'не', *арак* 'немного' и др., см. примеры и анализ в [Султрекова 2017]. На данном этапе мы не пришли к единому мнению, нужно ли выделять такие лексемы в отдельную часть речи или же считать их подклассом имен. Эта проблема требует специального исследования, однако ее решение не повлияет принципиально на правила построения модели хакасской словоформы.

Грамматические классы («части речи») размечены в грамматическом словаре парсера хакасского языка, сделанном на основе оцифрованной версии [Субракова (ред.) 2006] и пополняемом по мере накопления корпуса. Кроме частеречной разметки, словарь содержит морфонологические пометы [Дыбо и др. 2019], русский перевод, семантические и этимологические теги (в разработке) и словообразовательную разметку [Дыбо и др. 2016].

Существенной частью нашей модели являются ограничения на сочетаемость показателей между собой, которым посвящена данная статья. В классической порядковой модели ограничения на сочетаемость не предусмотрены (ср. уже упоминавшуюся работу [Gleason 1955: 112]¹⁰; подробнее об истории вопроса см. [Володин 2004]). Обычно, впрочем, не строится и единая модель для всех изменяемых грамматических классов. Важно, что до появления автоматических парсеров ни одна модель не проходила серьезной проверки на практике, в связи с чем можно было пренебречь подробностями ее устройства, в частности ограничениями. При анализе фактического языкового материала выяснилось, что модель без ограничений дает большое количество неверных разборов.

Отметим, что в хакасском языке количество верных омонимичных разборов и без того чрезвычайно велико. Благодаря переходу общетюркских *δ*, *z*, *s*, *š* и *č* в литературном хакасском в *s* многие основы

¹⁰ Но в уже упомянутой модели узбекской глагольной словоформы [Ревзин, Юлдашева 1969] некоторые ограничения вводятся (они названы «морфологическими правилами»; мы пользуемся этим названием для другой группы правил, см. [Дыбо и др. 2019: 52]).

стали омонимичны. Например, у основы *ac* в словаре указано четыре глагольных ('превышать', 'блуждать', 'открывать', 'терять') и пять именных значений ('мало', 'голод', 'зерно/пища', 'ласка', 'спина'). Часть значений, впрочем, выражалась одинаково и до этого фонетического перехода. Также наблюдается омонимия аффиксов: например, в хакасском одинаково выглядят показатели каузатива и индиректива *ТЫр*. При этом показатель каузатива унаследован из пратюркского, а индиректив произошел из аналитической конструкции с глаголом *тур* 'стоять'.

Ограничения не борются с омонимией такого рода, а только запрещают невозможные разборы. Например, у слова *харбир* наряду с верным разбором (*харба-ар*¹¹: брать_горстями-Fut) 'будет брать горстями' до введения ограничений был и неверный (*#хар-ба-ар*: стареть-Neg-Fut) 'не будет стареть'. Так как отрицательная форма будущего времени в тюркских языках кумулятивная, 'не будет стареть' выражается по-другому: *харбас*. Сейчас показателям и простого будущего Fut *Ар*, и отрицательного будущего Neg.Fut *Пас* запрещено быть в одной словоформе с показателем отрицания *ПА*, и этого разбора нет.

Ограничения помогают не только отсекал лишнее, но и разрешать нужное. Например, пермиссивный показатель *ТАК* употребляется лишь в повелительном наклонении, но в форме 2-го л. ед. ч. показателя у императива нет: *нар-дах* (идти-Perm) 'ладно, иди', а в других формах он есть: *нар-зын-дах* (идти-Impr.3-Perm) 'ладно, пусть идет'. Поэтому в правиле сочетаемости для показателя пермиссива должны быть учтены оба этих случая.

На данный момент применение анализатора к имеющемуся корпусу, как кажется, не дает неверных разборов, хотя семантически и синтаксически неестественные разборы встречаются. Для их исключения необходимы дополнительные механизмы: синтаксический анализатор, семантические теги и фильтры по ним (некоторые примеры см. в [Дыбо и др. 2016]).

Рассмотрим сначала построенную нами схему хакасской словоформы. Здесь же мы даем краткое описание всех позиций, в которых могут стоять словоизменительные аффиксы, и примеры их употребления. Список условных сокращений находится в конце статьи. Полную схему со списком всех аффиксов в морфонологической записи см. на <https://khakas.altaiica.ru/grammar/>. Так как целиком она занимает слишком много места, ограничимся здесь кратким описанием.

-1	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Rdpl	S	Distr	Voice	NF,	Ptc1	Perf	Prosp	Dur	Neg,	Tense / Pl ₁	Poss ₁	Case ₁	Transp	Pl ₂	Poss ₂	Case ₂	Ptc ₂	Vis	Person	PredPl	Ptc ₃	
				Durl					Gener	Mood												

Позиция -1. Rdpl — операция редупликации, имеющая семантику усиления признака (гlossa Magn). Применяется только к семантическому классу признаков (подклассу слов категории Nomen). Строится по схеме (C₁)V₁n-, где C₁ — начальный согласный основы, V₁ — гласный первого слога основы. Примеры: *хып-хызыл* 'очень красный', *ап-арыг* 'совершенно чистый'.

Позиция 0. S — основа. Основа включает корень (R) со словообразовательными показателями, она присутствует в словаре в качестве заголовка словарной статьи (у имен и неизменяемых частей речи) или выписана в отдельное поле (у глаголов, т. к. заголовком словарной статьи глагола служит форма инфинитива).

Позиция 1. Distr (*КЛА*) — дистрибутив. Обозначает множественность субъекта или объекта действия или многократность самого действия: *олгленнер* (< *ол-гле-ген-нер*: умирать-Distr-Past-PredPl) 'все умирали', *азагынаң тарт-хла-н-ча* (тянуть-Distr-NF-Pres) 'за ноги дергает', *чылгыны үлезип сох-хла-н-чадыр* (бить-Distr-NF-Pres1) 'табун разделив, закалывают'.

Позиция 2. Категория Voice — залог. В хакасском, как и в других тюркских языках, категория залога может принимать четыре значения: Pass (*БЛ*)л — пассивный залог, Refl (*БЛ*)н — рефлексив, возвратный залог, Rec (*БЛ*)с — реципрок, взаимный залог, Caus — побудительный залог, выражаемый несколькими различными морфемами. Мы относим каузатив к залогам, хотя это спорно с точки зрения грамматической семантики, т. к. его показатели находятся в том же слоте, что и залоговые. Категории залога и дистрибутива в хакасском языке скорее относятся к продуктивному словообразованию, чем к словоизменению, и не во всем следуют правилам грамматики порядков. Так, морфемы этих категорий могут присутствовать в словоформе более одного раза, порядок их присоединения регулируется семантиче-

¹¹ В хакасском языке две гласные на стыке морфем в ряде случаев стягиваются в *и* (см. [Дыбо и др. 2019: 52]).

скими правилами и не очень строг, сочетания основы с некоторыми залоговыми показателями приобретают некомпозиционную семантику (в особенности это касается рефлексива и каузатива), каузативное значение может выражаться несколькими морфемами с нечетким разделением функций и контекстов. Поскольку задача парсера — проанализировать как можно больше словоформ, нам пришлось включить эти продуктивные аффиксы словообразования в модель. Из каузативных морфем мы взяли продуктивную морфему *ТЫр*, которая в современном хакасском языке чаще выражает декаузативное или пассивное значение:

- (4) *чир-ге чап-тыр-Ø сал-Ø-тыр*
 земля-Dat закрывать-Caus-NF класть-NF-Indir
 ‘была похоронена, говорят’ (букв. ‘в землю закрытой положена была’) [УКХЯ¹²].

Также мы ввели в парсер довольно продуктивную морфему *т*: *одыр-т* (сидеть-Caus) ‘сажай’. Морфема *ТЫр* не имеет морфонологических и лексических ограничений на присоединение; морфема *т* может присоединяться только к цепочкам, оканчивающимся на *р*, *й* или гласную. Другие каузативные аффиксы распределены лексически, поэтому в нашей модели они считаются словообразовательными.

Примеры с прочими показателями залогов: *ал-ыл-ган* (братъ-Pass-Past) ‘был взят’, *тазы-с-Ø-тур-лар* (таскать-Rec-NF-PresKuz-PredPl) ‘таскают вместе’, *көр-ин-Ø-че* (видеть-Refl-NF-Pres) ‘видится’.

Позиция 3. NF (not finished | non finitum) — десемантизированный показатель, исторически восходящий к CvP (*Ып*), выступающий в ряде синтетических и аналитических словоформ: *узу-п-ча* (спать-NF-Pres) ‘спит’. Так как производные формы не составляют группу, имеющую общий компонент значения, мы считаем, что значение данного аффикса состоит в том, что словоформа (синтетическая или аналитическая) еще не закончилась. У NF есть кумулятивная отрицательная форма Neg.NF *Пин*: *узу-бин-ча* (спать-NF-Pres) ‘не спит’. В шорском диалекте хакасского (как и в шорском языке) нет морфонологического правила, согласно которому *АА* > *и*, сочетание *АА* сохраняется (см. [Dybo et al. 2019: 36]). В нем морфема Neg.NF имеет вариант *ПААн*. Он используется и в литературном хакасском языке:

- (5) *Ис-тер көп — сап-паан-дыр.*
 след-Pl много бить-Neg.NFSh-Indir
 ‘Следов много — (а никакой дичи) не убил, оказывается’ [Шулбаева, Сыын мүүзи].

Dur1 — формы презенсов-дуративов для глаголов *пар* ‘уходить’, *анар* ‘уносить/уводить’ и *кил* ‘приходить’: аффиксы *и(р)* (общая форма), *ит* (сагайский вариант), *Ат* (качинско-кызыльский вариант). Так как между ними и основой не может быть никаких других аффиксов, в нашей модели они расположены в наиболее близкой к корню собственно словоизменительной позиции. Если после Dur1 есть показатель категории Tense/Mood, мы считаем, что это показатель несовершенного вида, не влияющий на финитность словоформы: *пар-и-ган* (идти-Dur1-Past) ‘уходящий/уходивший/шёл’. Если же такого показателя нет, Dur1 несет видо-временное значение, образуя финитную форму настоящего времени непосредственно наблюдаемого действия: *ол пар-и(р)* (идти-Dur1) ‘он идет (сейчас)’. Это же верно и для видо-временного показателя Genet *АдЫ(р)*, сходным образом ведет себя модально-временной показатель Vis *ЧЫК* (см. ниже описание позиций 8 и 18 соответственно). Больше примеров с Dur1 см. в правилах 5, 6.

Позиция 4. Ptc1 — первая (считая от основы) позиция для клитических частиц в хакасской словоформе. Здесь проходит «шов» в синтетической глагольной словоформе, образовавшейся из аналитической бивербальной конструкции. Глоссы для всех показателей этой позиции содержат подстрочный индекс ₁ для отличия от аналогичных показателей, стоящих дальше от корня. Здесь могут располагаться следующие частицы: Add₁ *ТАА* — аддитивная (*и, ни, даже...*), Ass₁ *ОК* — ассертивная (утвердительная) (*также, тоже, ведь...*), Cont₁ *ЛА* — континуативная (*только и делает, что...*). Примеры:

- (6) *Ачыг-даң ат-ын-Ø-даа-чат.*
 горе-Abl стрелять-Refl-NF-Add₁-Dur
 ‘С горя хоть стреляйся’ ([ГХЯ 1975: 73], М. Коков).
- (7) *Пүөр улуг көг-де ырла-п-ла-ча.*
 волк большой веселье-Loc петь-NF-Cont₁-Pres
 ‘А волк в большом веселье всё поёт’ [ХНС, Түлгүдең пүөр (т. 5)].

¹² Устный корпус хакасского языка (см. http://lingconlab.ru/spoken_khakas/) был создан нами на основе полевых записей текстов от носителей.

- (8) *хал-ыб-ох-тыр*
 оставаться-NF-Ass₁-Indir
 ‘также остался’.

Позиция 5. Здесь располагается перфектив Perf (*Ылбыс*) и его позиционный вариант PerfI *Ыс*: *пар-ыбыс-хан* (уйти-Perf-Past) ‘ушёл’, *чөр-беен-ис-тир* (ходить-Neg.NFSh-PerfI-Indir) ‘перестал ходить’. Эти аффиксы следуют за частицами и показателями NF, см. подробнее правила 3, 4. Перфектив может присоединяться к любым глагольным основам (в отличие от аналитических способов выражения вида) и сочетаться со всеми формами времен и наклонений, кроме формы кунктатива (см. правило 10).

Позиция 6. ProspSag *AK* — проспектив (состояние, предшествующее действию): *пар-ах-ча* (идти-ProspSag-Pres) ‘хочет уйти, вот-вот уйдёт’. Встречается исключительно в сагайском диалекте, в разных его говорах ведет себя немного по-разному (см. правило 9).

Позиция 7. Значение показателя Dur *чат* и диалектного варианта без гармонии *чат* — дуратив (длительность, непрерывность действия): *кил-Ø-чет-се* (идти-NF-Dur-Cond) ‘пока он шёл (сюда)’, *чөр-Ø-чат-хан* (ходить-NF-DurKac-Past) ‘он ходил’. Как и перфективный показатель, дуратив не имеет ограничений на сочетаемость с глагольными основами и показателями времени и наклонения. Интересно, что по крайней мере в сагайском диалекте морфемы DurI и Dur не исключают друг друга: форма *пар-ит-чад-ыл* (идти-DurI-Dur-CvP) ‘идя’ встречается в переводе «Алисы в стране чудес» М. Д. Чертыковой (уроженки д. Казановка) на хакасский язык.

Позиция 8. Neg *ПА* — аффикс, служащий для образования отрицательных глагольных форм — коррелятов положительных форм, не восходящих к аналитическим конструкциям: *хын-ма-за-ң* (любить-Neg-Cond-2sg) ‘если не любишь’, *пар-ба* (идти-Neg) ‘не уходи’. Он стоит после Dur *чат* и перед показателем времени: *чобал-чат-на-зын* (страдать-Dur-Neg-Imp.3) ‘пусть он не мучается’, *пар-ба-ды* (уйти-Neg-RPast) ‘не ушёл’.

Gener *АдЫ(р)* — генерическое (не актуальное) настоящее время или имперфективный вид. Как и DurI, Gener может быть и видовым, и временным показателем. Мы не занимались подробным исследованием семантики этой формы, однако заметили, что для обозначения актуального настоящего действия она практически не используется. Форма *чадАдЫр*, в которой Gener *АдЫр* сочетается с Dur *чат* (*чаТ*), не используется в современном языке, но часто встречается в эпических сказаниях и обозначает, по видимому, любое мгновенное действие в настоящем времени:

- (9) *Хан Мирген ипчи-лер-и-нең суулас-Ø-чад-адыр.*
 хан Мирген жена-Pl-3pos-Inst шуметь-NF-Dur-Gener
 ‘Хан-Мирген громко говорит своим женам’ [Ай-Хуучин, строки 5773—5774].

В качестве видового показателя Gener *АдЫ(р)* используется крайне редко: находится около десяти подобных примеров в корпусе, причем только в фольклорных текстах. В этом случае он всегда стоит либо перед показателем причастия Past *ГА(н)*, либо перед деепричастными показателями:

- (10) *пiл-едiр-ген чол-лар-ча апар-ар-бын*
 знать-Gener-Past дорога-Pl-Prol вести-Fut-1sg
 ‘известными дорогами поведу’ [ГХЯ 1975: 261].
- (11) *Ах сын үстүн-е пара-адыр-ып, Пора Нинче-е пурна-т-пас пол-ган.*
 белый хребет верх.3pos-Dat идти-Gener-CvP серый жемчуг-Dat обогнать-Caus-Neg.Fut быть-Past
 ‘Направляясь на хребет Ах-сын, она не дала бы Пора-Нинчи себя обогнать’ [Алтын-Арыг, строки 9667—9668].
- (12) *Хыйгыли пар-адыр-а хыс пала, Чылгы чили кисте-бис-кен.*
 кричать-CvA идти-Gener-CvA девочка ребенок лошадь как ржать-Perf-Past
 ‘Клич бросив, девочка по-конски заржала’ [Ай-Хуучин, строки 1852—1853].

Отрицание формы Gener *АдЫ(р)* аналитическое — лексический глагол в форме деепричастия на *-А* или будущего *Ар* + отрицательное имя *чох* либо *чогыл* ‘нет, не имеется’ [ГХЯ 1975: 204]. Примеры: *пiл-е чох-нын* (знать-CvA нет-1Sg) ‘не знаю’, *ундуд-ар чогыл-бын* (забывать-Fut нет.Pres-1Sg) ‘не забываю’. Поэтому Neg *ПА* и Gener *АдЫ(р)* не могут присутствовать в словоформе одновременно. В нашей модели они попадают в одну позицию, хоть и не входят в одну грамматическую категорию.

Позиция 9. Категория Tense/Mood. Если у глагола отсутствует показатель в данном слоте, то перед нами либо форма повелительного наклонения, либо первая часть аналитической словоформы (в этом случае у нее есть показатель NF), либо одна из дуративных форм в финитном употреблении (Dur1, Gener), либо в этой форме присутствует Vis *ЧЫК* в значении наглядного прошедшего времени.

Не будем перечислять здесь все показатели данной позиции, отметим лишь наиболее нетривиальные из них:

Neg.Fut *ПАс* — отрицательная форма будущего времени, стандартная для тюркских языков, но нестандартная типологически (из-за супплетивизма). В хакасском в нефинитной функции эта форма используется также в зоне настояще-будущего времени, как и собственно будущее *A(p)*, ср.: *ниме пил-бес* (знать-Neg.Fut) *кизи* ‘ничего не знающий человек’ [Субракова (ред.) 2006, статья ПЛБЕС].

PresPtSag *ЧАН* (часто без гармонии в форме *чен, чин*) — сагайская форма причастия настоящего времени, соответствует литературной форме *чАтКАн* (Dur *чАт* + Past *ГА(н)*). Отличается от литературной формы тем, что не может быть употреблена в качестве финитного предиката, как обычное причастие. Пример употребления из [УКХЯ]: *Арага ис-Ө-чен* (пить-NF-PresPtSag) *кизи́ни хайди тудын алар?* ‘**Пьющего** человека как удержать?’

RPast *ТЫ* — недавнопрошедшее время: *ол пар-ды* (идти-RPast) ‘он ушёл (недавно)’. В отличие от многих других тюркских языков (даже близкородственного шорского), в хакасском *ТЫ* не является дефолтной формой прошедшего времени: эту нишу заняло причастие Past *ГА(н)*, хотя в нефинитном употреблении оно не привязано строго к ситуациям в прошлом. Ср. пример из [Субракова (ред.) 2006, статья УСТҮККЕН]: *үстүк-кен* (торопиться-Past) *кизи* ‘суетливый человек’.

Simul *ААЧЫК* — симулятив (субъект притворяется, что действие совершается). Традиционно считается, что это показатель отглагольного прилагательного. Получившаяся форма является неизменяемым аргументом глагола *пол* ‘быть’ и не может занимать другие синтаксические позиции:

- (13) *нис хармахта-ачых* *пол-ыбыз-ар-га чарат-ха-быс*
мы рыбачить-Simul быть-Perf-Fut-Dat одобрять-Past-1Pl
‘мы решили для виду порыбачить’ [Казачинова, Пистің аалның олғаннары].

Но симулятив часто употребляется вместе с показателем отрицания *ПА* из позиции 8: *пил-бе-ечик* (знать-Neg-Simul) *полып* ‘притворившись незнающим’. Поэтому мы считаем, что он ведет себя как словоизменяемый глагольный показатель.

Интересно, что эта форма вошла в литературный язык и зафиксирована достаточно давно, в том числе в текстах, собранных Н. Ф. Катановым. Ср.:

- (14) *өл-әчик* *пол-ып, чад-ыбыс-хан*
умирать-Simul быть-CvP лежать-Perf-Past
‘он лёг, притворившись покойником’ [Катанов 1907, отд. 2, т. 606].

Opt *ГАй* — оптатив (желательное наклонение). В [ГХЯ 1975: 196—198] рассматривается как финитная форма, однако встречаются и причастные употребления:

- (15) *сыгара чүгүр-т-ибис-не-ей-и-н* *тін,* *чад-ар-ы-н* *хадар-ып ал-ып*
наружу бежать-Caus-Perf-Neg-Opt-3pos-Acc сказать-CvP лежать-Fut-3pos-Acc ждать-NF брать-CvP
‘чтобы не выбежал, решила подождать, когда ляжет’ [ХНС, Читі сығыр (т. 20)].

Assum *ГАДАГ* — ассумптив, предположительное наклонение, может быть переведен оборотом «похоже, что...» или подобными: *килбеедегбін* (< *кил-бе-гедег-бін* прийти-Neg-Assum-1sg) ‘пожалуй, я не вернусь’, *аңдарыл пар-гадаг* (падать идти-Assum) ‘чуть не упал (= похоже было, что упадет)’. Может усиливаться другими средствами выражения сравнения, синтаксически подчиняясь словам *осхас* ‘похожий’ и *чили* ‘как’:

- (16) *чāла-п сал-Ғадаҕ* *оскас* *чāла-с-кан улус*
воевать-NF класть-Assum похожий воевать-Rec-Past народ
‘(кажется, что) воюющие люди застрелят его’ [Катанов 1907, отд. 2, т. 398].

- (17) *чалын сых-хадаг* *чили, пызыңна-с-Ө-ча-лар*
пламя выйти-Assum как мерцать-Rec-NF-Pres-PredPl
‘блестят так, словно вот-вот [из них] брызнет пламя’ [Султрекова 2017: 109].

Indir *ТЫр* — индиректив, косвенная эвиденциальность (неочевидность либо заглазность) действия. Может употребляться в том числе в 1-м лице со значением адмиратива, неожиданности: *ундут сал-Ө-*

тыр-бын (забывать власть-NF-Indir-1sg) ‘я забыл, оказывается’. Это финитная форма, восходящая к аналитическому сочетанию с вспомогательным глаголом *тур* ‘стоять’.

Позиция 10. P_1 — «внутреннее» число (подробные объяснения про внутренние позиции см. в пояснениях к правилам 15—23, собственно про внутреннее число — в правилах 15, 17, 18). Как и в позиции 14, дефолтной для показателя числа, здесь возможна только одна морфема, *ЛАр*. P_1 встречается в сочетании с Loc_1 *ТА* и *Attr* *КЫ*: *нистің ааллардагы* (*аал-лар-да-гы* село- P_1 - Loc_1 -*Attr*) *чон* ‘жители наших деревень’ и перед двумя посессивными показателями, включая $Gen.3pos$:

- (18) *Рыбачков-тар-ның 14 пас паза даа пасха-лар-ы-ни-наң*
 Рыбачков- P_1 - Gen 14 голова и Add другой- P_1 - $3pos_1$ - $Gen.3pos$ - Abl
 ‘у Рыбачковых 14 голов и у других’ [Трошкин, Мои воспоминания, 23.10.1999].

Позиция 11. $Poss_1$ (pos_1) — «внутренние» показатели принадлежности (посессивности). Возможны в сочетании с «внутренним» падежом (Loc_1 , All_1 или внутренний генитив в составе $Gen.3pos$): *сас-тар-ым-да-гы* (волос- P_1 - $1pos.sg_1$ - Loc_1 -*Attr*) *хар* ‘снег (, который) в моих волосах’, *чыс чир-и-нзер-тин* (земля- $3pos_1$ - All_1 - $AblArch$) ‘из таежных мест’, *пасха-зы-ни* (другой- $3pos_1$ - $Gen.3pos$) ‘то, что принадлежит другому’, а также в комбинации с «внешними» числом и посессивностью: *пурн-ы-лар-ы* (нос- $3pos_1$ - P_1 - $3pos$) ‘их носы’. У Н. Ф. Катанова встретилось также употребление «внутреннего» посессива с комитативом *ЛЫГ*: *халды үз-и-лиг* (три- $3pos_1$ - $Comit$) *тас* ‘камень толщиной в 3 (пяди)’ [Катанов 1907, отд. 2, т. 294]. Подробнее см. в правилах 17, 21.

Позиция 12. $Case_1$ — «внутренний» падеж. Сочетание Loc_1 *ТА* с *Attr* *КЫ* есть во многих тюркских языках, но в хакасском использование «внутренних» падежей этим не ограничивается — подробнее см. в правилах 16, 19, 20, 24. В словаре имеются два вхождения, содержащие «внутренний» генитив: *нистіңнер* ‘наши (люди)’, *сирерниңнер* ‘ваши (люди)’. Но мы не выделяем отдельную морфему внутреннего генитива, считая эти два случая лексикализованными формами, поскольку в продуктивном словообразовании «внутренний» генитив неотделим от посессивного аффикса и входит в состав кумулятивной морфемы $Gen.3pos$ *Ни* из позиции 15. Подробнее о нем см. правило 23.

Позиция 13. Аффиксы транспозиции. В этой позиции могут встретиться три простых показателя: $Comit$ — комитатив, показатель совместности («с ...», «вместе с ...», «имеющий...»), *Attr* — атрибутивный показатель, *Adv* — адвербиальный показатель. Примеры: *ат-тыг* (лошадь- $Comit$) ‘с лошадью / конный’, *аал-да-гы* (село- Loc_1 -*Attr*) ‘сельский’, *полоса-ли* (полоса-*Adv*) ‘полосами’. Также здесь располагается кумулятивный показатель All_1 .*Attr* (*н*)*Сархы*, см. о нем правило 16.

Позиция 14. P_2 — дефолтная позиция для множественного числа. Мы опускаем подстрочные индексы у глосс для морфем на дефолтных позициях, здесь расположен показатель P_1 . Идентична позиции 10, но у «внешнего» (обычного) числа нет ограничений. Заметим, что число в позициях 10 и 14 может быть согласовательной категорией, а не собственным числом имени. Ср. примеры с «обычным» числом: *пала-лар-ы* (ребенок- P_1 - $3pos$) ‘их ребенок / их дети / его дети’, *саг. пала-лар-ың* (ребенок- P_1 - $2pos.sg$) ‘ваш ребенок / ваши дети / твои дети’. В каждом из этих примеров в первом приведенном прочтении P_1 *ЛАр* обозначает число посессора (‘их’/‘ваш’), а не число обладаемого *пала* ‘ребенок’. Но если в посессивном показателе уже выражено множественное число (показатели $1Pos.P_1$ (*Ы*)*бЫс*, $2Pos.P_1$ (*Ы*)*ңАр*), то при наличии перед ним морфемы *ЛАр* невозможно прочтение со значением единственного числа у имени: *пала-лар-ыбыс* (ребенок- P_1 - $1pos.pl$) ‘наши дети / #наш ребенок’. Это же верно и для «внутреннего» числа — в примере ниже P_1 обозначает число посессора (‘их’), а не основного имени (*ага* ‘дед’):

- (19) *парха-лар-ы-ның паба-лар-ы-ның ат-тар-ы*
 внук- P_1 - $3pos$ - Gen отец- P_1 - $3pos$ - Gen имя- P_1 - $3pos$
тай_ага-лар-ы-ни-наң Халтаров пол пар-ган
 дед_по_матери- P_1 - $3pos_1$ - $Gen.3pos$ - Abl Халтаров быть идти-Past
 ‘имя их деда стало им фамилией: Халтаровы’ (букв. ‘внуков и детей имена, как и (имя) их деда, Халтаров(ы) стали’ [Трошкин, Мои воспоминания, 30.09.2014].

С формальной точки зрения мы должны различать два показателя *ЛАр*, один из которых является посессивной морфемой (и относится к позициям 10 и 15 соответственно). Однако, если нужно выразить и множественное число самого имени, и множественность посессора 3-го лица, в словоформе присутствует только одна морфема *ЛАр*: *палалары* ‘их дети’. Ради простоты описания мы отождествляем эти показатели.

Позиция 15. Дефолтная позиция для посессивных показателей. Вдобавок к набору собственно посессивных показателей здесь присутствует кумулятивный аффикс Gen.3pos *Ни* (и его диалектный вариант *Ди*), субстантивированный генитив: *иче-м-ни* (мать-1pos.sg₁-Gen.3pos) ‘принадлежащее моей матери’. См. о нем подробнее в правиле 23.

Позиция 16. Case₂ — позиция для «обычных» падежей. Как «внутренние», так и обычные падежи имеют нейтральный и посессивный варианты склонения (см. правило 16).

Мы включили в падежную парадигму, во-первых, все падежи, которые традиционно выделяются в хакасском языке (в соответствующих разделах грамматик [ГХЯ 1975: 66—80] и [Дыренкова 1948: 20—38]). Во-вторых, добавили в неё формы, названные в [ГХЯ 1975] «аффиксами-послелогоми»: Prol *Ча* — пролатив (движение вдоль объекта или сквозь объект), который имеет и эквативное (сравнительное) значение: *чол-ча* (дорога-Prol) *парчам* ‘иду по дороге’, *iki-че* (два-Prol) ‘около двух’, и Delib *Даңар* — делибератив (выражает объект речи или мысли, а также причинно-следственные отношения): *аал-даңар* (село-Delib) *чоохтап пиріңер* ‘расскажите о селе’, *аннаңар* (тот.Delib) ‘поэтому’. Эти показатели пишутся слитно с основой, не могут соседствовать с другими показателями падежей и имеют алломорфы, начинающиеся на *н*, при сочетании с аффиксом 3-го лица посессора: *хыри-лар-ы-нча* (край.3pos₁-Pl₁-3pos-Prol) *иртпестер* ‘рядом с ними не пройдут’, *поз-ы-наңары* (сам.3pos-DelibDial) ‘о нём самом’. Послелогии таких алломорфов не имеют. По тому же критерию нами в парадигму был включен показатель Comp *ТАГ* — компаратив (сравнительный падеж), ср. пример с посессивом 3-го лица: *ат паз-ы-ндаг* (голова-3pos-Comp) ‘с голову лошади’. В современном языке компаратив почти не употребляется, но в фольклорных текстах попадает достаточно часто. Признается архаичной и еще одна падежная форма, AblArch *тылн* — старая форма аблатива, которая в хакасском языке встречается только в лексикализованном виде (*ырахтын* ‘издалека’) или в связке с аллативом: *чол-зар-тын* (дорога-All₁-AblArch) ‘со стороны дороги’. Также в падежную парадигму встраивается звательная форма Voc *Ай*: *худай-ым-ай* (бог-1pos.sg-Voc) ‘о боже!’. Она не упоминается в описаниях хакасского языка, хоть и присутствует в текстах современных авторов. См. о ней подробнее в правиле 26.

Позиция 17. Ptc₂ — вторая позиция для вставных частиц. Как и Ptc₁, она располагается на «шве» бывшей аналитической глагольной словоформы — между основой (охарактеризованной по времени и модальности) и личным окончанием: *ал-ар-ох-ныс* (брать-Fut-Ass₂-1Pl) ‘тоже возьмём’, *кизи-ле-бин* (человек-Cont₂-1sg) ‘я всего лишь человек’.

Позиция 18. Показатель *ЧЫК* условно назван нами «визибилитивом» (наглядность действия), хотя имеет и другие значения. В современном языке этот показатель встречается чаще всего в сочетании с будущим временем Fut *А(р)* (или Neg.Fut *ПА.с*) в роли сослагательного наклонения: *ит чи-ибіз-ер-чик-пін* (есть-Perf-Fut-Vis-1Sg) ‘я бы съел мяса’, *пар-бас-чык* (идти-Neg.Fut-Vis) ‘он бы не уехал’. При употреблении Vis *ЧЫК* с формами прошедшего времени Past *ГА(н)* и RPast *ТЫ* говорящий, по комментариям носителей языка, «как бы вспоминает» то событие, о котором он говорит. Ср. показательный пример из перевода «Алисы в стране чудес» на хакасский язык:

- (20) *Тохта, тохта, а иртен мин поз-ым пол-ды-чык-нын ма?*
остановиться остановиться а утро я сам-1pos.sg быть-RPast-Vis-1sg Q
‘Постойте, стойте, утром я была я?’ [Алисаңың чорығы, гл. II].

В текстах, собранных Н. Ф. Катановым, в аподозисе условных предложений встречается также сочетание Opt *ГАй* и Vis *ЧЫК*:

- (21) *Ол-лар-ым-на кōлāн-зā-лāр Чаксы туўбан пол-җай-мык!*
сын-Pl-1pos.sg-лишь любить-Cond-PredPl хороший родня быть-Opt-Vis
‘Если бы любили меня сыновья, они были бы мне прекрасною роднёю!’ [Катанов 1907, отд. 1, т. 2].

Независимые употребления аффикса *ЧЫК* в современном языке редки, но в фольклоре встречаются часто:

- (22) *поз-ым-ны кўл сал-чык-сың, Ир Тохчын*
сам-1pos.sg-Асс смеяться класть-Vis-2sg Ир Тохчын
‘меня обесчестил ты, Ир-Тохчын’ [НПХ, Ир Тохчын (т. 74)].
- (23) *Абыс, карā тур-уб ал-ып, кāз-ыбыс-чык.*
поп ночь.Dat встать-NF брать-CvP сбежать-Perf-Vis
‘Священник встал ночью и убежал’ [Катанов 1907, отд. 2, т. 434].

Для нас важно, что частицы, занимающие место перед личными окончаниями, предшествуют также и Vis ЧЫК: *түр-ер-өк-чик-нин* (дать-Fut-Ass₂-Vis-1sg) ‘я бы тоже дал’. Vis ЧЫК может стоять после некоторых аффиксов позиции Tense/Mood и следующей за ними позиции PtcI₂.

По общепринятому мнению, показатель ЧЫК в хакасском, так же как и показатель «категорического»/«риторического» прошедшего чЫК в тувинском и тофаларском языках [ГТЯ 1961: 375; Рассадин 1978: 212—216; Ооржак 2014: 77—83], — это рефлекс аффикса, отраженного в древнеуйгурском как *yOk* (см. [Erdal 2004: 299—301]), показателя «наглядного прошедшего» (vivid past). Но древнеуйгурский показатель *yOk*, а также тувинский и тофаларский чЫК, находятся в слоте Tense/Mood, не допуская перед собой других временных показателей, в отличие от хакасского ЧЫК. Отсюда естественно вытекает предположение Д. М. Насилова и других исследователей о том, что показатель хакасского «сослагательного наклонения», т. е. ЧЫК, который употребляется после временных показателей, восходит к частице, аналогичной тувинской частице *ийик* ‘бы, ведь, же’ [ГТЯ 1961: 404, 433]. Для этих частиц предполагается происхождение из формы «наглядного прошедшего» на **jOk* от копулы *er-*: **er-jük* > *ijik*, что фонетически правдоподобно, см. [Насилов 1966: 98; Татаринцев 2002: 355]. В тоджинском диалекте тувинского эта частица встраивается в гармонический ряд предшествующего слова: *ыйык/ийик* [Чадамба 1974: 96]. Для хакасского следует предположить такое же развитие плюс раннее отпадение начального *i-* и последующее закономерное развитие *j-* > *č-*, а затем синтезацию. Таким образом возникла омонимия показателя «наглядного прошедшего» (ЧЫК как показателя времени) и эмфатической частицы (ЧЫК, произошедшего от *ijik*). Поскольку форма «наглядного прошедшего» в хакасском не встречается в нефинитном употреблении (как и в тувинском; в отличие от древнеуйгурской параллели), постольку нет оснований не объединять эти два показателя в один. В. Г. Карпов определяет хакасскую форму на *-чых* как форму прошедшего времени с оттенком некоторой категоричности и отмечает, что в хакасском языке существует трудноразрешимая проблема отношений между омонимичными аффиксами в формах прошедшего времени на *-чых* (*парчыхпын* ‘я пошел’) и сослагательного наклонения (*парарчыхпын* ‘я бы пошел’) [Карпов 2014: 128]. В [ГХЯ 1975: 195] утверждается: «Сослагательное наклонение образуется путем присоединения характерных в этой функции лишь для хакасского языка (из всех тюркских языков) аффиксов *-чых/-чик*, *-чых/-чик* к причастиям будущего времени». Однако ср. [ГТЯ 1961: 404], где в параграфе 473 описывается идентичная хакасской по форме и семантике тувинская сослагательная конструкция (*A*)*p* + *ийик*. В работах В. Г. Карпова рассматриваемые здесь тувинские и тофаларские показатели не упоминаются и в прочих функциях [Карпов 2014: 126].

В хакасском корпусе имеется один пример с именным сказуемым, оформленным показателем ЧЫК (в функции групповой флексии):

- (24) *Ол сын-ныг пос-тың, сөөк ах сырай-лыг, көгилбей харах-тыг,*
он рост-Comit сам-Gen кость белый лицо-Comit голубой глаз-Comit
устыг нурун-ныг-чых, орыс кибір-і-нең тонан-Ө сал-ган-чых.
острый нос-Comit-Vis русский обычай-3pos-Instr одеться-NF класть-Past-Vis
‘У нее привлекательная фигура, белое худощавое лицо, голубые глаза, острый нос, и одета на русский манер’ ([ГХЯ 1975: 381], И. Котюшев).

В данном предложении именные сказуемые *сынныг*, *сырайлыг*, *харахтыг*, *нурунныгчых* и глагольное сказуемое *тонан салганчых* с аффиксом визибиливита являются однородными членами. Такое употребление подтверждается информантами и не противоречит гипотезе о происхождении показателя визибиливита из частицы.

Позиция 19. Person — личные окончания. В хакасском есть два набора личных окончаний 1—2-го лица, традиционно называемые в тюркологии полной и краткой сериями. Краткая серия (1sg *м*, 2sg *ң*, 2pl *ңАр*) сочетается с показателями Cond *СА*, RPast *ТЫ* и внутренними частицами. Полная серия употребляется в прочих случаях, но формы 1-го л. ед. ч. варьируют (см. правило 32). В 3-м лице данный слот остается пустым: *кил-ген* (прийти-Past(-Ø)) ‘(он) пришёл’, *ойна-п-ча* (играть-NF-Pres(-Ø)) ‘играет’, *нар-за* (идти-Cond(-Ø)) ‘если идёт’. Императивные формы образуют отдельную систему, которую удобно описывать как кумулятивные показатели лица дополнительной (императивной) серии, образующейся без показателей Tense/Mood, но только от глаголов. У этой серии в 3-м лице употребляется *СЫн*: *түр-зін* (дать-Imp.3) ‘пусть даст’, а во 2-м л. ед. ч. слот остается пустым.

Позиция 20. PredPl — множественное число предиката. Как правило, употребляется при подлежащих 3-го лица: *олар мында удаа тогас-чаң-нар* (встречаться-Nab-PredPl) ‘они здесь часто встречались’ [ГХЯ 1975: 151], но допускается сочетание и с 1-м лицом: *сыз-ар-быс-тар* (выйти-Fut-1Pl-PredPl) ‘мы выйдем’. Подробнее см. в правилах 33, 34.

Позиция 21. Ptc1₃ — позиция для тех модальных показателей (частиц), что пишутся слитно с предшествующей словоформой. За исключением Ass ОК, частицы, которые встречаются в позициях Ptc1₁ и Ptc1₂, на конце словоформы пишутся отдельно: *мин дее* ‘даже я’, *мин ле* ‘только я’, но *минох/минок* ‘и я тоже’. В позицию 21 попадают две другие частицы. Perm ТАК — пермиссивный показатель, который употребляется только в императиве и служит для выражения одобрения говорящим совершения действия: *пол-зын-дах* (быть-Impr.3-Perm) ‘пусть будет’. Foc ТЫр — частица, присоединяемая к фокусу частного вопроса или восклицания: *кем пол-чаң-дыр* (быть-Наб-Foc) ‘кто (же) это?’. В некоторых тюркских языках морфема *дЫр/дЫ* употребляется исключительно в 3-м лице, становясь его показателем, ср. в балкарском: *алгъанма, алгъанса, алгъанды* ‘я/ты/он брал’ [ГКБЯ 1976: 239]. См. об этом [Щербак 1981: 26—27]. В хакасском языке это не так:

(25) *Адай улу-п сых-Ө-тыр: «Ниме чи-м-дир?» ти-п.*
 собака выть-NF выйти-NF-Indir что есть-Fut-1sg-Foc сказать-CvP
 ‘Тогда собака завывала, оказывается: «Что я буду есть?» — сказала’ [НПХ, Худай кизеэ чурт пиргени-ненер (т. 1)].

Теперь перейдем к ограничениям на сочетаемость аффиксов. При изложении мы движемся по порядку следования морфем от начала к концу словоформы. Это не описание алгоритма анализа, который применяется в коде парсера, а более удобное для восприятия человеком пояснение к данному алгоритму.

Ограничения на сочетаемость аффиксов имеют разный статус. Часть их обусловлена принципиальным устройством тюркской словоформы или несочетаемостью семантических характеристик морфем. Другая часть является следствием того, что автомат нацелен на практическое применение — анализ конкретных текстов, попавших в Корпус хакасского языка. Отметим, что хакасская литературная грамматика слабо нормирована, поэтому большинство текстов отражают также и особенности диалектов, носителями которых являются их авторы. Диалектные нормы довольно существенно отличаются друг от друга и не до конца изучены. В связи с этим, если мы не уверены, возможен ли некоторый разбор, мы не запрещаем его. Введение новых текстов в корпус может привести (и нередко приводило) к пересмотру правил автоматического анализатора, вплоть до изменения порядка слотов. Для исследовательской порождающей модели построение всего множества принципиально возможных форм ограничивается реальным присутствием форм в текстах в текущий момент. Таким образом, имеются правила, которые могут модифицироваться при дальнейшем увеличении корпуса. В последующем изложении эти случаи оговариваются.

0. Слова с пометой Invar (не Nomen и не Verbum) не присоединяют никаких показателей. Слова с пометой Invar1 присоединяют Ptc1₃ ОК.

1. Позиции 1—9 (с Distr до Temp/Mood) могут заполняться только у слов с пометой Verbum. Позиция –1 — только у слов с пометой Nomen.

Пояснение. В правилах 0 и 1 даются формальные критерии разбиения лексем по частям речи (примененные в грамматическом словаре, с которым работает парсер): Nomen — имя, Verbum — глагол, Invar — неизменяемое слово. В том или ином виде это разбиение обычно описывается в грамматиках языков, где выделяются части речи. Правило 0, строго говоря, не относится к словоизменению, поэтому и не считается первым.

2. Заполнение позиций 10—16 (с Pl₁ до Case₂) может происходить: 1) сразу после основы, если слово имеет помету Nomen, 2) непосредственно после заполненной одним из причастных показателей позиции Tense/Mood, если слово имеет помету Verbum.

Пояснение. В главной позиции для глагольных форм (Tense/Mood) мы объединяем показатели в 3 группы: финитные, причастные и деепричастные. В данном правиле говорится, что причастные показатели, как и в других языках, транспонируют глагол в имя, и словоформе становятся доступны именные категории. Финитные показатели тем самым могут присоединять только лично-числовые показатели и частицы, окружающие их (а также Vis ЧЫК, о котором см. подробнее в описании позиции 18). Наиболее частотные причастные показатели — прошедшее время Past ГА(н), будущее Fut А(р), хабитуалис Наб ЧА(н), всего же их около десяти.

Следует отметить, что в тюркских языках имена, выполняя функцию предиката, могут сочетаться с некоторыми предикативными показателями (в отличие от русского и многих других индоевропейских языков) — например, они принимают лично-числовые аффиксы: ср. рус. *я девушка*, хак. *мин хыс-пын*

(девушка-1sg). Таким образом, поведение причастий в предикативной позиции формально не отличается от поведения прочих имен, ср. *олар пар-ган-нар* (уходить-Past-PredPl) ‘они ушли’, *син кил-ер-зиң* (прити-Fut-2sg) ‘ты придешь’. Поэтому нет причин считать аффиксы Past *ГА(н)*, Fut *А(р)*, Hab *ЧА(н)*, употребленные в финитных контекстах, отдельными сущностями, а не теми же аффиксами, что образуют причастия. Финитность оказывает некоторое влияние на семантику этих форм¹³, однако мы не считаем его достаточно значительным для выделения двух, а не одного аффикса в каждом из таких случаев. Ниже будет сказано еще немного о более сложных конверсиях имен и глаголов, в которых участвуют другие морфемы.

3. Показатели NF, Neg.NF обязательно присутствуют в словоформе, где есть хотя бы один из показателей:

- а) внутренняя частица PtcI: *сыг-ыб-ох-ча* (выйти-NF-Ass₁-Pres) ‘тоже выходит’;
- б) дуратив Dur *ЧАТ*, DurDial *чаТ*: *сана-н-чат-хан* (считать-NF-Dur-Past) ‘считал’;
- в) перфектив Perf (*Б*)*БЫС*, PerfI *БИС*: *ал-бин-ыбыс-хан* (брать-Neg.NF-Perf-Past) ‘не взял’; *чөр-беен-ис-тир* (ходить-Neg.NFSh-PerfI-Indir) ‘перестал ходить’;
- г) формы презенса PresI *чАдЫр*, PresIKac *чады(р)*, PresKyz *ту(р)*: *чи-н-чадыр* (есть-NF-PresIKac) ‘ест’, *киле-н-тур* (искать-NF-PresKyz) ‘ищет’;
- д) прочие формы презенса (Pres *чА*, PresKac *ча*, PresSh *чар(Б)*): *көгле-н-че* (веселиться-NF-Pres) ‘веселится’, *ми-н-чар* (сказать-NF-PresSh) ‘говорит’;
- е) заглазное прошедшее время Indir *ТЫр*: *көксе-н-тир* (ругать-NF-Indir) ‘ругал’;
- ж) причастие настоящего времени PresPtSag *чАН*: *ылга-н-чан* (плакать-NF-PresPtSag) ‘плачущий’.

Также эти показатели могут стоять на конце словоформы: *сана-н* (считать-NF) ‘считая’, *ал-бин* (брать-Neg.NF) ‘не беря’.

Показатель Neg.NFSh *ПААН* допустим в тех же случаях, кроме г), ж).

Пояснение. NF — это десемантизированный показатель деепричастия, который служит для образования форм, происходящих от аналитических конструкций со вспомогательными глаголами *чат* ‘лежать’, *тур* ‘стоять’, *ыс* ‘посылать’. У него, кроме форм *н*, *ын* и *ин*, есть также нулевой алломорф, который появляется в интерконсонантной позиции. Это отличает показатель NF от деепричастия: ср. *сал-Ø-ча* (класть-NF-Pres) ‘кладет’, *сал-ын* (класть-CvP) ‘положив’¹⁴. Поскольку в аналитических конструкциях он выполняет такую же функцию и тоже имеет нулевой алломорф (ср. *чүзүр чөрген* ‘бегал’ < *чүзүрпн + чөрген*), то и в них мы маркируем (*Б*)*н* как NF. Таким образом, показатели NF допускаются на конце словоформы. Аналитическую конструкцию здесь следует понимать максимально широко, т. е. четкой границы между «полнозначным» и «вспомогательным» употреблением глаголов в тюркских языках нет (см. об этом [Гращенков 2015], а также [Дыбо, Лемская 2017]). Нулевой алломорф (независимо от значения) невозможен в контекстах не перед вершинным глаголом, а в самом конце клаузы, ср.:

- (26) *Нан-ны чылыг-да туд-ын (*тут-Ø), тогын пол-бас-сың.*
 бок-Асс тепло-Лос держать-CvP держать-NF|CvP работать мочь-Neg.Fut-2sg
 ‘Бока держи в тепле, не сможешь работать’ [Чебодаева, Обекелерниң чолларыңча].

В нашей модели для NF выделена одна позиция, хотя можно было бы вставить его также после Perf (*Б*)*БЫС* и Dur *ЧАТ*. Однако примеров аналитических конструкций с этими формами мало, и во всех них употребляется только нулевой алломорф NF (удивительно, но примеров с вспомогательными глаголами на гласную (*ал* ‘брать’, *одыр* ‘сидеть’) не нашлось):

- (27) *Чоохта=н-ыбыс-Ø тур-ар-га кирег-өк...*
 говорить=Refl-Perf-NF стоять-Fut-Dat нужный-Ass
 ‘Иногда выговариваться надо...’ [Топоев, Хайхастыг чатхан].

¹³ При попытках сделать субстантивированное причастие вершиной главной предикации (например, перевести одним словом фразу «Я — неприсоединившийся») носители разных тюркских языков (хакасского, кумыкского, алтайского, турецкого) затрудняются с ответом и используют замещающие синтаксические конструкции. Впрочем, носитель хакасского оценил такое высказывание как возможное: *мин пар-ган-наң-зым* (идти-Past-Abl-1sg) ‘я из ушедших’. Следовательно, «именное» прочтение причастия в предикативной позиции в принципе допустимо, но крайне маловероятно.

¹⁴ Подробнее о распределении алломорфов показателей NF и CvP см. [Дыбо и др. 2019]. Отметим, что в литературной норме интерконсонантное выпадение NF (*Б*)*н* обязательно, а в качинском диалекте встречаются формы с сохранением аффикса в этой позиции, ср. *пол-ын-тыр* (быть-NF-Indir) ‘(он) был’.

- (28) *прай соола-быс-Ө тур-ган-даг*
 весь шуметь-Perf-NF стоять-Past-Comp
 ‘как будто вся загудела’ [Ай-Хуучин, строка 4493].
- (29) *Анаң иб-ге кил-ген-де чатхан-наң ойна-п-чат-Ө сал-чаң.*
 потом дом-Dat прийти-Past-Loc чатхан-Instr играть-NF-Dur-NF класть-Nab
 ‘Потом домой пришел, стал играть на чатхане тот мотив’ [УКХЯ].

Во всех случаях употребления показателя *(Ы)п* после Perf *(Ы)бЫс* мы имеем дело не с аналитической конструкцией, а с деепричастной:

- (30) *Ол, хазыр чоохтан-ыбыз-ып, тур-ып, настыр-а хал-ган.*
 тот быстро говорить-Perf-CvP стоять-CvP идти-CvA остаться-Past
 ‘Она возмутилась, встала и пошла прочь’ [Алисаның чорығы, гл. VII].

Примеров с аффиксом отрицательного деепричастия *Пин* после перфекта не встретилось. Выделять отдельную позицию исключительно для нулевого алломорфа представляется несколько абсурдным с точки зрения логики постулирования морфологического нуля, поэтому мы ее не вводим.

Для показателя *ПААн*, употребляемого в шорском диалекте в роли отрицательной формы NF, разрешено меньшее количество сочетаний: данное правило запрещает сочетание *ПААн* с формами времен других диалектов (но не с литературными формами).

Так как дистрибутив *(К)ла* и показатели залогов, которые предшествуют показателю NF, не имеют специальных ограничений, они в правилах не рассматриваются.

4. Показатели категории NF и форма Perf *(Ы)бЫс* в пределах одной словоформы встречаются только в случае заполнения позиции NF кумулятивным показателем Neg.NF (*пар-бин-ыбыс-хан* (уйти-Neg.NF-Perf-Past) ‘не ушел’) или в сочетании с Add₁ *ТАА* (*тооз-ып-таа-быс-ты-лар* (кончить-NF-Add₁-Perf-PPast-PredPl) ‘почти закончили’).

Пояснение. Это ограничение показывает, что перфектив *(Ы)бЫс* на синхронном уровне неразложим на показатели *(Ы)п* (NF, восходящий к показателю неотрицательного деепричастия *(Ы)п* (< пратюркское *-Хб)) и *Ыс* (основа вспомогательного глагола *ыс-* ‘посылать, отправлять’ (< пратюркское *id-)). Однако восприятие данной формы как синтетической не до конца прижилось в хакасском языке. Об этом свидетельствует возможность выражения отрицания в двух местах перфективной словоформы: а) с помощью отрицательного аффикса непосредственно перед слотом Tense/Mood (или перед более дальними слотами): *унду-быс-на-ды-м* (забыть-Perf-Neg-PPast-1sg) ‘я не забыл’, *тона-быс-на-зын-нар* (грабить-Perf-Neg-Imp.3-PredPl) ‘как бы не ограбили’; б) перед перфективом, кумулятивно с показателем NF (т. е. на бывшем зависимом глаголе конструкции с *ыс-*, выражающем лексическое значение): *исти-л-бин-ибис-кен* (слышать-Pass-Neg.NF-Perf-Past) ‘стало не слышно’. В последнем случае морфема перфектива в современном литературном языке ведет себя как неразложимая: несмотря на то, что отрицание строится на основе деепричастного показателя *-Пин* (др.-тюрк. *-mAjIn* [Erdal 2004: 316–317]; см. также [Dybo et al. 2019: 36]), перфектив содержит в себе и деепричастный показатель *-(Ы)п*. Таким образом, в получившейся словоформе присутствуют подряд два сегмента, восходящие к показателю деепричастия: отрицательному и неотрицательному. Интересно, что в языке текстов конца XIX в., представленных в [Катанов 1907], конструкция с глаголом *ыс* еще функционирует как аналитическая: показатель деепричастия при отрицании один, основа *ыс* не подчиняется сингармонизму: *нір-дә эмә көрбін-ыскан* (*көр-бин-ыс-хан*: видеть-NegCv-Perf-Past) ‘он ничего не стал видеть’ [там же, отд. 2, т. 155]. Аналогичная картина наблюдается в шорском диалекте: *хын-маан-ыс-хан-да* (любить-Neg.NFSh-Perf1-Past-Loc) ‘когда перестал любить’ [НПХ, Абахай-Пахта (т. 59)]. Употребление формы *-Ыс* в качестве показателя перфектива в литературном языке сейчас возможно лишь в некоторых контекстах, о которых пойдет речь ниже. Их наличие свидетельствует об остатках аналитизма в форме перфектива.

Отрицание в разных местах глагольной словоформы имеет различную область действия. Ср. *тогыстаң сала-сала ла сыгардыр-быс-на-ды-лар* (быть.уволненным-Perf-Neg-PPast-PredPl) ‘их чуть не уволили с работы’, т. е. ‘[увольнения] не случилось’ — отрицание всей ситуации; *мин паза хорых-пин-ыбыс-ты-м* (бояться-Neg.NF-Perf-PPast-1Sg) ‘я перестал бояться’, т. е. ‘я [небоящимся] стал’ — отрицание вложенной ситуации.

5. Позиции Dur1 *и(р)*, Dur1Кас *Ат* и Dur1Sag *ит* заполняются, только если предыдущие позиции не заполнены и основой является одна из лемм *пар-*, *апар-* (< *алын пар-*) или *кил-*: *апар-и(р)* (уносить-Dur1) ‘уносит’, *кил-и-зе* (прийти-Dur1-Cond) ‘если приходит’, *пар-ит-чат-хан* (уйти-Dur1-Dur-Past) ‘уходящий’, *кил-ет-кен* (уйти-Dur1Кас-Past) ‘приходящий’.

Пояснение. Это единственный случай «неправильных» глаголов в хакасском языке. Вообще глаголы, восходящие к пратюркским **bar* ‘идти’ и **gel* ‘приходить’, имеют особые формы и в других тюркских языках — ср., например, замечание о формах настоящего времени в узбекских диалектах в [Щербак 1957: 20]. Поскольку орфографическое *-и-* указывает на стяжение сочетания гласных с **j-*, мы предполагаем происхождение формы на *-и(p)* из аналитической конструкции деепричастия на *-А* с глаголом **jor-* ‘двигаться’ (ср. тур. *gel-i-yor* ‘приходит’). Они синтезировались и стянулись до того, как начальный пратюркский **j-* перешел в хакасский *ч-* (ср. хака. *чораах* ‘бродячий’ < **jori=GAK*: ходить=N_{ag} [Erdal 1991: 391—396]).

С основами *нар-*, *анар-* и *кил-* сочетается и обычный показатель дуратива *чат*. В [ГХЯ 1975: 218] отмечается, что между формами *нар-и-ган* (идти-Dur1-Past) и *нар-чат-хан* (идти-Dur-Past) есть семантическая разница, если *нар* употребляется в качестве вспомогательного глагола как показатель вида (ср. примеры там же). В [Кызласова, Кичеева 2019] утверждается, что формы с Dur1 обозначают действие, происходящее на глазах у наблюдателя, и что в сагайском диалекте Dur1 допустим также при основе *нан* ‘возвращаться’.

6. Показатели Dur1 *и(p)* и Dur1Кас *Ат* могут стоять непосредственно:

- перед показателями Past *ГА(н)* (*нар-и-ган* (идти-Dur1-Past) ‘уходящий’), CvP (*Ылп*) (*кил-ип-ин* (прийти-Dur1-CvP) ‘приходя’), Cond *СА* категории Tense/Mood (*кил-ет-се* (прийти-Dur1Кас-Cond) ‘если приходит’);
- перед показателями категорий Person или PredPl: *кил-и-лер* (идти-Dur1-PredPl) ‘приходят’, *хайдар нар-ат-сың?* (уйти-Dur1Кас-2sg) ‘куда идешь?’;
- в конце словоформы: *нар-ип* (уйти-Dur1) ‘уходит’.

Показатель Dur1Sag *ит* может стоять перед Dur *чат*, Past *ГА(н)*, Cond *СА* и PresPtSag *чан* (см. примеры ниже).

Пояснение. Чаще всего форма *и(p)* употребляется в значении настоящего актуального времени: *ол пари(p)* ‘он идет (сейчас)’. Но мы не можем считать ее показателем времени, т. к. она употребляется и в видовом значении перед некоторыми показателями позиции Tense/Mood:

- (31) *Пайаа ла магазин хыри-нзар ойла-п нар-и-ган.*
 недавно лишь магазин край.poss-All бежать-NF идти-Dur1-Past
 ‘Только что в сторону магазина бежал’ [Чебодаева, Обекелерниң чолларынча].

Для кызыльско-качинского дуратива *Ат* видовое употребление, наоборот, основное:

- (32) *Учух-Ө кил-ет-кен ікі хусхун Учух-Ө пол-бин*
 лететь-NF прийти-Dur1Кас-Past два ворон лететь-NF быть-NegCv
 ‘летевшие два ворона лететь уже не могут’ [Алтын-Арыг, строки 1133—1134].

Финитное употребление встречается реже, но тоже допустимо:

- (33) *Хайдар нар-ат-сың?*
 куда идти-Dur1Кас-2sg
 ‘Куда идешь?’ [ХНС, Хызыжах (доп. I)].

Сагайская форма сходной семантики *ит*, по-видимому, не употребляется независимо как показатель времени, а возможна только в сочетаниях с показателями позиции Tense/Mood, ср. примеры на сагайском диалекте из устного корпуса: *урт нар-ит-чан-да* (уйти-Dur1Sag-PresPtSag-Loc) ‘когда проходила’, *чит нар-ит-се* (уйти-Dur1Sag-Cond) ‘когда достигает’, *кил-ит-кен-нер* (прийти-Dur1Sag-Past-PredPl) ‘(уже утром) приходили’. Об этом нельзя пока судить наверняка, т. к. присутствие этой формы в нашем материале скудно (нашлось 8 примеров употреблений в устном корпусе и 3 примера в основном корпусе). Вероятно, формы Dur1 сочетаются и с другими показателями Tense/Mood, не перечисленными в данном правиле, но нам такие примеры не попадались.

Есть основания полагать, что Dur1Кас *Ат* представляет собой сокращенный вариант формы Genet *АдЫ(p)* (< **-А-tur-?*: -CvA-стоять-) ¹⁵. Эта гипотеза высказывается в [Патачакова 2013], мы приведем свои аргументы за и против нее. Во-первых, для Genet *АдЫ(p)*, как и для вышеупомянутых форм, также характерна видо-временная полифункциональность. Но Genet *АдЫ(p)*, в противоположность Dur1Кас *Ат*, гораздо чаще употребляется в качестве настоящего времени, чем в видовом значении (т. е. в комбинации

¹⁵ Видимо, Dur1Sag *ит* имеет другое происхождение: Dur1 *и(p)* + *jАт* ‘лежать’ (до перехода **j-* > *ч*).

с показателями Tense/Mood). Во-вторых, Dur1Kac *Am* сочетается не только с основами *нар-*, *анар-* и *кил-*, но и с другими лексемами, хоть и реже, ср.:

- (34) *Ол оол олар-га тит* (< *ти-ем*).
 тот парень они-Dat сказать-Dur1Kac
 'Этот парень им отвечает' [НПХ, Сагай ташхыл, (т. 44)].

Однако пока примеров таких употреблений слишком мало для того, чтобы учитывать их в нашей модели. В-третьих, фонетическое сокращение, подобное *АдЫр* > *Am*, в северных диалектах наблюдается и в других случаях: например, в формах глагола *одыр* 'сидеть' при его употреблении в грамматическом значении адмиратива¹⁶:

- (35) *Тігізіз-ін ал-ган от-сар* (< *одыр-зар*).
 оживить-NF брать-Past Adm-2Pl сидеть-2pl
 'Оживили вы, оказывается' [Ай-Хуучин, строка 6620].

Также это стяжение можно увидеть в зафиксированной в эпических текстах форме презенса *чат*¹⁷, по-видимому, сокращенной от качинского показателя *чадыр*:

- (36) *Ырах-чагын нар-Ө-чат-сың ма?*
 далекий-близкий идти-Pres1-2sg Q
 'Далеко ли, близко ль ты едешь?' [Алтын-Арыг, строка 4297].

На данный момент мы исследовали материал недостаточно для того, чтобы однозначно принять доводы в пользу объединения морфем Dur1Kac *Am* и Gener *АдЫл(p)*, и пока предпочитаем считать эти показатели разными формами.

7. Показатели Ptc1₁ допускаются только при наличии аффикса категории NF и любых из следующих показателей:

- Perf1 *Ыс* для всех частиц: *чи-н-ле-из-еди* (есть-NF-Cont₁-Perf1-Gener) 'всё время съедает', *сыг-ыб-ог-ыс-чых* (выйти-NF-Ass₁-Perf1-Vis) 'так же вылезла', *өрте-н-тее-иc-тир-биc* (жечь-NF-Add₁-Perf1-Indir-1pl) 'мы тоже сожгли', *мин дее махта-н-ыб-ог-ыс-им* (хвалить-Refl-NF-Ass₁-Perf1-Imp.1sg) 'и я тоже буду хвалиться' [Наа Молчаг, 2Кор 11:18];
- Perf *Ыбыс* для Add₁ *ТАА*: *тооз-ып-таа-быс-ты-лар* (кончать-NF-Add₁-Perf-RPast-PredPl) 'почти закончили?';
- Dur *чAm*, *чаТ*: *хара-н-ла-чат-хан* (всматриваться-NF-Cont₁-Dur-Past) 'все время всматривался', *тагыра-н-ла-чат* (зашивать-NF-Cont₁-Dur) 'только (и делай, что) зашивай?';
- Indir *ТЫр* или формы настоящего времени на *ч-* (Pres *чА*, PresDial *ча*, Pres1 *чАдЫл(p)*, PresPtSag *чАн*, PresSh *чАр(Ы)*, Pres1Kac *чады(p)*): *үр-Ө-ле-чедір* (лаять-NF-Cont₁-Pres1) 'только лает', *хал-ыб-ох-тыр* (оставаться-NF-Ass₁-Indir) 'также остался', *сагын-мин-даа-ча* (думать-Neg.NF-Add₁-Pres) 'даже не думает'.

Пояснение. Вставные частицы могут встретиться лишь в окружении бывших элементов аналитических конструкций. Все они исходно являются энклитиками, и лишь благодаря слиянию двух словоформ в одну попадают в середину получившейся словоформы.

8. Показатель Perf1 *Ыс* возможен (пока встретился):

- при наличии Ptc1₁: *тохта-гла-б-ог-ыс-хан-нар* (остановиться-Distr-NF-Ass₁-Perf1-Past-PredPl) 'также остановились' [ГХЯ 1975: 249];
- при диалектном показателе Neg.NFSh *ПААн*: *хызынга хын-маан-ыс-хан-да* (любить-Neg.NFSh-Perf1-Past-Loc) 'когда девушку разлюбил'.

Пояснение. Примеров на сочетание формы отрицательного деепричастия шорского диалекта Neg.NFSh *ПААн* с формой перфектива (*Ы*)*ЫС* не встретилось: в текстах корпуса *ПААн* соседствует только с формой перфектива *Ыс*, как и в шорском языке.

9. Показатель ProspSag *АК* встречается только перед формами на *-чА*, допустимыми в сагайском диалекте (морфемами Pres *чА*, PresPtSag *чАн* и Dur *чАТ*): *тур-ах-ча* (стоять-ProspSag-Pres) 'сейчас остано-

¹⁶ В прямом значении 'сидеть' основа *от-* не употребляется.

¹⁷ В литературном языке дуративные показатели *чAm* / *чат* могут употребляться только в видовом значении, т. е. непосредственно после них всегда стоит показатель времени, а не лично-числовой аффикс.

вится’, *анар-ах-чат-са* (уносить-ProspSag-Dur-Cond) ‘когда хочешь взять’, *ал-ах-чан* (брать-ProspSag-PresPtSag) ‘который хотел взять’.

П о я с н е н и е. Показатель ProspSag *AK* относится к диалектным формам. Он встречается в сагайском диалекте, в том числе в бельтырском говоре. Происхождение его неясно. В [Карпов 2007: 135] предполагается, что *AK* происходит из стяжения показателя инфинитива *A(p)-ГА* (Fut-Dat) с глаголом *ит-* ‘делать’, что маловероятно фонетически. В бельтырском говоре конструкция с *ит-* действительно имеет такое же значение, как и форма с *AK*, ср. примеры из устного корпуса: *ыз-ах-ча-быс* (слать-ProspSag-Pres-1Pl) ‘мы хотим послать’, *тир-ге ит-ке-м* (говорить-Fut-Dat делать-Past-1sg) ‘я хотела сказать’. В говоре аала Казановка, где мы впервые встретили этот показатель, основное его значение — проспектив, т. е. действие, которое собирается начаться: *выборлар пол-ах-чат-хан* (быть-ProspSag-Dur-Past) ‘выборы подступали’.

ProspSag *AK* линейно располагается между двумя синтетическими показателями вида, перфективом и дуративом. Ср. примеры из устного корпуса: *ат-ыбыз-ах-ча-лар* (стрелять-Perf-ProspSag-Pres-PredPl) ‘они хотят застрелить’, *азырихчатхам* (< *азыра-ах-чат-ха-м*: кормить-ProspSag-Dur-Past-1sg) ‘я хотела кормить’.

Почему *AK* сочетается только с показателями, происходящими от глагола *чат-* ‘лежать’, остается неясным.

10. Показатель Cunc *ГЛAK* не встречается в одной словоформе с показателями категории Perf или отрицательными показателями (Neg *ПА*, Neg.NF *Пин*, Neg.Cv *Пин*, Neg.Cv.Abl *Пин.Аң*).

П о я с н е н и е. Ограничение обусловлено семантикой данной формы, ср. *чазылгалах* ‘еще не выздоровел’. В ее значение уже включены, с одной стороны, антиперфективность, с другой — отрицательность. Cunc *ГЛAK* не сочетается также с формами дуратива (что отмечалось в [Мальцева 2017а]), однако мы не прописываем этот запрет в ограничениях на сочетаемость морфем для парсера — пока не встречалось неверных разборов, для отсеечения которых он бы понадобился.

11. Показатели Fut *A(p)*, Neg.Fut *ПА.с*, Neg.NF, Neg.Cv *Пин*, Neg.Cv.Abl *Пин.Аң*, Фоc *ТЫр* не могут присутствовать в одной словоформе с Neg *ПА*.

П о я с н е н и е. В хакасской словоформе может быть только одно отрицание, хотя мест для выражения отрицания больше одного (см. правило 4). Запрет на соседство показателя отрицания с показателем фокуса нужен, чтобы отсечь неверные разборы у словоформ типа *полбаандыр* (#*пол-ба-ган-дыр* (быть-Neg-Past-Фоc) ‘не был же!’), верный разбор *пол-баан-дыр* (быть-Neg.NFSh-Indir) ‘не был (, как говорят)’. Информанты отрицают возможность первого из этих анализов.

12. Из показателей позиции Tense/Mood после Gener *АдЫ(p)* допустимы только Past *ГA(н)* и деепричастные показатели CvP (*Ып*), CvA *A*.

Примеры:

(37) *айна көр-чең ме мал мал-ны чидіргенін* (< *чи-едір-ген-и-н*)!
 черт видеть-Nab Q скот скот-Асс есть-Gener-Past-3pos-Асс
 ‘черт знает, почему скотина скотину ест!’ [ХНС, Халбрах саналығ... (т. 39)].

(38) *аарла-п сыйли пар-адыр-а*
 уважать-CvP дарить.CvA идти-Gener-CvA
 ‘с почестями угощая’ [там же, Хара Махашы (т. 9)].

(39) *иди пар-адыр-ып*
 так идти-Gener-CvP
 ‘когда так шла’ [там же, Ікі адыгжи (т. 32)].

П о я с н е н и е. Из-за возможности сочетания показателей Gener *АдЫ(p)* с Past *ГAн* первый из них не попадает в позицию времени и должен занимать более близкую к корню позицию, хотя почти всегда ведет себя как показатель времени. Gener *АдЫ(p)* сочетается и с Dur *чАт* (только в эпосе): *сыда-бин-чад-адыр* (терпеть-Neg.NF-Dur-Gener) ‘не может одолеть’ [Ай-Хуучин, строка 464]. По этой причине Gener располагается следом за дуративом.

13. После деепричастных показателей позиции Tense/Mood (Lim *ГАли*, CvP (*Ып*), CvA *A*, CvKac *A.бAc*, Neg.Cv *Пин*, Neg.Cv.Abl *Пин.Аң*) может стоять только показатель Ass *OK* из позиции Ptcl₃: *сыз-а-ох* (выйти-CvA-Ass) ‘тоже выходя’.

П о я с н е н и е. Деепричастия синтаксически ведут себя как категория Invar1. Эти показатели обычно стоят на самом конце словоформы, т. к. образуют неизменяемые формы. В древнетюркском эти формы изредка могли спрягаться (см. [Erdal 2004: 311—312]), а, например, в современных кыпчакских языках спрягаемая форма CvA — основное выражение презенса (см. [СИГТЯ 1988: 409—410]).

14. Показатели Dur *чАТ*, DurDial *чаТ*, Pres *чА*, PresPtSag *чАн*, PresI *чАды(р)*, PresIKac *чады(р)*, PresKyz *ту(р)*, PresDial *ча*, PresSh *чаp(Ы)*, Indir *тЫр* возможны только при наличии NF/Neg.NF/Perf/Prosp/Dur1.

Показатели Pres *чА*, PresDial *ча*, PresSh *чаp(Ы)*, Dur *чАТ*, DurDial *чаТ*, Indir *тЫр* допустимы также при наличии Neg.NFSh *ПААн*.

П о я с н е н и е. О том, что ряд форм, в особенности презентных, образуется от основы с показателем NF, уже шла речь в правиле 3. Но нужно парное правило, чтобы не только NF не выделялся в неверных контекстах, но и данные показатели, происходящие из вспомогательных глаголов, не выделялись при чистой основе. Иначе для основ, кончающихся на согласные, мы будем иметь дублирующие разборы, например *нар-Ø-ча* (идти-NF-Pres) и *нар-ча* (идти-Pres) ‘он идёт’. Для основ на гласную подобные формы не могут анализироваться без показателя NF: *ойла-н-ча* (бежать-NF-Pres), поэтому разбор *нар-ча* (идти-Pres) мы считаем неверным. В правиле также сказано, что NF не используется, если в словоформе есть перфектив (*Ы*)*Ы*с: *алта-быс-ча* (переступить-Perf-Pres) ‘каждый раз перешагивает’, проспектив *АК*: *узихча* (< *узу-ах-ча*: спать-Prosp-Pres) ‘вот-вот заснет’ или Dur1: *нар-и-м* (уходить-Dur1-1sg) ‘ухожу’.

15. Показатели позиций Pl₁, Poss₁, Case₁ возможны только при наличии в словоформе одного или нескольких аффиксов из позиций Transp (Attr *КЫ*, Comit *ЛЫГ*), Poss₂, Case₂.

П о я с н е н и е. В этом и последующих правилах рассматриваются контексты употребления так называемых «внутренних» именных показателей (падежей, посессивности, числа), которые ведут себя не как словоизменительные, а скорее как словообразовательные (исключение составляют показатели посессивности 1—2-го лица). Данным правилом мы постулируем наличие «внутренних» показателей лишь в том случае, если они не могут быть проанализированы как соответствующие «внешние» показатели (занимающие обычные позиции). Надеемся, что из обсуждения примеров в правилах 16—24 станет понятнее, что имеется в виду. Здесь мы опишем субстантивацию локатива, т. к. дальнейшие ограничения к ней не относятся.

Именное сказуемое, выраженное именем в локативном падеже (*мин иб-де-бин* (дом-Loc-1sg) ‘я (сейчас) дома’), может быть вершиной не только финитной, но и зависимой предикации¹⁸. В этом случае оно может вторично субстантивироваться. Так как в хакасском языке нет продуктивного (нелексикализованного) аффикса субстантивации, в качестве него используются морфемы посессивности и множественного числа (см. об этом [Мальцева 20176]). Субстантивированная вершина зависимой предикации может занимать актантные позиции, присоединяя показатели ядерных падежей:

- (40) *өрін-Ø нар-ган осхас ууча-ның иб-де-зи-не*
радоваться-NF идти-Past будто бабушка-Gen дом-Loc₁-3pos-Dat
‘видно, обрадовалась тому, что бабушка дома’ [Чебодаева, Ёбекелернің чолларынча].

Субстантивируясь, локатив переходит из «внешних» падежей во «внутренние».

16. Показатель Attr *КЫ* может присутствовать в словоформе только при наличии Loc₁: *стол-да-гы* (стол-Loc₁-Attr) ‘находящийся на столе’.

П о я с н е н и е. Показатель Attr *КЫ* может стоять после показателей Loc₁ *аал-да-гы* (село-Loc₁-Attr) ‘сельский’ и All₁ *алты-нзархы* (верх.poss-All₁.Attr) ‘верхний/северный’. Если Loc₁ или All₁ присутствуют в словоформе с Attr *КЫ*, то семантических ограничений у основы нет: *аал-да-гы* (село-Loc₁-Attr) ‘находящийся в селе’, *суг-зархы* (вода-All₁.Attr) *саринаң* ‘со стороны реки’. Присоединение Attr *КЫ* к чистой основе допускается только для слов с локативной и темпоральной семантикой (см. подробнее дискуссию к [Дыбо и др. 2019]).

Показатель Loc₁ не может считаться полностью застывшим (как предлагается в [ГХЯ 1975]), т. к. перед ним могут стоять показатели посессивности и множественного числа, которые входят в сферу действия Attr *КЫ*: *пістің суубыстагы* (< *суг-ыбыс-та-гы*: вода-1pl.pos₁-Loc₁-Attr) *палалары* ‘дети нашей родины’, *20 чыллардагы* (< *чыл-лар-да-гы*: год-Pl₁-Loc₁-Attr) *халыхчылар* ‘просветители 20-х годов’. Падежно-посессивные показатели могут следовать и за атрибутивом, в том числе при наличии Loc₁:

¹⁸ Теоретически так могло бы вести себя и именное сказуемое в аблативе, однако информанты затрудняются с его субстантивацией. Некоторые подробности об именных сказуемых см. в правиле 34.

иб-де-зи-лер-и-н (дом-Loc₁-Attr-Pl-3pos-Acc) *кӱрген* ‘домашних (т. е. семью) увидел’. В этом случае, наоборот, атрибутив входит в сферу действия падежно-посессивных показателей, стоящих правее. Поэтому необходимы два набора актантных словоизменительных показателей, один из которых предшествует Attr *КЫ*, а другой следует за ним.

В отличие от случая с локативом, сочетание Attr *КЫ* с аллативным показателем очень редко. Большинство примеров его употребления — слова *алтынзархы* ‘нижний; северный’ и *устунзархы* ‘верхний; южный’ (подробности про вставное *н* см. в пояснении к правилу 25). Форма *устунзархы* свидетельствует, что закон гармонии гласных не распространяется на это сочетание аффиксов. Из-за особенностей морфологического поведения мы решили выделять слитный показатель All₁.Attr (*н*)*Сархы*. В словарь нельзя включить все примеры слов с этим показателем, т. к. некоторые лексемы демонстрируют вариативность в основе. Ср. употребление (*н*)*Сархы* сразу после основы: *орты-зархы-зы-наң* (середина-All₁.Attr-3pos-Inst) *чӱрпӱ одыр!* ‘иди по тому, которое находится в середине!’ и после показателя посессивности: *орты-зы-нзархы* (середина-3pos-All₁.Attr) *чирлерче иртин* ‘пройдя верхние (букв. ‘средние’) страны’.

17. Pl *ЛАр* может располагаться непосредственно за показателем посессивности (Poss₁) только при наличии в словоформе еще одного показателя посессивности (в позиции Poss₂): *чӱс=паз-ы-лар-ы-ның* (сто=голова-3pos₁-Pl-3pos-Gen) *икизин* ‘двоих из сотников’. В прочих случаях, когда морфема *ЛАр* следует за показателем посессивности, это не Pl, а PredPl: *олар хыз-ыбыс-тар* (дочь-1pl.pos-PredPl) ‘они — наши дочери’.

Пояснение. Основное назначение данного правила — отсекают паразитические разборы, в которых посессив предшествует показателю числа имени без веских причин. Чаще всего показатель 3pos вынужденно дублируется в формах множественного посессора 3pl у основ с неотчуждаемой посессивностью: *алты-лар-ы* (низ-3pos₁-Pl-3pos¹⁹) ‘к низу от них; нижний из них’ и основ с конечными *Г, К*, подвергшимися выпадению и последующему стяжению гласных ввиду действия морфологических правил: *улиилары* (< *улуғ-ы-лар-ы*: большой-3pos₁-Pl-3pos) ‘старший из них’. Бывают и случаи, продиктованные не морфологией, а семантикой, — как в примере про сотников, приведенном в самом правиле. Теоретически представимы контрпримеры с посессивными показателями перед множественным числом, обозначающим ассоциативную множественность: *иче-м-нер* (мать-1pos.Sg₁-Pl) ‘мои родители’, *аба-м-нар* (отец-1pos.Sg₁-Pl) ‘мои родители’, *харындаз-ы-лар* (брат-3pos₁-Pl) ‘семья его брата’. Аналогичные формы встречаются в других тюркских языках, например в турецком, татарском (см. обсуждение и литературу в [Барулин 1984: 8; Даниэль 2007: 292]). Однако в хакасском языке они нам не попадались, хотя примеры с показателем *ЛАр* в роли ассоциативной множественности (от имен собственных) приводятся в [ГХЯ 1975: 61—62]: *Пескелер* ‘Василий (т. е. Васька) и его товарищи’. По нашим наблюдениям, а также по данным работ [Даниэль 2007; Тараканова 2008: 60], для выражения значения ассоциативной множественности в хакасском обычно используется аналитическая конструкция со словами *ноо/нине* ‘что/вещь’, обозначающими здесь совокупность лиц или предметов: *абам ноо* (*аба-м*: отец-1pos.sg) ‘мои родители’, *Женя нине* ‘семья Жени’, *ӱгӱрсӱ нине* ‘огурцы и прочее’.

18. Pl не может непосредственно следовать за Pl₁.

Пояснение. Статус этого правила может быть временным. Пока нам встретилась единственная словоформа с двумя показателями *ЛАр*, в ней Pl и PredPl относятся к разным именам (первый — к слову *ӧрге* ‘дворец’, второй, согласовательный, — к слову *чуртапчатханнар* ‘живущие’):

- (41) *най чурта-п-чат-хан-нар хан ӧрге-лер-и-нде-лер*
 богатый жить-NF-Dur-Past-Pl хан дворец-Pl-3pos-Loc-PredPl
 ‘роскошно живущие находятся при дворах царских’ [Наа Молчағ, Лк. 7:25].

Правило позволяет избежать нелепых паразитических разборов: например, у словоформы *истерлер* правильный анализ *ист-ер-лер* (слышать-Fut-PredPl) ‘будут слышать’, а без приведенного ограничения парсер допускает также разбор *#ис-тер-лер*: имущество-Pl₁-Pl.

19. Case₂ не может следовать непосредственно за Pl₁ или Poss₁.

Пояснение. Это ограничение отсекает паразитические разборы, в которых категории «внутренних» посессивности и числа выделяются без достаточных на то оснований. Иначе говоря, если мы можем считать морфему «обычной», нам не нужен еще один анализ, где она считается «внутренней». Так

¹⁹ Неотчуждаемую принадлежность здесь следует понимать так, что основа *алт-* ‘низ’ не употребляется без показателя посессивности: *алты* ‘его низ’, *алтыбыс* ‘наш низ; нижний из нас’ и т. п.

как показатели посессивности и числа предшествуют показателям падежа, непосредственно перед «внешним» (обычным) падежом возможны только «внешние» показатели посессора и числа. Пример: в форме *пала-лар-га* ‘детям’ мы можем проанализировать форму, выделяя только «обычные» аффиксы: ‘ребенок-Pl-Dat’. Но правило 15 не отсекает возможность разбора с «внутренним» числом: ‘ребенок-Pl₁-Dat’. Такой разбор излишен, и он отсекается правилом 19.

20. Case₂ не может следовать непосредственно за Case₁, за исключением последовательностей All₁ + AblArch *тЫн* и Loc₁-Loc.

Пояснение. Здесь описаны засвидетельствованные случаи наличия двух падежей в одной словоформе (для остальных случаев не нашлось убедительных примеров). Есть лексикализованные примеры употребления двух аффиксов падежей подряд в местоименных и некоторых других наречиях: *мында* ‘здесь’ (косвенная основа местоимения *пу* ‘этот’ в локативе) — *мындада* ‘в это время’ (*мында* + Loc), *анча* ‘столько’ (косвенная основа местоимения *ол* ‘тот’ в пролативе) — *анча(а)га* ‘к тому времени’ (*анча* (+ Dat) + Dat), *таңда* ‘завтра’ (*таң* ‘заря’ + Loc) — *таңдаа* (< *таңда-га* ‘завтра-Dat’) ‘к завтрашнему дню’ и др. Все эти формы мы поместили в словарь.

Нелексикализованных случаев двойных падежей нам встретилось два:

а) Именное сказуемое, попадая в позицию сирконстанта, не обязано (но может) быть маркировано показателем субстантивации. Это связано с полифункциональностью тюркских имен с атрибутивной семантикой: они могут служить как для обозначения качества предмета, так и для обозначения качества действия, ср. *тискер сари* ‘изнаночная сторона’ / *тискер кизерге* ‘надеть наизнанку’. Таким образом, если именное сказуемое, выраженное локативным падежом (см. правила 15 и 33), занимает позицию вершины придаточного предложения времени, два локативных падежа следуют один за другим:

(42) *Сагам мин пу чир үстүнде-де чир-ниң чарши мин пол-Ө-ча-м.*
сейчас я этот земля верх.Зpos-Loc₁-Loc земля-Gen свет.Зpos я быть-NF-Pres-1sg
‘Доколе я в мире (букв. ‘на поверхности земли’), я свет миру’ [Наа Молчаг, Ин. 9:5].

б) Употребление формы старого исходного падежа AblArch *тЫн* в современном хакасском языке невозможно без аллатива перед ним: *стол-зар-тын* (стол-All₁-AblArch) ‘со стороны стола’. Старый направительный падеж (*Г)Ар*, сохранившийся в местоимениях и локативных именах, также встречается в сочетании с этим аффиксом: *ан(д)артын* ‘оттуда’, *хайдартын* ‘откуда’, *тасхартын* ‘снаружи’ и др. Впрочем, к некоторым лексемам с локативной семантикой AblArch *тЫн* присоединяется непосредственно: *ырахтын* ‘издалека’, *хыйадын* ‘со стороны’. Но все эти случаи лексикализованы, и для них введены отдельные входы в словаре.

21. Poss₂, исключая Gen.Зpos, не может следовать непосредственно за Pl₁, All₁ и за Poss₁.

Пояснение. Первая часть этого ограничения похожа на правило 19 тем, что не позволяет выделять внутреннее («необычное») число вместо внешнего («обычного») перед «обычной» посессивностью, если для этого нет дополнительных оснований. То есть, например, форма *хыстары* ‘его/ее/их дочери’²⁰ должна иметь разбор с обычными показателями (*хыс-тар-ы* дочь-Pl-Зpos) и не должна — с «внутренними» (#дочь-Pl₁-Зpos). Запрет последовательности All₁ + Poss₂ обусловлен тем, что непосредственно после All₁ может стоять только AblArch *тЫн*. Посессивные показатели для данной последовательности используются только внутренние: *чыс чир-ин-зер-тин* (чаща место-Зpos₁-All₁-AblArch) ‘из таежных мест’. Допущение цепочки Poss₁ + Poss₂ без ограничений порождает множество неверных разборов. Случаи двойного выражения посессивности в хакасском языке есть — это аффикс Зpos, присосший к основе, например *көбізі* (*көн=i-zі*: много=Зpos-Зpos) ‘большая часть, большинство (из них)’. Но всё это лексикализованные употребления, поэтому мы включили все найденные основы с недавно присосшими посессивами в словарь.

22. Poss₂ не может следовать за Loc₁, если в словоформе есть личные показатели.

Пояснение. Рассмотрим пример из перевода «Алисы в стране чудес»:

(43) *мин дее, Сіпер дее ізік-тің пу сари-нда-зыбыс*
я Add вы Add дверь-Gen этот сторона-Loc-1plDial
‘и я и вы — мы оба находимся по эту сторону дверей’ [Алисаның чорығы, гл. VI].

Сказуемое с таким морфологическим анализом значит ‘мы — на [этой] стороне’. Данное ограничение отсекает параллельный неверный анализ: #*сари-нда-зы-быс* (сторона-Loc₁-Зpos-1pl) ‘мы — его нахождение на [этой] стороне’.

²⁰ А также ‘их дочь’, см. подробнее в описании позиции 14.

23. Показатель Gen.3pos *Hu* (и Gen.3posDial *Du*) не может присутствовать в словоформе одновременно с Case₁.

П о я с н е н и е. Показатель Gen.3pos *Hu* (и его диалектный вариант *Du*) — это субстантивированный генитив:

- (44) *ол ипчи кем-ни пол-ар?*
 тот женщина кто-Gen.3pos быть-Fut
 ‘Чьей она будет женою?’ [Наа Молчаг, Мф. 22:28].
- (45) *поз-ы-ни-н на хооста-п пар-Ø-ча*
 сам-3pos₁-Gen.3pos-Асс лишь рисовать-NF идти-NF-Pres
 ‘что-то свое рисует’ [Казачинова, Пістің аалның олғаннары].
- (46) *Чол-да-зы-зы Сіреп-ди пол-зын!*
 дорога-Loc₁-Attr-3pos вы-Gen.3posDial быть-Imp.3
 ‘Дорога Ваша пусть будет Вашей!’ [Ай-Хуучин, строка 1099].

Ограничение обусловлено тем, что в показателе Gen.3pos *Hu* уже присутствует внутренний падеж, генитив. Мы не включили внутренний генитив в число морфем категории Case₁, т. к. нет случаев его продуктивного употребления вне данной кумулятивной морфемы.

Исходя из функциональных параллелей этой формы в других тюркских языках, многие возводят Gen.3pos *Hu* к сочетанию Gen *нЫң* (*ДЫң*) и Attr *КЫ* (см. [Дыренкова 1948: 18, 41; Баскаков 1953: 408; Pritsak 1959: 611; ГТЯ 1961: 154, 304]; ср. также рассуждения о тувинской форме *-нии* в [ГХЯ 1975: 26]). Но в хакасском роль субстантиватора уже довольно прочно закреплена за посессивными аффиксами, в особенности за показателем 3pos (*з*)*Ы* [Мальцева 2017б]. Поэтому, на наш взгляд, здесь, как и в ряде других случаев в хакасском языке²¹, произошла ретимологизация общетюркской формы: последовательность *нИң-КЫ* (Gen-Attr) заменилась на *нИң-(с)И* (Gen-3Pos), и ее формальную производность следует восстанавливать как *С-нЫң-Ы* > *С-ни(и)* по факультативному правилу 2.1.2 для многосложных основ (см. [Дыбо и др. 2019: 54]). Отметим, что в грамматике [Дыренкова 1948] эта форма приводится в варианте написания *-тии*, *-нии* (как в литературном тувинском): *Пу ат колхостии* ‘Эта лошадь — колхозная’. Впоследствии орфография упростилась. В обеих хакасских грамматиках [Дыренкова 1948: 41; ГХЯ 1975: 154] приводится склонение этих форм, и видно, что склоняются они по посессивному типу (см. о нем ниже правило 23): от *мин* ‘я’ образуется винительный падеж *минин*, дательный — *минине* и т. п. А формы с Attr *КЫ* присоединяют непосессивные формы падежей:

- (47) *Ырах=хы-ны чагын тарт-ып.*
 даль=Attr-Асс близкий тянуть-Свр
 ‘Давнее к недавнему подводя’ [Ай-Хуучин, строка 2626].

Выше мы отмечали, что Attr *КЫ* присоединяется в хакасском языке к основам с локативной или темпоральной семантикой (в том числе выраженной через «внутренний» локатив *ТА*). Если предположить, что он продуктивно образуется от форм генитива, непонятно, почему при этом ему становится неважен пространственно-временной элемент в семантике основы.

24. Алломорф AblArch *-тЫн* возможен в словоформе только при наличии All₁.

П о я с н е н и е. Как уже говорилось, формы с AblArch *-тЫн* в других контекстах лексикализованы и введены в словарь. Здесь же отметим, что сочетание этих показателей присуще в основном сагайскому диалекту, хоть и признано литературной нормой. Оно употребляется, пусть и нечасто, современными авторами, а в записях эпических сказаний не встречается — видимо, из-за того, что эпос был записан в основном от носителей кызыльского и качинского диалектов.

²¹ Ср., например, аналогичное переосмысление старого творительного падежа *-(X)п* в темпоральной функции как посессивного аккузатива: *часхы-зы-н* (весна (< *весна=Attr)-3Pos-Асс) ‘весной’, *чайгы-зы-н* (лето (< *лето=Attr)-3Pos-Асс) ‘летом’, *ікінчі-зі-н* (второй-3Pos-Асс) ‘во второй раз’ при др.-тюрк. *jal-ın* (год-Inst) ‘годами’, *aj-ın* (месяц-Inst) ‘месяцами’, *kiš-ın* (зима-Inst) ‘зимой’, тур. *yaz=ın* (весна=Тмп) ‘весной’, *kiş=ın* (зима=Тмп) ‘зимой’, башк. *кисе=н* (поздно=Тмп) ‘вечером’ [СИГТЯ 1988: 104; Erdal 2004: 379]. То есть и здесь старая (общетюркская) конструкция заменяется на стандартный подъем атрибутива при помощи посессивного показателя в вершину именной группы плюс стандартное выражение аргументного отношения времени при помощи аккузатива на этой вершине.

25. В позициях 13/17 (Case) набор аффиксов посессивного склонения выбирается:

- а) в случае заполнения позиций 12/16 (Poss) соответственно аффиксами не-множественного числа (т. е. 1pos.sg (*Ы*)м, 2pos.sg (*Ы*)ң и 3pos (*з*)Ы);
- б) непосредственно после основ, у которых в словарной базе в поле FORM есть помета poss (обозначающая, что аффикс принадлежности неотделим от основы).

П о я с н е н и е. В хакасском языке не получается сделать единый набор окончаний в посессивном и именном склонениях из-за особенностей морфонологии показателя датива. После основ, оканчивающихся на носовые согласные, датив имеет форму *ГА*: *хам-га* (шаман-Dat) ‘шаману’, *кил-ген-ге* (прийти-Past-Dat) ‘пришедшему’. Но в посессивных словоформах единственного числа в литературном языке у датива отпадает *Г*, что в данном случае нельзя объяснить морфонологическими правилами (см. о них [Дыбо и др. 2019: 54, 58, 60]): *аба-м-а* (отец-1sg.pos-Dat) ‘моему отцу’, *иче-ң-е* (мать-2sg.pos-Dat) ‘твоей матери’, *килн-и-не* (невестка-3pos-Dat) ‘его невестке’. К решению об отделении посессивного варианта склонения в целом, а не только для датива подталкивает также поведение согласного *н*, который появляется в склонении имен с аффиксом 3pos. В [Erdal 2004: 160] и многочисленных последующих работах *н* считается частью посессивного показателя, в [ЭТЯТО 2017] — эпентетической вставкой между посессивным и падежным показателями. Нам же для практических целей удобнее включать *н* в состав падежного показателя (как сделано и в [ГХЯ 1975: 80]), т. к. он ведет себя с разными падежами по-разному: ср. *чол-да* (дорога-Loc) ~ *чол-ы-нда* (дорога-3pos-Loc) — *н* просто вставляется; *чол-даң* (дорога-Abl) ~ *чол-ы-наң* (дорога-3pos-Abl) — *н* замещает первую согласную аффикса падежа; *чол-ны* (дорога-Ass) ~ *чол-ы-н* (дорога-3pos-Ass) — *н* замещает падежный показатель целиком.

Марсель Эрдал оперирует аффиксом посессивности (*s*)*I*(*n*) как показателем, в котором (*n*) проясняется не в конечной позиции [Erdal 2004: 160]. Однако в хакасском (как и в других тюркских языках) посессивная форма без падежного показателя, но с частицей или личным показателем не содержит вставного *n*: *ичезбк* (< *иче-зи-бк*: мать-3Pos-Ass) *чили* ‘как и его мать’, *аба-зы-бын* (отец-3Pos-1sg) ‘я его отец’.

Посессивные аффиксы множественного числа 1-го и 2-го лица в хакасском языке сочетаются с обычным (непосессивным) набором окончаний.

26. Voc *Ай* возможен только на конце словоформы.

П о я с н е н и е. В описаниях хакасского языка нам не попадалось упоминание вокатива (см., впрочем, [Romorska 2004: 57—58] об этой форме в других тюркских языках, в том числе в близкородственном чувлымском). Во всех встреченных примерах вокатив стоит после показателя посессивности 1-го л. ед. ч.: *худай-ым-ай* (бог-1pos.sg-Voc) ‘боже мой!’, *азамай* (< *азах-ым-ай*: нога-1pos.sg-Voc) ‘ох, моя нога!’ и др. Поэтому мы поместили вокатив в список посессивных форм падежей. В отличие от некоторых других падежных форм, предикатом вокатив быть не может, т. к. не является актантом бытийного глагола, с постпозитивными частицами примеров не встретилось. Таким образом, он всегда замыкает словоформу. При нахождении контрпримеров ограничение может быть снято.

27. All *Саp* (и диалектные формы *СА*, *СаpЫ*) невозможен непосредственно после причастных аффиксов из позиции Tense/Mood.

П о я с н е н и е. Ограничение нужно для отсека нежелательных разборов слов типа *хараанзар* (< *харах-ы-нзар*: глаз-3pos-All, #*хара-ган-зар* всматриваться-Past-All), *пол-ар-зар* (быть-Fut-2pl, #*быть-Fut-All*). Аллатив у причастий в принципе возможен, но причастие должно быть субстантивировано. Пример с причастием, субстантивированным при помощи показателя множественного числа:

(48) *Орина-ның орн-ы-на — инек саг-чаң-нар-зар.*

Орина-Gen место-3pos-Dat корова доить-Nab-P1-All

‘Вместо Орины — к дояркам’ ([ГХЯ 1975: 264], М. Кильчичаков).

Примеров с причастием в единственном числе (субстантивированным при помощи показателя 3pos) к настоящему моменту не встретилось.

28. Аффикс Adv *Ли* может присоединяться к словам грамматического класса Verbum, у которых есть причастные показатели (из позиции Tense/Mood), и к словам грамматического класса Nomen. После Adv *Ли* возможен только Ass ОК.

П о я с н е н и е. Фактически из глагольных показателей адвербиализатор *Ли* продуктивно сочетается только с Past *ГА*(*n*):

(49) *син чоохта-ан-ни пол-зын*

ты говорить-Past-Adv быть-Imp.3

‘пусть будет так, как ты сказала’ [Чебодаева, Обекелернің чолларынча].

Есть также несколько примеров из эпоса «Алтын-Арыг» на сочетание Adv *Ли* с Neg.Fut *Пас*, ср.:

- (50) *Тi-бес-ти-öк* *ти-п* *сал-зан.*
 сказать-Neg.Fut-Adv-Ass сказать-NF класть-Past
 ‘Также неслыханно оскорбил’ (букв. ‘неговоримое же сказал’) [Алтын-Арыг, строка 480].

Однако теоретически представимо сочетание и с другими причастными формами. Поскольку на данный момент вследствие такого допущения неверных разборов немного, мы не ограничиваем жестко сочетаемость Adv *Ли* с причастными показателями. Adv *Ли* располагается там же, где прочие показатели транспозиции, из соображений семантической общности, хоть он и не может встретиться в словоформах с «внутренними» именными категориями. Пример на употребление Adv *Ли* с именной основой:

- (51) *олар кибiр-ли* *тимне-н-тир-лер*
 они обычай-Adv собирать-Refl-NF-Indir-PredPl
 ‘они собирались по традициям’ [Чебодаева, Öбекелерниң чолларынча].

29. При присоединении Ptc₂ к словам класса Verbum обязательно наличие показателя времени (из позиции Tense/Mood, кроме деепричастий и PresPtSag *чан*, или любого из показателей Dur1 *u(p)* / Dur1Kac *Am* / Gener *АдЫр* / Vis *ЧЫК*). Ptc₂ не может встретиться в словоформе без показателей Person или PredPl, если непосредственно после нее не стоит Vis *ЧЫК*.

Пояснение. 1) Правила 37 (см. ниже) о том, что Ptc₂ не может занимать конечную позицию, недостаточно для отсеивания всех неверных разборов — находились примеры, которые анализировались так, что Ptc₂ ошибочно соседствовала с Ptc₃ (Ass *OK*, Foc *ТЫр*): #*хара-ла-дыр* (черный-Cont₂-Foc) при верном разборе *харал-адыр* (чернеть-Gener) ‘чернеет’. Поэтому пришлось перечислить возможные соседства Ptc₂ как слева, так и справа. Пример без личных показателей с Vis *ЧЫК*: *пол-Ø-тыр-ох-чых* (быть-NF-Indir-Ass₂-Vis) ‘тоже был’. Пример с предикативным показателем без показателей времени: *олар андаг-ох-тар* (такой-Ass₂-PredPl) ‘они такие же’.

2) После PresPtSag *чан* невозможны личные окончания (т. к. это причастие, в отличие от прочих, не бывает предикатом независимой клаузы) — следовательно, и Ptc₂ с ним не сочетается.

30. Add₂ *ТАА* не присоединяется к именным основам.

Примеров именных сказуемых с внутренней частицей *ТАА* нам не встретилось. Вообще примеры именных сказуемых с частицами довольно редки, но бывают:

- (52) *Тур,* *мин дее кiзi-ле-бiн.*
 стоять я Add человек-Cont₂-1sg
 ‘Встань; я тоже [всего лишь] человек’ [Наа Молчаг, Деян. 10:26].

- (53) *Мин дее кiлiүз-öк-нин.*
 я Add герой-Ass₂-1sg
 ‘Ну, и я — герой’ [НПХ, Тар пиг (доп. IV)].

Допущение же такой возможности для Add₂ *ТАА* порождает множество лишних разборов: например, у слова *тастаабыс* наряду с верным разбором *таста-га-быс* (бросать-Past-1Pl) ‘мы бросили’ есть и неверный #*таст-таа-быс* (камень-Add₂-1Pl) ‘мы же камни’. До тех пор, пока не найдется убедительного примера употребления Add₂ *ТАА* в именном сказуемом, мы решили эту возможность исключить.

31. Кумулятивные показатели позиции Person с пометой Imp (например, Imp.1sg) могут быть только у слов грамматического класса Verbum. Они следуют непосредственно после основы или за аффиксами, предшествующими Tense/Mood.

Пояснение. Императивные, гортативные и прочие сходной семантики показатели в тюркских языках удобно описывать как специальный набор показателей лица — повелительное наклонение не сочетается с тем набором личных показателей, с которым сочетаются все прочие формы. Иначе говоря, оно выражается несегментно, путем присоединения особого набора личных показателей. Поэтому ограничения в правилах 31 и 32 можно рассматривать как две части правила о спрягаемых формах.

32. К словам класса Nomen присоединяются **полные** лично-числовые показатели (подкласс категории Person), которые могут следовать после морфем любых категорий. У слов класса Verbum заполнение по-

зиции Person возможно только при незаполненных позициях с 10 по 16 (за исключением Comp ТАГ²²) и при наличии показателей (непосредственно перед Person):

- для **кратких** лично-числовых показателей: Cond СА, RPast ТЫ;
- для **полных** лично-числовых показателей: Dur1Кас Ам, Vis ЧЫК, Opt ГАй, Assum ГАДАГ, Indir ТЫр, Cunc ГАЛАК, Neg.Fut ПАС, полных форм аффиксов Gener АДЫр, Pres1 чАДЫр, Pres1Кас чадыр, PresКыз тур, Dur1 ир, Хаб ЧАң, Fut Ар, в качинском диалекте также Pres чА (тогынчабын ‘я работаю’) и Past ГА(н) (паргабын ‘я шел’, чоохтаанохпын ‘я тоже говорил’), в старых текстах Dur1 и (парыбын ‘я иду’ [Катанов 1907, отд. 2, т. 368]);
- **смешанный набор** лично-числовых показателей (краткий показатель 1sg (Ы)м + полные формы 2-го лица) присоединяется к аффиксам: Pres чА, PresDial ча, PresSh чАр(Ы), Past ГА(н), кратким формам аффиксов Gener АДЫ, Pres1 чАДЫ, Pres1Кас чады, PresКыз ту, Dur1 и, Хаб ЧА, Fut А (в диалектах также Fut Ар: килерім ‘я приду’, PresКыз тур: сагынтурым ‘я думаю’, Pres1 чАДЫр: полчадырым ‘я существую’, Gener АДЫр: нанадырым ‘возвращаюсь’).

Пояснение. Можно заметить, что распределение личных показателей по глагольным формам неустойчиво и различается по диалектам. Распределение форм 1sg в литературном языке близко к морфонологическому: после морфем, кончающихся на гласную, чаще встречается вариант (Ы)м, после морфем, кончающихся на согласную, — ПЫн (в сагайских и центральных качинских говорах СЫм). Однако для имен в предикативной позиции это правило не действует: мин хыспын ‘я девочка’, мин мындабын ‘я здесь’ — как после гласной, так и после согласной употребляется окончание ПЫн. В смешанном наборе (Ы)м также встречается как после гласной, так и после согласной: полчадым/полчадырым ‘я существую’.

Попадаются примеры, в которых личные окончания присоединяются к частицам: ит-ти-ни-м (делать-RPast-Part-1sg) ‘я же сделал’ [ГХЯ 1975: 210], бельт. пол-бин-ча-ма-ң (быть-Neg.NF-Pres-Q-2sg) ‘ты не можешь?’ [УКХЯ], син полган ноо-ң (Emph-2sg) ‘это ведь (был) ты’ [ХНС, т. 12], мин тиріг нізе-м (Emph-1sg) ‘я ведь живой’ [там же, т. 36]. Неудобство для нашей модели заключается в том, что частицы, в отличие от имен, присоединяют краткие окончания, к тому же не всегда есть устоявшееся написание для них — слитное или раздельное. Так как этих примеров очень мало, мы пока не уделяли им специального внимания.

33. Показатель PredPl допустим после:

- а) показателей, которыми может заканчиваться финитная неимперативная форма глагола 3-го лица (это показатели позиции Tense/Mood (за исключением деепричастий и PresPtSag чАн), а также Vis ЧЫК, Gener АДЫ(р) и Dur1): олар пар-ган-нар (идти-Past-PredPl) ‘они ушли’;
- б) некоторых личных показателей (1pl, Imp.3): пар-зын-нар (идти-Imp.3-PredPl) ‘пусть уходят’, саналыг чыларга пар-ар-быс-тар (идти-Fut-1Pl-PredPl) ‘мы пойдем кататься на лыжах’;
- в) чистой именной основы: олар хыс-тар (девушка-PredPl) ‘они — девушки’;
- г) показателя падежа (Case₂): олар Аэбан-да-лар (Абакан-Loc-PredPl) ‘они в Абакане’, поссесивности (Poss₂): ну хыз-ым-нар (девушка-1pos.sg-PredPl) ‘это мои дочери’, Comit ЛЫГ: олар үс хыс-тыг-лар (девушка-Comit-PredPl) ‘у них три дочери’, Ptcl₂:

(54) Хай нирее одыр-т-хан агас-тар пар-ох-тар мында.
несколько сидеть-Caus-Past дерево-Pl имеющийся-Ass₂-PredPl этот.Loc
‘Здесь **имеется** и несколько посаженных деревьев’ [ГХЯ 1975: 272].

Пояснение. 1) Показатель числа имени и показатель согласования по числу у предиката формально тождественны, поэтому в описаниях различных тюркских языков чаще всего проблема их различения не осознается²³. К тому же именной и предикативный показатели числа обычно не присутствуют в словоформе одновременно (по крайней мере в хакасском языке — ср., впрочем, контрпример из правила 18).

²² Школаны тоос салза, син улуг кизи пол пар-ган-даг-зың (уйти-Past-Comp-2sg)

‘После окончания школы ты как будто стал взрослым человеком’ [С. Чарков. Ах Ыс хазында].

В данном случае Past ГА(н) не теряет последнюю согласную, т. к. не находится непосредственно перед личным показателем.

²³ Ср. в [ЭТЯТО 2017: 17, 377] типичный подход, при котором, с одной стороны, говорится о морфеме *-lar/-lär* как о показателе числа имени, с другой стороны, одноименная морфема включается в лично-числовые показатели, однако обе они имеют глоссу PL, несмотря на обсуждение примеров с именным сказуемым. В [Erdal 2004: 230—232] подчеркивается, что согласовательный глагольный показатель + *lAr* ведет себя отлично от числа имени и высказывается (правда, с сомнением) гипотеза о его происхождении из местоимения *olar* ‘они’ аналогично прочим лично-числовым показателям.

К решению считать их одной сущностью подталкивает и то, что имя во множественном числе и именной предикат, согласующийся по множественному числу с подлежащим 3-го лица, часто выглядят одинаково, ср. *тадарлар килгеннер* ‘хакасы пришли’, *олар тадарлар* ‘они хакасы’. (Впрочем, эта тождественность наблюдается не всегда, ср. *хыстарыбыс килгеннер* ‘наши дочери пришли’, *олар хызыбыстар* ‘они — наши дочери’.) Мы же разделяем эти показатели, поскольку и семантика, и особенности сочетаемости с другими морфемами у них разные.

2) В набор личных показателей, допустимых перед PredPI, не входят 1sg и 2sg, т. к. в них уже выражено единственное число подлежащего. У императивного показателя 3-го лица значения единственного числа нет, поэтому он сочетается с PredPI. Добавление же значения множественного числа к формам, в которых это значение уже выражено, в хакасском языке допустимо. На сочетание PredPI с 1pl в корпусе находится 27 примеров, оно упоминается в [ГХЯ 1975]. Сочетание с 2pl мы исключили, т. к. оно почти не признается носителями — возможно, в связи с тем, что этимологически хакасские аффиксы 2pl (*Сар*, *(Ы)ңАр*) содержат в себе показатель множественности *ЛАр*.

3) Согласование предиката с подлежащим по числу опционально. Чаще всего согласование имеет место, если субъект обозначает человека. Ср. пример, в котором сказуемое не содержит показателя множественного числа, а неодушевленное подлежащее — содержит:

- (55) *сыбырғы-лар-ың сайа-л пар-ба-зын*
веник-Pl-2pos.sg распускать-Pass идти-Neg-Imp.3
‘твои веники пусть не рассыпаются’ [Казачинова, Пістің аалның олғаннары].

34. Предикативные показатели (Person, PredPI) невозможны в сочетании с падежами: Gen, Acc, Instr, Dat, All (а также их диалектными вариантами).

Пояснение. В тюркских языках в позицию именного предиката попадают в конце концов только актанты бытийного глагола (обозначающего существование, наличие, нахождение в пространстве-времени, принадлежность, тождество объектов и свойств, ср. классификацию в [Hengeveld 1992; Мищенко 2017]). В презенсе этот бытийный глагол не выражен, и личные показатели присоединяются прямо к имени. Соответственно, имя в местном и исходном падежах может присоединять личные показатели: *мин иб-де-бін* (дом-Loc-1sg) ‘я дома’, *пис Москва-даң-мыс* (Москва-Abl-1pl) ‘мы из Москвы’. Имя в генитиве не может присоединить личное окончание напрямую, но может при субстантивации, используя кумулятивную форму Gen.3pos *Ни*: *мин сини-бін* (ты.Gen.3pos-1sg), *син мини-зің* (я.Gen.3pos-2sg) ‘я — твоя, а ты — мой’. Личные аффиксы присоединяет также именное сказуемое со сравнительным показателем Comp *ТАГ*, который мы включаем в падежную парадигму, см. пример в сноске к правилу 32 выше. Другие падежи в позиции сказуемого нам не встретились, но в этом правиле упомянуты только те, с которыми возникали паразитические разборы.

35. Показатель Perm *ТАК* присоединяется только к формам повелительного наклонения.

Пояснение. Таким образом, Perm *ТАК* может присоединяться к императивным личным показателям: *ал-им-дах* (брать-Imp.1sg-Perm) ‘возьму-ка я’, а также к тем же цепочкам аффиксов, к которым присоединяются сами эти показатели (см. правило 31). Perm *ТАК* встретился после чистой глагольной основы (имеющей значение Imp.2sg): *көзім-тек* (показать-Perm) ‘покажи-ка’, отрицания Neg *ПА*: *ырла-ба-дах* (петь-Neg-Perm) ‘не пой, пожалуйста’, перфектива *(Ы)быс*: *позы-д-ыбыс-тах* (освободиться-Caus-Perf-Perm) ‘освободи-ка’, также после залоговых показателей. Теоретически возможны сочетания с Distr (*К*)ла и Dig *ЧАт*, *чат*, но примеров употребления пока не обнаружено.

36. Показатель Foc *ТЫр* может встретиться: а) в формах слов категории Nomen (в предикативной роли); б) в глаголах, имеющих временные показатели Past *ГА(н)*, Fut *А(р)* или Hab *ЧА(н)*.

Пояснение. Foc *ТЫр* — эмфатическая частица, которая может присоединяться к предикатам в предложениях с частным вопросом или восклицанием. Она омонимична показателю каузатива из позиции 2 Voice, а также показателю индиректива из позиции 9 Tense/Mood, но употребляется гораздо реже. По этой причине мы ограничили ее выделение парсером только в тех контекстах, в которых она нам встретилась при работе с корпусом текстов и при опросе информантов. Все упомянутые случаи проиллюстрированы примерами ниже.

- (56) *Адай улу-н сых-Ө-тыр*: «Ниме **чи-м-дiр?**» *ти-н*.
собака выть-NF выйти-NF-Indir что есть.Fut-1sg-Foc сказать-CvP
‘Тогда собака завыла, оказывается: «Что я буду есть?» — сказала’ [НПХ, Худай кізее чурт пиргеніненер (т. 1)].

- (57) *Хайди ырла-бин-сарна-бин пар-чаң-дыр кізі мындаг-да?*
 как петь-NF-петь-NF идти-Nab-Foc человек такой-Loc
 ‘Как можно уехать, не спев при таком народе?’ ([ГХЯ 1975: 187], Г. Топанов).
- (58) *Ана за, ниме пол-ган-дыр!*
 вот Emph что быть-Past-Foc
 ‘Вот оно что!’ [Алисаның чорығы, гл. IV].
- (59) *оңна-чаа чох пол-ган кем-нер-дир олар*
 понимать-Nab.3pos отсутствующий быть-Past кто-PredPl-Foc они
 ‘нельзя было понять, кто это [такие]’ [там же, гл. VIII].
- (60) *А сірер көр-іңер нүк хайдаг сіліг-дир!*
 а вы смотреть-Imp.2pl луг какой красивый-Foc
 ‘А вы посмотрите, красота какая!’ [Казачинова, Пістің аалның олғаннары].
- (61) *Арғыс-тар-ым хайда-дыр?*
 товарищ-Pl-1pos.sg где-Foc
 ‘Где же мои друзья-товарищи?’ [Топоев, Хайхастығ чатхан].

37. Позиции Ptc1, Prosp, Pl1, Poss1, Case1, Ptc2 не могут быть последними заполненными позициями в словоформе.

Пояснение. В данном правиле перечислены внутренние позиции циклов, показатели которых могут появляться только перед показателями других позиций. Такие случаи были описаны выше. Все прочие показатели могут завершать словоформу. Нет ни одной позиции, которая обязательно должна быть заполнена. На обязательную к заполнению позицию больше всего похожа Tense/Mood (для категории Verbum) — на первый взгляд, если в ней отсутствует показатель, мы имеем дело с формой повелительного наклонения. Однако она не заполнена и в ряде других случаев: либо перед нами первая часть аналитической словоформы (и тогда у нее есть показатель категории NF), либо это одна из дуративных форм в употреблении в качестве показателя времени (Dur1 *up*, Gener *АдЫр*), либо в этой форме присутствует Vis *ЧЫК* в значении наглядного прошедшего времени. Следовательно, в императивной основе имеется не один морфологический ноль, а сразу несколько. Обратная ситуация в слоте 3 NF/Dur1: мы не видим в нем показателя в двух ситуациях — или перед нами нулевой алломорф NF, появление которого обусловлено фонетическими причинами, или показатель в этом слоте отсутствует по морфологическим причинам. Поэтому мы не разделяем категории на обязательные к выражению и необязательные и при анализе словоформ автоматическим парсером отмечаем незаполнение любой из позиций для аффиксов. Алгоритм обращения к корпусу с поисковым запросом учитывает эти отметки, и с его помощью можно найти словоформы с рядом незаполненных позиций. Таким образом можно искать в корпусе не только формы императива или именительного падежа, но и, например, неотрицательные, непосессивные формы или формы, в которых нет внутренних частиц.

Заключение. В настоящей работе мы представили правила-ограничения для автоматического парсера хакасского языка и постарались продемонстрировать языковые данные, на основе которых мы их вывели. Введение ограничений на совместную встречаемость морфем, конечно, отчасти противоречит тому, что мы декларировали вначале: обязательность выражения исключается из понятия грамматичности категорий для агглютинативных языков. Оказывается, что обязательность выражения в ряде случаев присутствует, но это имплицативная обязательность, а не классифицирующая: «если в словоформе выражен X, то должен (или не должен) быть выражен Y». Исключение составляет один случай — запрет на выражение собственно глагольных категорий у имени.

Кажется, что в подобной работе в принципе нельзя поставить окончательную точку. Парсер задумывался прежде всего как исследовательский инструмент. Кроме задачи описания одного из аспектов работы парсера, мы надеялись показать в настоящей статье, как работа над автоматическим парсингом словоформ современного языка способствует пониманию организации этих словоформ и, отчасти, относительной хронологии процессов их сложения. Видно, что эти процессы — в основном процессы грамматикализации и синтезаций (увеличения длины словоформы). В очень малой степени работают парадигматические выравнивания. По сути, этого мы и ожидаем от эволюции агглютинативного языка.

По мере наполнения корпуса и анализа языкового материала находятся новые данные, требующие пересмотра действующей модели, порой существенного. После выхода статьи [Дыбо и др. 2019] мы

рассчитывали сразу же опубликовать и настоящую работу, поскольку они являются взаимодополняющими. Однако потребовалось значительное время на то, чтобы устранить противоречия между разными частями модели. Сейчас парсер успешно анализирует более 95% словоформ. Большую часть неразобранных словоформ представляют имена собственные, редкие слова, диалектизмы и заимствования, не вошедшие в словарь, продуктивное словообразование (например, диминутивы), слова с опечатками, цифры, а также некоторые знаки препинания. Тем не менее до сих пор находятся и неучтенные грамматические явления, которые встречаются редко и не описаны в грамматиках и других известных нам работах. Поэтому вполне возможно, что к моменту выхода данной статьи парсер будет работать несколько иначе.

Список сокращений

Цифра после глоссы обозначает другой показатель с тем же значением, что показатель без цифры (например, Pres1). *Подписной индекс* обозначает номер одной из возможных для данного показателя позиций в словоформе, считая от начала (например, Poss₁ стоит в первой из возможных позиций для показателя Poss). Если аффикс может занимать в словоформе несколько позиций, то во всех случаях исходной (и наиболее частотной) является самая дальняя позиция от корня (из возможных). У исходной позиции индекс мы чаще всего опускаем: пишем P1, а не P1₂, Ass, а не Ass₃ и т. п.

Символы

- ∅ — нулевой алломорф
- # — неверный, но технически возможный разбор
- * — реконструированная форма
- | — или
- . — разделяет части кумулятивно выраженных грамем (Neg.NF, Imp.1sg)
- — отделяет словоизменяемые показатели при глоссировании: *ат-ты* (конь-Асс)
- = — отделяет словообразовательные показатели при глоссировании: *исти=л-бин-ибис-кен* (слышать=Pass-Neg.NF-Perf-Past) 'стало неслышно'.

Языки

- башк. — башкирский язык
- бельт. — бельтирский говор хакасского языка
- др.-тюрк. — древнетюркский язык
- рус. — русский язык
- саг. — сагайский диалект хакасского языка
- тур. — турецкий язык
- хак. — хакасский язык
- Sag, Kas, Kuz, Sh в конце глоссы показателя обозначает его принадлежность соответственно к сагайскому, качинскому, кызыльскому, шорскому диалектам хакасского языка. Dial в конце глоссы показателя говорит о его принадлежности к нескольким диалектам.

Общие

- гл. — глава
- доп. — дополнение
- отд. — отдел
- т. — текст

Глоссы

Показатели принадлежности

- 1pos.sg — 1-е л. ед. ч. посессора
- 2pos.sg — 2-е л. ед. ч. посессора
- 1pos.pl — 1-е л. мн. ч. посессора
- 2pos.pl — 2-е л. мн. ч. посессора
- 3pos — 3-е л. посессора

Лично-числовые показатели

- 1sg — 1-е л. ед. ч.
- 1pl — 1-е л. мн. ч.
- 2sg — 2-е л. ед. ч.
- 2pl — 2-е л. мн. ч.
- 3 — 3-е л.

Прочие глоссы

Abl — аблатив	Neg — отрицание
AblArch — устаревший аблатив	Neg.Cv — отрицательная форма деепричастия
Acc — аккузатив	Neg.Cv.Abl — аблатив отрицательного деепричастия
Add — аддитивная частица	Neg.Fut — отрицательная форма будущего времени
Adm — адмиратив	Neg.NF — отрицательная форма показателя non finitum
Adv — адвербиальный показатель	Neg.NFSh — отрицательная форма показателя non finitum для шорского диалекта
All — аллатив	NF (not finished non finitum) — основообразующий глагольный показатель
Ass — ассертивная частица	Nomen — имена
Assum — ассумптив (предположительное наклонение)	Opt — оптатив
Attr — атрибутивный показатель	Pl — множественное число
Case — падеж	Pass — пассивный залог
Caus — каузатив	Past — прошедшее время
Comit — комитатив	Perf, Perf1 — перфектив
Comp — компаратив	Perm — пермиссив (значение смягчения приказа)
Cond — условное наклонение	Person — лицо
Cont — континуативная частица	Poss (pos) — принадлежность
Cunc — кунктатив (еще не совершившееся действие)	PredPl — множественное число предиката
CvA — деепричастие на -А	Pres, Pres1 — настоящее время PresPtSag — причастие настоящего времени, форма сагайского диалекта
CvKac — деепричастие на -(А)бАс, форма качинского диалекта	Prol — пролатив
CvP — деепричастие на -(Ы)п	ProspSag — проспектив (состояние, предшествующее действию), форма сагайского диалекта
Dat — датив	Prec — прекативная частица
Delib — делибератив	Ptcl — частица
Distr — дистрибутив	Q — частица общего вопроса
Dur, Dur1 — дуратив	Rdpl — редупликация
Equ — экватив	Rec — реципрок
Foc — фокусная частица	Refl — рефлексив
Fut — будущее время	Rel — релятивизатор
Gen — генитив	RPast — недавно прошедшее время
Gen.3pos — субстантивированный генитив	S — основа
Gener — общее настоящее время	Sg — единственное число
Hab — хабиуталис	Simul — симулятив
Imp — императив	Temp — время
Indir — индиректив (очевидность либо заглазность) действия	Tmp — временной падеж в турецком языке
Instr — инструментальный падеж	Transp — транспозиция
Invar — класс неизменяемых слов	Verbum — глаголы
Invar1 — класс слов, не присоединяющих никаких показателей, кроме частицы ОК	Vis — наглядное прошедшее время
Lim — деепричастие предела в прошлом	Voc — вокатив
Loc — локатив	Voice — залог
Mood — наклонение	
N _{ag} — имя деятеля	

Источники

- Ай-Хуучин — Хакасский героический эпос «Ай Хуучын». Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 17).
- Алисаның чорыгы — Алисаның Хайхастар Чиринзер чорыгы (Alice's Adventures in Wonderland / Алиса в стране чудес). L. Carroll, пер. на хак. яз. М. Чертыковой. Portlaoise: Evertype, 2017.
- Алтын-Арыг — Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1998.
- Казачинова, Пистің аалның олғаннары — Г. Г. Казачинова. Пистің аалның олғаннары (Ребята нашего аала). Абакан, 1991.
- Катанов 1907 — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб., 1907.

Наа Молчаг — Наа Молчаг: Новый Завет на хакасском языке с параллельным русским Синодальным переводом. М.: ИПБ, 2011.

НПХ — Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега-принт, 2016. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 34).

Топоев, Хайхастыг чатхан — *И. П. Топоев*. Хайхастыг чатхан (Волшебный чатхан). Пьесы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010.

Трошкин, Мои воспоминания — *Н. Ф. Трошкин*. Мои воспоминания (сборник статей из газеты «Хакас чирі» / «Хабар»). Абакан, 2015.

УКХЯ — Устный корпус диалектов хакасского языка (http://lingconlab.ru/spoken_khakas/).

ХНС — Хакасские народные сказки / Сост. Е. С. Торокова. Новосибирск: Омега-принт, 2013. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33).

Чебодаева, Ёбекелерниң чолларыңча — *Л. И. Чебодаева*. Ёбекелерниң чолларыңча (По дорогам предков). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2011.

Шулбаева, Сыын мүүзи — *В. Г. Шульбаева*. Сыын мүүзи (Маральи рога). Абакан, 1977 (перевод — Абакан, 1996).

Литература

Алпатов 2018 — *В. М. Алпатов*. Слово и части речи. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Барулин 1984 — *А. Н. Барулин*. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Баскаков 1953 — Хакасско-русский словарь / Под ред. *Н. А. Баскакова*, с приложением грамматического очерка хакасского языка *Н. А. Баскакова*. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1953.

Володин 2004 — *А. П. Володин*. Проспект позиционной грамматики // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 74–96.

Володин, Храковский 1975 — *А. П. Володин, В. С. Храковский*. Типология морфологических классификаций глагола (на материале агглютинативных языков) // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М.: Наука, 1975. С. 170–196.

ГКБЯ 1976 — Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис / Под общ. ред. проф. *Н. А. Баскакова*. Нальчик: Эльбрус, 1976.

Глисон 1959 — *Г. Глисон*. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

Гращенко 2015 — *П. В. Гращенко*. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.

ГТЯ 1961 — *Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах*. Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.

Гузов, Насилов 1970 — *В. Г. Гузов, Д. М. Насилов*. О нулевых формах тюркского имени существительного в различных грамматических категориях // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VI годичная научная сессия ЛО ИВ АН, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Апрель 1970 года. М.: ГРВЛ, 1970. С. 142–144.

ГХЯ 1975 — Грамматика хакасского языка / Под ред. *Н. А. Баскакова*. М.: Наука, 1975.

Даниэль 2007 — *М. А. Даниэль*. Периферийные значения категории числа // *К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов* (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 286–309.

Джанашиа 1981 — *Н. Н. Джанашиа*. Морфология турецкого глагола. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1981.

Дмитриев 1962/1939 — *Н. К. Дмитриев*. Гагаузские этюды // *Н. К. Дмитриев*. Строй тюркских языков. М.: Восточная литература, 1962. С. 251–270.

Дыбо и др. 2016 — *А. В. Дыбо, А. В. Шеймович, С. А. Крылов*. Расстановка семантических и деривационных тэгов в электронном хакасско-русском словаре // Российская тюркология. 2016, 2 (15). С. 28–39.

Дыбо и др. 2019 — *А. В. Дыбо, Ф. С. Крылов, В. С. Мальцева, А. В. Шеймович*. Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка // Урало-алтайские исследования. 2019, 1 (32). С. 48–69.

Дыбо, Лемская 2017 — *А. В. Дыбо, В. М. Лемская*. Дискуссионная заметка к статье *Н. С. Уртегешева, И. Я. Селютиной и Т. Р. Рыжиковой* «Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях» // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 243–252.

Дыбо, Шеймович 2014 — *А. В. Дыбо, А. В. Шеймович*. Автоматический морфологический анализ для корпусов хакасского и древнетюркского языков // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2014. Вып. 1. С. 9–30.

Дыренкова 1948 — *Н. П. Дыренкова*. Грамматика хакасского языка. Абакан: Хакасское обл. нац. изд-во, 1948.

Жубанов и др. 2019 — *А. К. Жубанов, Т. С. Садыков, З. А. Сиразитдинов*. Синтез тюркской словоформы. Алматы: Лингвострановедческий инновационный центр КИЕ, 2019.

Зализняк 1967 — *А. А. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

- Зализняк 1977 — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.
- Карпов 2007 — *В. Г. Карпов*. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты) // *В. Г. Карпов*. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 105—161.
- Карпов 2014 — *В. Г. Карпов*. Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2014.
- Кибрик и др. 1977 — *А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловяникова, Д. С. Самедов*. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. Статическая грамматика. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977.
- Кызласова, Кичеева 2019 — *И. Л. Кызласова, К. В. Кичеева*. Глагольные формы на *-и(p)* в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019, 2 (38). С. 66—72.
- Мальцева 2004 — *В. С. Мальцева*. Структура глагольной словоформы в сагайском диалекте хакасского языка (говор с. Казановка). Дипломная работа. М., 2004.
- Мальцева 2017а — *В. С. Мальцева*. «Грамматика хакасского языка» как источник: показатель *-чат* в тексте и примерах // Народы Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова (27—29 сентября 2017 г.). Абакан, 2017. С. 200—203.
- Мальцева 2017б — *В. С. Мальцева*. Субстантивация с помощью словоизменительных показателей в хакасском языке. Доклад на 7-й международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров». Москва, Институт языкознания РАН; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 25—27 октября 2017 (<http://ossetic-studies.org/tmp2017/data/uploads/abstracts/malceva.pdf>).
- Мельчук 1997 — *И. А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Часть первая: Слово. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Мищенко 2017 — *Д. Ф. Мищенко*. Неглагольные предложения башкирского языка и способы выражения отрицания в них // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т. XIII. Ч. 1. Исследования по грамматике башкирского языка. СПб.: Наука, 2017. С. 110—146.
- Насилов 1966 — *Д. М. Насилов*. Прошедшее время на *-jūk/-juq* в древнеуйгурском языке // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М.: ГРВЛ, 1966. С. 92—104.
- Ооржак 2014 — *Б. Ч. Ооржак*. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Патачакова 2013 — *Д. Ф. Патачакова*. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк). Пособие для учителя. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2013.
- Пинес 1973 — *В. Я. Пинес*. Исчисление личных глагольных словоформ турецкого языка // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 211—221.
- Пинес, Ревзин 1969 — *В. Я. Пинес, И. И. Ревзин*. Описание морфологической структуры азербайджанского глагола с помощью грамматики порядков // Статистическое и информационное изучение тюркских языков. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1969. С. 19—24.
- Рассадин 1978 — *В. И. Рассадин*. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
- Ревзин, Юлдашева 1969 — *И. И. Ревзин, Г. Д. Юлдашева*. Грамматика порядков и ее использование // Вопросы языкознания. 1969. № 1. С. 42—56.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. *Э. Р. Тенишев*. М.: Наука, 1988.
- Солнцев и др. 1979 — *В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль, В. М. Алпатов, А. Е. Бертельс, Н. Н. Коротков, Г. Д. Санжеев, Г. Ш. Шарбатов*. О значении изучения восточных языков для общего языкознания // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 3—15.
- Субракова (ред.) 2006 — Хакасско-русский словарь (Хакас-орыс сөстiк) / Общ. ред. *О. В. Субраковой*. Новосибирск: Наука, 2006.
- Султрекова 2017 — *Э. В. Султрекова*. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2017.
- Тараканова 2008 — *И. М. Тараканова*. Словообразование имен существительных в хакасском языке. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2008.
- Татаринцев 2002 — *Б. И. Татаринцев*. Этимологический словарь тувинского языка. Т. II (Д—Й). Новосибирск: Наука, 2002.
- Татевосов 2018 — *С. Г. Татевосов*. О подпарадигме аналитических форм татарского глагола // Урало-алтайские исследования. 2018, 3 (30). С. 82—99.
- Чадамба 1974 — *З. Б. Чадамба*. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1974.
- Щербак 1957 — *А. М. Щербак*. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 18—26.
- Щербак 1981 — *А. М. Щербак*. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л.: Наука, 1981.

- ЭТЯТО 2017 — Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М.: Буки Веди, 2017.
- Adamović 1985 — M. Adamović. Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache. Leiden: Brill, 1985.
- Dybo et al. 2019 — A. Dybo, V. Maltseva, A. Sheymovitch, E. Sultrekova. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective // *Turkic Languages*. 2019, 23. P. 31—48.
- Erdal 1991 — M. Erdal. Old Turkic Word Formation. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.
- Erdal 2004 — M. Erdal. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
- Gleason 1955 — H. A. Gleason. Introduction to descriptive linguistics. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1955.
- Gordon 1957 — E. V. Gordon. An Introduction to Old Norse. 2nd ed. Oxford: The Clarendon Press, 1957.
- Göksel, Kerslake 2005 — A. Göksel, C. Kerslake. Turkish: A comprehensive grammar. London; New York: Routledge, 2005.
- Hengeveld 1992 — K. Hengeveld. Non-verbal predication. Theory, typology, diachrony. Functional Grammar Series 15. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Kornfilt 1997 — J. Kornfilt. Turkish. London: Routledge, 1997.
- Mishchenko 2021 — D. Mishchenko. Competing polypredicative reason / case constructions on Bashkir // Causal constructions in the world's languages. Book of abstracts. St. Petersburg, January 28—30, 2021. P. 60—62 (<https://iling.spb.ru/books/causality2020/book.pdf>).
- Plungian 2001 — V. Plungian. Agglutination and flexion // *Language Typology and Language Universals / Sprachtypologie und Sprachliche Universalien / La Typologie des Langues et les Universaux Linguistiques*. Vol. 1. Berlin, New York: De Gruyter, Inc., 2001. P. 669—678.
- Pomorska 2004 — M. Pomorska. Middle Chulym Noun Formation. Krakow: Księgarnia Akademicka, 2004. (*Studia Turcologica Cracoviensia*, vol. 9).
- Pritsak 1959 — O. Pritsak. Das Abakan und Chulymtürksprache und das Shorische // *Philologiae turcicae Fundamenta*. Tomus primus. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 598—640.

References

- Adamović 1985 — M. Adamović. Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache. Leiden: Brill, 1985.
- Alpatov 2018 — V. M. Alpatov. Slovo i chasti rechi. Moskva: Yazyki slavyanskoi kultury, 2018. {V. M. Alpatov. Word and parts of speech. Moscow: Languages of Slavic culture, 2018.}
- Barulin 1984 — A. N. Barulin. Teoreticheskie problemy opisaniya turetskoi imennoi slovoformy. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1984. {A. N. Barulin. Theoretical problems of describing of Turkish nominal word form. PhD thesis. Moscow, 1984.}
- Baskakov 1953 — Khakassko-russkii slovar' / Pod red. N. A. Baskakova, s prilozheniem grammaticheskogo ocherka khakasskogo yazyka N. A. Baskakova. Moskva, 1953. {N. A. Baskakov (ed.). Khakas-Russian Dictionary with the essay on Khakas grammar by N. A. Baskakov. Moscow, 1953.}
- Chadamba 1974 — Z. B. Chadamba. Todzhinskii dialekt tuvinskogo yazyka. Kyzyl, 1974. {Z. B. Chadamba. Todzha Tuvan. Kyzyl, 1974.}
- Daniehl' 2007 — M. A. Daniehl'. Periferiinye znacheniya kategorii chisla. In: K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, V. D. Solov'ev, S. G. Tatevosov (red.). Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike. Kazan': Magarif, 2007. S. 286—309. {M. A. Daniel. Peripheral values of the number category. In: K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, V. D. Solov'ev, S. G. Tatevosov (eds.). Mishar Dialect of Tatar Language: Essays on Syntax and Semantics. Kazan: Magarif, 2007. P. 286—309.}
- Dmitriev 1962/1939 — N. K. Dmitriev. Gagauzskie ehtyudy. In: N. K. Dmitriev. Stroi tyurkskikh yazykov. Moskva, 1962. S. 251—270. {N. K. Dmitriev. Gagauz studies. In: N. K. Dmitriev. The structure of the Turkic languages. Moscow, 1962. P. 251—270.}
- Dybo et al. 2019 — A. Dybo, V. Maltseva, A. Sheymovitch, E. Sultrekova. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. In: *Turkic Languages*. 2019, 23. P. 31—48.
- Dybo i dr. 2016 — A. V. Dybo, A. V. Sheimovich, S. A. Krylov. Rasstanovka semanticheskikh i derivatsionnykh tegov v ehlektronnom khakassko-russkom slovare. In: *Rossiiskaya tyurkologiya*. 2016, 2 (15). S. 28—39. {A. V. Dybo, A. V. Sheimovich, S. A. Krylov. Semantic and derivational tagging of the electronic Khakas-Russian dictionary. In: *Russian Turkology*. 2016, 2 (15). P. 28—39.}
- Dybo i dr. 2019 — A. V. Dybo, F. S. Krylov, V. S. Mal'tseva, A. V. Sheimovich. Segmentnye pravila v avtomaticheskom parsere Korpusa khakasskogo yazyka. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2019, 1 (32). S. 48—69. {A. V. Dybo, Ph. S. Krylov, V. S. Maltseva, A. V. Sheimovich. Segmental rules in the automatic parser for the Khakas corpus. In: *Ural-Altai Studies*. 2019, 1 (32). P. 48—69.}

- Dybo, Lemskaya 2017 — A. V. Dybo, V. M. Lemskaya. Diskussionnaya zametka k stat'e N. S. Urtegesheva, I. Ya. Seyutinoi i T. R. Ryzhikovoi "Foneticheskie preobrazovaniya v pozitsiyakh sandkhi v tuvinskikh analiticheskikh konstruktsiyakh". In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2017, 3 (26). S. 243—252. {A. V. Dybo, V. M. Lemskaya. A polemic note to the article "Phonetic transformations in the sandhi positions in the Tuvan analytic constructions" by N. S. Urtegeshev et al. In: Ural-Altai Studies. 2017, 3 (26). P. 243—252.}
- Dybo, Sheimovich 2014 — A. V. Dybo, A. V. Sheimovich. Avtomaticheskii morfologicheskii analiz dlya korpusov khakasskogo i drevnetyurksskogo yazykov. In: Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya. 2014. Vyp. 1. S. 9—30. {A. V. Dybo, A. V. Sheimovich. Automatic morphological analysis for the corpora of the Khakas and Old Turkic languages. In: Scientific Review of the Sayano-Altai. 2014. № 1. P. 9—30.}
- Dyrenkova 1948 — N. P. Dyrenkova. Grammatika khakasskogo yazyka. Abakan, 1948. {N. P. Dyrenkova. The grammar of Khakas. Abakan, 1948.}
- Dzhanashia 1981 — N. N. Dzhanashia. Morfologiya turetskogo glagola. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1981. {N. N. Dzhanashia. The morphology of the Turkish verb. Tbilisi: Tbilisi University Publishing House, 1981.}
- EHTYATO 2017 — Ehlementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialekt / Red. S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleimanov. Moskva: Buki Vedi, 2017. {Elements of the Tatar language in a typological view. Mishar dialect / S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleymanov (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2017.}
- Erdal 1991 — M. Erdal. Old Turkic Word Formation. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.
- Erdal 2004 — M. Erdal. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
- GKBYA 1976 — Grammatika karachaevo-balkarskogo yazyka. Fonetika, morfologiya, sintaksis / Pod obshechiy red. prof. N. A. Baskakova. Nal'chik: El'brus, 1976. {The grammar of Karachay-Balkarian. Phonetics, morphology, syntax / N. A. Baskakov (ed.). Nalchik: Elbrus, 1976.}
- GKHYA 1975 — Grammatika khakasskogo yazyka / Pod red. N. A. Baskakova. Moskva: Nauka, 1975. {The grammar of Khakas. N. A. Baskakov (ed.). Moscow: Nauka, 1975.}
- Gleason 1955 — H. Gleason. Introduction to descriptive linguistics. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1955.
- Glison 1959 — G. Glison. Vvedenie v deskriptivnuyu lingvistiku. Moskva: Izd-vo inostrannoy literatury, 1959. {H. Gleason. Introduction to descriptive linguistics. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1959.}
- Göksel, Kerslake 2005 — A. Göksel, C. Kerslake. Turkish: A comprehensive grammar. London; New York: Routledge, 2005.
- Gordon 1957 — E. V. Gordon. An Introduction to Old Norse. 2nd ed. Oxford: The Clarendon Press, 1957.
- Grashchenkov 2015 — P. V. Grashchenkov. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2015. {P. V. Grashchenkov. Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. Moscow: Languages of Slavic culture, 2015.}
- GTYA 1961 — F. G. Iskhakov, A. A. Palmbakh. Grammatika tuvinskogo yazyka. Moskva: Izd-vo vostochnoy literatury, 1961. {F. G. Iskhakov, A. A. Palmbakh. Tuvan grammar. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1961.}
- Guzev, Nasilov 1970 — V. G. Guzev, D. M. Nasilov. O nulevykh formakh tyurksskogo imeni sushchestvitel'nogo v razlichnykh grammaticheskikh kategoriakh. In: Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. Aprel' 1970 goda. Moskva: GRVL, 1970. S. 142—144. {V. G. Guzev, D. M. Nasilov. On zero forms of the Turkic noun in various grammatical categories. In: Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. April 1970. Moscow: GRVL, 1970. P. 142—144.}
- Hengeveld 1992 — K. Hengeveld. Non-verbal predication. Theory, typology, diachrony. Functional Grammar Series 15. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Karpov 2007 — V. G. Karpov. Sistema glagola v sovremennom khakasskom yazyke (strukturnyi i funktsional'no-semanticheskii aspekty). In: V. G. Karpov. Khakasskii yazyk: problemy i perspektivy razvitiya. Abakan, 2007. S. 105—161. {V. G. Karpov. Verbal system in modern Khakas (structural and functional-semantic aspects). In: V. G. Karpov. Khakas: problems and ways of development. Abakan, 2007. P. 105—161.}
- Karpov 2014 — V. G. Karpov. Iz'yavitel'noe naklonenie glagola v sovremennom khakasskom yazyke. Abakan, 2014. {V. G. Karpov. The indicative mood in modern Khakas. Abakan, 2014.}
- Kibrik i dr. 1977 — A. E. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. P. Ovs'annikova, D. S. Mamedov. Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka. T. 2. Staticallyskaya grammatika. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 1977. {A. E. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. P. Ovs'annikova, D. S. Mamedov. An attempt of a structural description of the Archi language. Vol. 2. Static grammar. Moscow: Moscow University Press, 1977.}
- Kornfilt 1997 — J. Kornfilt. Turkish. London: Routledge, 1997.
- Kyzlasova, Kicheeva 2019 — I. L. Kyzlasova, K. V. Kicheeva. Glagol'nye formy na *-i(r)* v khakasskom yazyke. In: Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2019, 2 (38). S. 66—72. {I. L. Kyzlasova, K. V. Kicheeva. Verb forms in *-u(p)* in the Khakas. In: Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia. 2019, 2 (38). S. 66—72.}
- Mal'tseva 2004 — V. S. Mal'tseva. Struktura glagol'noi slovoformy v sagaiskom dialekte khakasskogo yazyka (govor s. Kazanovka) / Diplomnaya rabota. Moskva, 2004. {V. S. Maltseva. The structure of the verbal wordform in the Sagai dialect of the Khakas language (sub-dialect of Kazanovka village). Master's thesis. Moscow, 2004.}

Mal'tseva 2017a — V. S. Mal'tseva. “Grammatika khakasskogo yazyka” kak istochnik: pokazatel' *-chat* v tekste i primerakh. In: Narody Yuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii. Materialy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 155-letiyu so dnya rozhdeniya N. F. Katanova (27—29 sentyabrya 2017 g.). Abakan, 2017. S. 200—203. {V. S. Maltseva. “The grammar of Khakas” as a source: the affix *-cham* in the text and examples. In: Proceedings of the 4th International Scientific Conference “Peoples of Southern Siberia and adjacent territories” dedicated to the 155th anniversary of N. F. Katanov (September 27—29, 2017). Abakan, 2017. P. 200—203.}

Mal'tseva 2017b — V. S. Mal'tseva. Substantivatsiya s pomoshch'yu slovoizmenitel'nykh pokazatelei v khakasskom yazyke. Doklad na 7-i mezhdunarodnoi konferentsii “Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov”. Moskva, Institut yazykoznaniya RAN; Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina, 25—27 oktyabrya 2017. (<http://ossetic-studies.org/tmp2017/data/uploads/abstracts/malceva.pdf>) {V. S. Maltseva. Nominalisation by means of inflectional affixes in Khakas. Report at the 7th international conference “Typology of morphosyntactic parameters”. Moscow, Institute of Linguistics RAS; State Institute of the Russian Language named after A. S. Pushkin, October 25—27, 2017.}

Mel'chuk 1997 — I. A. Mel'chuk. Kurs obshchei morfologii. T. I. Vvedenie. Chast' pervaya: Slovo. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. {I. A. Melchuk. The course of general morphology. Vol. I. Introduction. Part One: The Word. Moscow: Languages of Russian culture, 1997.}

Mishchenko 2017 — D. F. Mishchenko. Neglagol'nye predlozheniya bashkirskogo yazyka i sposoby vyrazheniya otritsaniya v nikh. In: Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. XIII. Ch. 1. Issledovaniya po grammatike bashkirskogo yazyka. Sankt-Peterburg: Nauka, 2017. S. 110—146. {D. F. Mishchenko. Non-verbal sentences of the Bashkir language and ways of expressing of negation. In: Acta Linguistica Petropolitana: Proceedings of the Institute of Linguistic Research. Vol. XIII. Part 1. Research on the grammar of the Bashkir language. Saint Petersburg: Nauka, 2017. P. 110—146.}

Mishchenko 2021 — D. Mishchenko. Competing polypredicative reason / case constructions on Bashkir. In: Causal constructions in the world's languages. Book of abstracts. St. Petersburg, January 28—30, 2021. P. 60—62 (<https://iling.spb.ru/books/causality2020/book.pdf>).

Nasilov 1966 — D. M. Nasilov. Proshedshee vremya na *-jükl/-juq* v drevneuigurskom yazyke. In: Tyurkologicheskii sbornik. K 60-letiyu A. M. Kononova. Moskva, 1966. S. 92—104. {D. M. Nasilov. The past tense in *-jükl/-juq* in Old Uyghur. In: Turkological collection. To the 60th anniversary of A. N. Kononov. Moscow, 1966. P. 92—104.}

Oorzhak 2014 — B. Ch. Oorzhak. Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. {B. Ch. Oorzhak. The tense system of Tuvan. Moscow: Languages of Slavic culture, 2014.}

Patachakova 2013 — D. F. Patachakova. Kyzyl'skii dialekt khakasskogo yazyka (kratkii ocherk). Posobie dlya uichtel'ya. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo, 2013. {D. F. Patachakova. Kyzyl Khakas: a brief essay. Teacher's guide. Abakan: Khakas book publishing house, 2013.}

Pines 1973 — V. Ya. Pines. Ischislenie lichnykh glagol'nykh slovoform turetskogo yazyka. In: Problemy grammaticheskogo modelirovaniya. Moskva: Nauka, 1973. S. 211—221. {V. Ya. Pines. Calculus of personal verbal word forms of the Turkish language. In: Problems of grammatical modeling. Moscow: Nauka, 1973. P. 211—221.}

Pines, Revzin 1969 — V. Ya. Pines, I. I. Revzin. Opisaniye morfologicheskoi struktury azerbaidzhanskogo glagola s pomoshch'yu grammatiki poryadkov. In: Statisticheskoe i informatsionnoe izuchenie tyurkskikh yazykov. Alma-Ata, 1969. S. 19—24. {V. Ya. Pines, I. I. Revzin. Description of the morphological structure of the Azerbaijani verb using the grammar of orders. In: Statistical and informational study of Turkic languages. Alma-Ata, 1969. P. 19—24.}

Plungian 2001 — V. Plungian. Agglutination and flexion. In: Language Typology and Language Universals / Sprachtypologie und Sprachliche Universalien / La typologie des Langues et les Universaux Linguistiques. Vol. 1. Berlin; New York: De Gruyter, Inc., 2001. P. 669—678.

Pomorska 2004 — M. Pomorska. Middle Chulym Noun Formation. Krakow: Księgarnia Akademicka, 2004. (Studia Turcologica Cracoviensia, vol. 9).

Pritsak 1959 — O. Pritsak. Das Abakan und Chulymtürksprache und das Shorische. In: Philologiae turicae Fundamenta. Tomus primus. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 598—640.

Rassadin 1978 — V. I. Rassadin. Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii. Moskva: Nauka, 1978. {V. I. Rassadin. Morphology of the Tofalar language in a comparative view. Moscow: Nauka, 1978.}

Revzin, Yuldasheva 1969 — I. I. Revzin, G. D. Yuldasheva. Grammatika poryadkov i ee ispol'zovanie. In: Voprosy yazykoznaniya. 1969. № 1. S. 42—56. {I. I. Revzin, G. D. Yuldasheva. Grammar of orders and its use. In: Voprosy jazykoznaniya. 1969. № 1. P. 42—56.}

Shcherbak 1957 — A. M. Shcherbak. Sposoby vyrazheniya grammaticheskikh znachenii v tyurkskikh yazykakh. In: Voprosy jazykoznaniya. 1957. № 1. S. 18—26 {A. M. Shcherbak. Ways of grammatical meanings expressing in Turkic languages. In: Voprosy jazykoznaniya. 1957. № 1. P. 18—26.}

Shcherbak 1981 — A. M. Shcherbak. Ocherki po sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov (glagol). Leningrad: Nauka, 1981. {A. M. Shcherbak. Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Verb). Leningrad: Nauka, 1981.}

SIGTYA 1988 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya / Otв. red. Eh. R. Tenishev. Moskva: Nauka, 1988. {Comparative-historical grammar of Turkic languages: Morphology. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 1988.}

Solntsev 1979 — V. M. Solntsev i dr. O znachenii izucheniya vostochnykh yazykov dlya obshchego yazykoznanija. In: Voprosy jazykoznanija. 1979. № 1. S. 3—15 {V. M. Solntsev et al. On the Importance of Studying of Oriental Languages for General Linguistics. In: Voprosy jazykoznanija. 1979. № 1. P. 3—15.}

Subrakova (ed.) 2006 — Khakassko-russkii slovar' (Khakas-orys söstik) / Pod red. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk: Nauka, 2006. {O. V. Subrakova (ed.). Khakas-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2006.}

Sultrekova 2017 — Eh. V. Sultrekova. Sravnitel'nye konstruksii khakasskogo yazyka. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. {E. V. Sultrekova. Comparative constructions of Khakas. Abakan: Khakas book publishing house, 2017.}

Tarakanova 2008 — I. M. Tarakanova. Slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v khakasskom yazyke. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. {I. M. Tarakanova. The nominal derivation in Khakas. Abakan: Khakas book publishing house, 2008.}

Tatarintsev 2002 — B. I. Tatarintsev. Ehtimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka. T. II (D—I). Novosibirsk: Nauka, 2002. {B. I. Tatarintsev. Etymological dictionary of Tuvan. Vol. II (Д—Й). Novosibirsk: Nauka, 2002.}

Tatevosov 2018 — S. G. Tatevosov. O podparadigme analiticheskikh form tatarskogo glagola. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2018, 3 (30). S. 82—99. {S. G. Tatevosov. On the periphrastic verbal subparadigm of Tatar. In: Ural-Altaic Studies. 2018, 3 (30). P. 82—99.}

Volodin 2004 — A. P. Volodin. Prospekt pozitsionnoi grammatiki. In: 40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole. Moskva: Znak, 2004. S. 74—96 {A. P. Volodin. Prospect of Positional Grammar. In: 40th Anniversary of St. Petersburg Typological School. Moscow: Znak, 2004. P. 74—96.}

Volodin, Khrakovskii 1975 — A. P. Volodin, V. S. Khrakovskii. Tipologiya morfologicheskikh klassifikatsii glagola (na materiale agglutinativnykh yazykov). In: Tipologiya grammaticheskikh kategorii: Meshchaninovskie chteniya. Moskva: Nauka, 1975. S. 170—196 {A. P. Volodin, V. S. Khrakovskii. Typology of morphological classifications of the verb (based on agglutinative languages). In: Typology of grammatical categories: Meshchaninov memorial conference. Moscow: Nauka, 1975. P. 170—196.}

Zaliznyak 1967 — A. A. Zaliznyak. Russkoe imennoe slovoizmenenie. Moskva: Nauka, 1967. {A. A. Zaliznyak. Russian nominal inflection. Moscow: Nauka, 1967.}

Zaliznyak 1977 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Moskva: Russkii yazik, 1977. {A. A. Zaliznyak. Grammar Dictionary of the Russian Language. Moscow: Russian language, 1977.}

Zhubanov i dr. 2019 — A. K. Zhubanov, T. S. Sadykov, Z. A. Sirazitdinov. Sintez tyurkskoi slovoformy. Almaty: Lingvostranovedcheskii Innovatsionnyi tsentr KIE, 2019. {A. K. Zhubanov, T. S. Sadykov, Z. A. Sirazitdinov. The synthesis of the Turkic word form. Almaty: Lingvostranovedcheskii innovatsionnyi tsentr KIE, 2019.}

Движение в японском языке: объектное понимание глагольных аргументов

Стрижак Ульяна Петровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); ustrizhak@hse.ru

В рамках изучения японской агентивности возникает вопрос, почему в японском языке, который в целом склонен проявлять нетранзитивные свойства, движение оформляется аккузативно, что значительно повышает общую агентивность высказывания. Учитывая, что в семантике глаголов движения отсутствует эксплицитно выраженная прямая передача действия на объект, объектное оформление глагольных аргументов в описании передвижения требует более пристального рассмотрения с точки зрения соответствия прототипической транзитивной модели. В работе анализируется статус японского «аккузатива перемещения» в его формальном и семантическом толкованиях, а также рассматривается когнитивный фон объектного представления пространства в японском языке; выделяется объектное и обстоятельственное понимание движения и определяется степень выраженности у них объектных признаков. Выдвигается и обосновывается гипотеза, что, в отличие от европейских языков, которые обозначают пространственный ориентир, разделяя место и деятеля, японский язык побуждает человека отождествить себя с присваиваемой территорией. В результате обнаруживается, что формальное единообразие локативных и объектных формул не всегда равно семантическому: иногда движение интерпретируется локативно, иногда это не более чем описание обстоятельств. Таким образом, представляется возможным частично исключить локативные структуры из поля агентивности в силу их несоответствия прототипу переходной модели даже при формальном соответствии транзитивным структурам и, следовательно, рассматривать японские конструкции движения как низкоагентивные или полностью неагентивные.

Ключевые слова: аргументы глаголов движения, локативные конструкции, объектные признаки, агентивность, японский язык, актантное распределение

MOVEMENT IN JAPANESE: OBJECTIVE UNDERSTANDING OF THE VERB ARGUMENTS

Uliana P. Strizhak, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); ustrizhak@hse.ru

The study of Japanese agentivity leads to the debatable point of why Japanese, which mainly follows a non-transitive model, demonstrates accusative case marking for the motion, resulting in the increased overall agentivity of the utterance. Since the semantics of the motion verbs lacks an explicit direct transfer of the action to the object, the object marking of Japanese locatives in the description of motion requires closer consideration as to whether they are a prototypical transitive model. This article analyzes the status of the Japanese “movement accusative” in its formal and semantic interpretation and examines the cognitive background of the accusative representation of space in Japanese. The objective and adverbial understanding of movement is singled out and their objective features are determined. In describing the cognitive background of the representation of the motion in Japanese this article puts forward and substantiates a hypothesis that European languages usually designate a spatial landmark as an action platform thus separating the place and the actor, while Japanese encourages a human to identify himself with the assigned territory. As a result, the Japanese formal unity of locative and object formulas does not mean that they are always semantically equal: in some cases, movement can be interpreted either as focusing on a locative object or it is nothing more than a description of circumstances. Consequently, it seems possible to partially exclude locative structures from agentivity due to their discrepancy with the prototypical transitive model, even if they formally correspond to transitive structures. Therefore, some Japanese motion constructions can be considered as low-agentive or completely non-agentive.

Keywords: motion verb arguments, locative constructions, object features, agentivity, Japanese language, argument distribution

Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» в 2021 г. Автор выражает благодарность анонимным рецензентам статьи за ценные замечания по содержанию работы.

Введение

Глаголы движения описывают самостоятельно осуществляемое или каузируемое изменение положения в пространстве, т. е. процесс перемещения из одной точки в другую; исходя из этого, в данной работе мы принимаем термины *движение* и *перемещение* за синонимичные, следуя определению Е. В. Рахилиной: глаголы движения — это «глаголы, в семантическое представление которых входит смысловой компонент ‘перемещаясь, перестать находиться в некотором месте’ и/или ‘перемещаясь, начать находиться в некотором месте’» [Рахилина 1990: 91]. Японские глаголы движения обладают ярко выраженными лабильными свойствами; соответственно, и первый, и второй варианты передвижения в пространстве синтаксически могут быть представлены разными способами: обозначение передвижения по маршруту оформляется аккумулятивно с помощью послелога *wo*, а для обозначения ненаправленного движения в японском языке есть универсальный для многих языков набор служебных элементов, описывающих динамический аспект пространственных отношений, причем многие глагольные предикаты движения допускают оба варианта управления, например: глагол *tobu* ‘лететь’ управляет соответствующим аргументом как объектно: *sora wo tobu* в значении ‘лететь по небу’, так и локативно: *sora de tobu* ‘лететь в небе’; при этом послелог *de*, обычно обозначающий локативную группу при активном глаголе, придает высказыванию оттенок свободного перемещения в пространстве без следования определенному курсу. Изучение разграничения аккумулятивного и других видов оформления движения не является задачей данной работы, и мы будем рассматривать случаи употребления директивного, локативного, предельного, аблативного и прочих пространственных послелогов только в сопоставительном аспекте для понимания сущности объектного представления движения в японском языке. Таким образом, обозначим главный вопрос исследования: выражает ли аккумулятивное оформление глагольного аргумента с семантической ролью Места¹ его объектную природу или в данном случае речь идет о двух разных падежах и падежное оформление передвижения в японском языке имеет характеристики, не свойственные прототипически аккумулятивному. В зависимости от ответа на этот вопрос мы сможем судить о степени агентивности японского языкового представления процессов передвижения.

Следует отметить, что среди лингвистов нет единой позиции по вопросу о семантическом статусе аккумулятора при глаголах передвижения. Так, А. Б. Летучий подчеркивает дробность членения поля движения и разнородность глаголов движения, которые «захватывают и агентивные, и пациентивные ситуации; с этим связано двоякое поведение языковых систем» [Летучий 2013: 196]. Проблема определения границ переходности в контексте движения актуальна для многих языков — в типологическом освещении роль семантических признаков в выборе актантной рамки двухместных глаголов, в том числе глаголов движения, рассматривается в проекте *BivalTyp*² под руководством С. С. Сая. В сборнике по итогам этого проекта [Сай (ред.) 2018] анализируются вопросы диахронического развития падежного варьирования в оформлении движения в прапермском и современном коми-зырянском языках [Сергеева 2018: 339—340]; влияние морфологических признаков актантов (род) на выбор актантной рамки в описании процессов движения в цыганском языке [Кожанов 2018: 228]; сложность отнесения локативных участников к определенному актантному классу в японском языке [Конума 2018: 441—442, 447, 453] — данные, полученные Ю. Конума, подтверждаются и дополняются в настоящей статье; семантически обусловленная необходимость введения дополнительных участников в синтаксические локативные структуры китайского и других языков [Сай (ред.) 2018: 36; Колпачкова 2018: 464—465] (последнее актуально и для японского языка и будет рассмотрено ниже); привлекаются материалы арабского, башкирского, итальянского, тувинского и других языков. В описании предварительных итогов типологического исследования подчеркивается важность учета таких семантических компонентов, как пространственная относительность движения к ориентиру или от него, избегание контакта, конкретность физического значения, выражаемого предикатами движения, и т. д. [Сай (ред.) 2018: 569—570], значимость которых будет рассмотрена и в ходе нашей работы.

Источником языкового материала данной статьи послужил японский веб-корпус Tsukuba (TWC), разработанный совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Ин-

¹ В данной работе мы будем следовать традиции Московской семантической школы выделять семантическую роль *Места* и понимать ее широко, включая вслед за Ю. Д. Апресяном в это понятие начальную и конечную точки движения, источник, маршрут и т. д. [Апресян 1995: 125—126, 130].

² Проект *BivalTyp* под руководством С. С. Сая <https://www.bivaltyp.info/>, посвященный анализу моделей кодирования актантов двухместных предикатов в 78 языках различной генеалогической и ареальной принадлежности. Автор выражает благодарность рецензенту за предоставленную ценную информацию о данном проекте, позволившем более полно изучить особенности оформления глаголов движения в типологической перспективе.

ститутом языка Лаго (1,1 млрд слов) с соответствующей системой поиска NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus³. Некоторые примеры были предоставлены и интерпретированы информантами — носителями языка⁴; при этом такие примеры в большинстве случаев также подвергались корпусной проверке, что позволяло верифицировать, дополнить или подвергнуть сомнению отдельные трактовки. Существующие на сегодняшний день корпуса японского языка синтаксически не аннотированы, что предопределило поиск данных в корпусе по отдельным лексемам, а примеры их сочетаемости и падежного оформления отбирались вручную методом сплошной проверки. Кроме того, для иллюстрации некоторых теоретических положений в работе заимствованы примеры из японоязычной научной литературы, которые впервые в японистике рассматриваются и систематизируются с целью определения природы объектного оформления локативных участников в японском языке.

В отечественной лингвистической литературе японские глаголы движения впервые были описаны в исследовании И. И. Басс, посвященном выявлению в них элементарных смыслов и упорядочиванию данных семантических элементов в рамках японских синтаксических структур, в частности путем выделения и структурного описания таких характеризующих признаков, как контактность, удаленность и т. д. [Басс 1973: 4, 6—9]. В недавних трудах поле движения освещено в работе М. В. Дуровой, выполненной в рамках структурно-семантического подхода, где выделяется несколько пространственных моделей японского языка с разделением по типу перемещения, наличию каузативного компонента и т. д. [Дурова 2016], а также в исследовании А. А. Кузнецова, где глаголы движения *iku* и *kuru* рассматриваются как андатив и вентив в их грамматикализованном варианте с учетом семантической нагруженности — здесь в описании структурных характеристик уже затрагиваются аспекты эмпатии, вовлеченности, степени персонификации субъекта и т. д. [Кузнецов 2020]. В японоязычном исследовательском поле процессы движения анализируются в тесной связи как с семантической наполненностью предикатов, так и с учетом синтаксической структуры локативных высказываний [Сугимото 1995; Миякэ 1996; Суми 2003; Хо 2003; Като 2006; Накао 2012 и др.]. Выделяются три основных типа процессов: 1) передвижение, обозначаемое термином *idou*, — исходя из содержательной наполненности морфем, такой тип можно определить как ‘процесс, акцентирующий изменение местоположения в пространстве’; в данной работе мы будем широко понимать этот термин как направленное движение, относя сюда все подвиды, связанные с какими-либо точками отсчета: исходное, директивное, де- и адлокативное и т. д., например: *ie wo deru* ‘выйти из дома’; 2) передвижение *keiro* как ‘процесс, акцентирующий наполненность движения’ (морфемы *путь* и *испытать в полном объеме*), под которым мы будем подразумевать замкнутое ненаправленное движение с отсутствием указания на результирующее пересечение Места, например: *kankouchi wo tawaru* ‘обойти достопримечательности’; 3) передвижение *tsuuka* со значением *проходить сквозь* и с соответствующим акцентом на пересечение границ, которым мы будем обозначать ‘процесс сквозного движения’, например: *hashi wo wataru* ‘пересечь мост’ (наличие у объекта *мост* точки входа и выхода).

В целом японские исследователи сходятся в категоризации и обозначении видов движения, но единство по вопросу объектного статуса аккузативно оформленных пространственных ориентиров до сих пор не достигнуто. С. Като отмечает, что в японском языке «есть признанный стандарт оформления движения, но в рамках этого стандарта понимание Места как объекта очень вариативно, что обуславливает наличие неоднозначно интерпретируемых локативных дополнений и сложность их классификации» [Като 2006: 180]. Например, в ранних работах Т. Сугимото подчеркивается, что глагольный аргумент движения в пространственных конструкциях не является в строгом смысле объектом, а представляет собой особый актант, обслуживаемый «падежом движения» [Сугимото 1995: 121]. При этом указывается, что некоторые виды перемещения в пространстве — например, делокативный вариант, связанный с выходом из исходной точки, — «близки по своим характеристикам к транзитивной модели отражения действительности за счет полной вовлеченности локативного актанта в динамический процесс передвижения» [там же: 120]. В работах этого и других японских авторов, постулирующих *необъектную* сущность аккузатива, приводятся следующие доказательства такой позиции. Во-первых, в описании движения разрешается использование двойного аккузатива, что доказывает разность грамматической сущности двух объектно оформленных аргументов. Информанты-носители в комментариях к нижеследующему примеру отметили, что в случае глаголов движения двойной аккузатив допустим, т. к. «это два разных по сути своей объекта»⁵:

³ См. <https://nlb.ninjal.ac.jp/>

⁴ Автор выражает благодарность информантам — носителям японского языка профессору И. Камэяма (Институт иностранных исследований, г. Нагоя, Япония), доценту Ё. Аракава (СПбГУ) и старшему преподавателю Х. Абэ (Школа востоковедения НИУ ВШЭ) за помощь в предоставлении и интерпретации примеров.

⁵ Примеры и их интерпретация, включая определение степени допустимости того или иного высказывания, если не указано иное, были предложены информантами — носителями японского языка.

- (1) a. *Taro wa Hanako wo toori wo hashiraseta.*
 Таро TOP Ханako ACC улица ACC бежать.CAUS.PST
 ‘Таро заставил Ханako бежать по улице’.
- b. **Taro wa Hanako wo atama wo nagutta.*
 Таро TOP Ханako ACC голова ACC ударить.TR.PST
 ‘Таро ударил Ханako по голове’.

В (1b) и Ханako, и голова являются прямыми объектами, что исключает использование двойного аккузатива по правилу *nijuu taikaku seigen* ‘ограничения на двойной объектный падеж’, введенному С. Харада в 1973 г., а первый вариант с разными семантическими ролями (Ханako — объект, улица — Место) демонстрирует допустимость подобных конструкций, что доказывает отличие локативного дополнения от объектного по своим грамматическим характеристикам, хотя примеры такого употребления встречаются относительно редко. Проведенная нами корпусная проверка каузативной формы предиката *hashiru* ‘бежать’ показала, что из 6444 вхождений только в 53 случаях встречается аккузативное оформление двух объектов, один из которых обязательно имеет семантическую роль Места: или в прямом значении (заставить бежать / пустить что-л. по дороге, берегу реки, рельсам, поверхности воды, крепостной стене и т. д.), или в обстоятельственном (запустить свет в вакуум, пустить машину в ночи или джип сквозь песчаную пыль и т. д.), — эти типы локативных участников будут рассмотрены далее. Также представляется возможным расширить указанное выше ограничение до запрета на биаккузативное оформление двух актантаов с ролью Места (как и с любой одинаковой семантической ролью), например:

- (2) a. *Fukitsukeru yuki no naka wo hitoke no nai michi wo susundeita.*
 продувающий снег GEN внутренность ACC безлюдный дорога ACC продвигаться.PROG.PST
 ‘Продвигались сквозь продувающий со всех сторон снег по безлюдной дороге’.
- b. **Kootta yuki no naka wo jizen ni kimete oita ru:to wo susundeita.*
 замерзший снег GEN внутренность ACC заранее определенный путь ACC продвигаться.PROG.PST
 ‘Продвигались сквозь замерзший снег по заранее определенному пути’.

В (2a) *furitsukeru yuki* ‘снег, заносающий порывами ветра человека’ со всех сторон и мешающий продвижению вперед, рассматривается как обстоятельства и может быть назван «событийным аккузативом», где содержательно близкая к обстоятельствам именная группа служит фоном для происходящего, а сочетание *kootta yuki* ‘замерзший, заледенелый снег’ в (2b) в силу своей физической оформленности принимается за Место. За счет данной разницы в семантике именной группы *снег* вариант (2a) допускает двойной аккузатив, а в (2b) нарушается правило запрета двойного аккузатива, т. к. и фрагмент пути в виде участка из заледенелого снега, и основной маршрут являются актантами с семантической ролью Места. При этом в случае исключения одного из таких актантаов в (2b) предложение признается грамматичным: *Kyokuchi chousagun wa kootta yuki wo susunda* ‘Полярная экспедиция продвигалась по замерзшему снегу’ [Като 2006: 142—143]. Такие же примеры обстоятельственного контекста передвижения с допущением двойного аккузатива приводит Ю. Накао: *odayaka na haru no hi no naka wo kouen wo sanpo shita* ‘гулял по парку в теплый весенний день’ или *hitogomi no naka wo mise wo deta* ‘выбрался из магазина через толпу людей’ [Накао 2012: 83].

Вторым доказательством *необъектности* аргументов глаголов движения может служить тот факт, что локативные конструкции в большинстве случаев не проходят проверку на пассив: аккузативно оформленное Место преимущественно не допускается на позицию субъекта в страдательном залоге, хотя М. Сибатани и приводит подобные примеры: *ryoukuu wa gaikokuki ni tobarete iru* ‘воздушное пространство *пролетает* иностранным самолетом’; *yamatichi wa hito ni arukarete iru* ‘горная дорога *проходима* пешком людьми’ (цит. по [Сугимото 2009: 10]). При этом корпусные данные показывают в основном гоноративное употребление пассивных форм японских глаголов движения за редким исключением непосредственно пассивного значения, типа: *Mukashi wa yoku arukarete iru michi mitai* ‘Похоже, что эта дорога в древности была часто *ходима* (букв.)’. В сопоставительном исследовании японского и китайского языкового материала [Ё 2004: 131—132] приводятся и другие способы проверки локативного дополнения, обнаруживающие, что в некоторых случаях аккузативно оформленное Место ведет себя как объектный аргумент: в потенциальных и дезидеративных конструкциях *tekkyou wo wataru* ‘перейти мост’ → *tekkyou ga watareru* ‘возможно перейти мост’; при субстантивизации: *oka wo noboru no ga hajimaru* ‘начинается восхождение’ → атрибутивное *oka no nobori ga hajimaru* по аналогии с *kankokugo wo benkyou suru* ‘изучать корейский язык’ → *kankokugo no benkyou* ‘изучение корейского языка’ и т. д. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего изучения и дополнительного привлечения иных диагностических контекстов.

Некоторые японские исследователи отказывают аккузативному послелогу *wo* в его локативной функции в статусе полноценного падежа, называя его «внутренним показателем», т. к. действие замыкается в себе, чего требует непереходная модель [Сугимото 2009]. Ю. Накао также утверждает, что локативная именная группа при глаголах движения может быть интерпретирована как обстоятельство, в которых происходит действие; С. Като приравнивает обстоятельственный вид аккузатива к наречной интерпретации оформления акта движения, говоря о семантическом тождестве двух синтаксических вариантов типа *fubuki no naka wo / fubuki no naka de ririku suru* ‘взлететь в условиях сильной метели’ [Като 2006: 141, 143] (похожую трактовку дает И. А. Невская в изложении ситуации выбора между винительным и неопределенным падежами на материале тюркских языков Южной Сибири, где указывает на «характеризующий оттенок <...> имени пространства» в описании локативов, близких по семантике к обстоятельственным актантам [Невская 2005: 110]). Показательно, что в определении сути объектности в своих более поздних работах Т. Сугимото дискутирует с собой ранним и, хотя и продолжает подчеркивать функционально-семантическое различие разных вариантов употребления аккузативного *wo* при его формальном единстве, отмечает, что развившийся за эти годы когнитивный подход актуализирует обнаружившуюся семантическую близость аккузативных показателей объекта и Места [Сугимото 2009], и предлагает рассматривать локативное *wo* как частный случай объектного. Ю. Накао также выделяет локативное *wo* как подвид объектного [Накао 2012], при этом относит к объектному употреблению *wo* только те случаи, когда пересекаемое пространство воспринимается как цельный объект, имеющий границы. Иные случаи передвижения определяются им как близкие к обстоятельственному оформлению действия: *gouji no naka wo hashiru* ‘бежать под проливным дождем’. К этому положению мы вернемся в последующих разделах.

Таким образом, общий массив японских исследований по проблеме аккузативного оформления движения можно условно разделить на две группы, первая из которых выделяет специальные, омонимичные объектному *переместительный* падеж *idoukaku* или *локативный* падеж *bashokaku*, что соответствует формальному толкованию в падежной теории, не допускающему наличия двух одинаковых падежей с разной функциональной наполненностью (указанная интерпретация сути падежных показателей взята нами из [Зализняк 2002: 614—615]). Представители второй группы частично приписывают непереходным глаголам переходные свойства, обозначая глаголы движения как *tadouteki-jidoushi* ‘переходно-ориентированные непереходные глаголы’, — иными словами, придерживаются семантического подхода к пониманию падежа как «элемента смысла», когда один и тот же падеж может быть истолкован вариативно в рамках общей идеи (см. о семантическом понимании падежа в [там же: 615]). Представитель второй группы У. Якобсен подчеркивает, что движение, наряду с другими волевыми, намеренно совершаемыми действиями, близко по своей природе к переходной модели понимания реальности при условии полноценного охвата в процессе движения фрагмента окружающей действительности, обозначаемого как Место (цит. по [Ё 2004: 130]). Далее мы рассмотрим японские конструкции движения с точки зрения степени объектности аргументов, чтобы ответить на вопрос: соответствуют ли японские конструкции движения прототипической транзитивной модели или их можно исключить из поля переходности. Учитывая количество и вариативность семантических критериев, определяющих структуру транзитивной модели, предположим, что это будет не дихотомия, а шкала объектности, на которой аргументы глаголов движения будут распределены по степени выраженности у них признаков переходности.

* * *

Сущностные характеристики переходности наиболее полно описаны в модели П. Хоппера и С. Томпсона, где выделены критерии семантической транзитивности [Hopper, Thompson 1980]; в целом переходность является объектом исследования большого количества научных работ, в которых она рассматривается и как грамматическая, и как понятийная, и как логическая категория. Обобщив выделяемые в разных классификациях черты переходности, остановимся на наиболее существенных с нашей точки зрения параметрах транзитивной модели. Прежде всего переходность предполагает обязательное наличие второго участника ситуации, который становится объектом передачи действия, что, в свою очередь, приводит к изменению состояния этого участника. Такое воздействие чаще всего характеризуется волиитивностью и способностью субъекта осознавать происходящее и контролировать его, а также способностью объекта реализовать изменение своего состояния. Важное значение в описании переходности имеет также степень затронутости объекта, причем представляется важным выделить как физическую задействованность объекта, так и его возможную вовлеченность на уровне психических реакций. Соотнесем характеристики японских конструкций описания движения с выделенными выше сущностными чертами переходности как семантической категории.

1. Воздействие на второго участника события

Аккузативное оформление переходной модели в описании процессов передвижения требует наличия второго актанта, в результате чего даже при непереходности глагольного предиката движения японские пространственные конструкции включают Место как прямой объект, и выражения типа *идти по парку*, *лететь по небу*, *повернуть за угол* в японском языке строятся согласно модели прямого управления объектом. При этом лабильность глагола, который может «выступать и как переходный, и как непереходный без каких-либо формальных изменений» [Летучий 2013: 14], обуславливает вариативность его употребления: возможны и непереходное *mainichi aruku* ‘ходить пешком каждый день’, и переходное с прямым объектом-местом *kouen wo aruku* ‘идти пешком по парку’. Задача измерения степени объектности Места осложняется еще и тем, что в конструкциях движения показателен статус не только объекта, но и субъекта — он напрямую вовлечен в ситуацию, что нарушает типовое распределение агентивной и пациентивной ролей и обуславливает отклонение от прототипической переходной модели [там же: 120]. В целом, согласно критериям семантической транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон, глаголы движения имеют низкие показатели переходности, и во многих языках аргумент глаголов движения не может быть «аргументом с высоким синтаксическим статусом, а скорее является непрямым объектом или сирконстантом» [там же: 91] — это не дает возможности с уверенностью утверждать, что Место имеет полноценный объектный статус.

Как для поступательного, так и для других видов движения Место — обязательный компонент, который в японской терминологии называется *kan'yobutsu* ‘нечто причастное’ и расценивается как полноценный участник события. В исследовании [Ё 2004] место события истолковывается как один из *seibun* ‘элемент, составная часть’, без которого локативное событие не может считаться состоявшимся; при этом агенс «складывает ситуацию из таких элементов, одним из которых является место» [там же: 137] — подобная трактовка способствует объектному пониманию Места. Похожую интерпретацию мы находим у Ю. Суми в контексте изучения глагола *wataru* ‘переходить’: в японском представлении *перейти мост* пропозиционально означает *перейти реку с помощью моста*, т. е. *мост* здесь предстает в некотором смысле в инструментальном значении; то же с *перекрестком*: *kousaten wo wataru* ‘пересечь перекресток’ — в данном случае в японских мыслительных структурах есть некий когнитивный образ *перекрестка* как инструмента, с помощью которого пересекается улица. Иными словами, глубинная структура настоящего события выглядит как *kousaten de toori wo yokogiru* ‘с помощью перекрестка перейти улицу’, где роль перекрестка оформляется инструментальным *de* [Суми 2003: 5—6].

Еще один тип второго актанта конструкций движения — это близкое к обстоятельству описание ситуации, когда заполнение преодолеваемого пространства представляется с метонимическим сдвигом, а именно: состояние пространства или происходящая в нем ситуация (*снегопад*, *солнцепопек*) метонимически обозначают само пространство (*пробираться сквозь снегопад* или *идти по солнцепеку*). Второй участник такого типа не является в чистом виде Местом, но в случае обстоятельного описания движения он может быть условно приравнен к месту движения по замкнутой местности, исходя из характера продвижения — неопределенного и хаотичного. «Обстоятельные» актанта со значением Места часто сопровождаются дополнительными актантами *naka* ‘внутри’, *moto* ‘в условиях’, *mawari* ‘вокруг’ и др., создающими пространственный эффект, что позволяет рассматривать их как аналог замкнутого ненаправленного движения *keiro*: *бежать по солнцу* как *бежать по полю*.

Итак, пространственный ориентир предстает полноценным участником действия, что дает возможность характеризовать его как объектный аргумент. В структуре транзитивной модели на данный объект должно переноситься действие, в идеальном варианте — с изменением состояния объекта. Проследим далее, как реализуется такая передача действия, если объектный аргумент является Местом.

Одной из ключевых составляющих в описании сути транзитивных процессов является семантика воздействия, приводящая к изменению состояния объекта, в японской терминологии — *shihaisei*, или реализация субъектом такого свойства, как *shihai* ‘управление, подавление, господство’ [Накао 2012: 86—87]. Интерпретация выраженности этого свойства в синтаксическом и семантическом статусах главных участников события, связанного с передвижением, вызывает определенные сложности: субъект предикатов движения «имеет и агентивные, и пациентивные свойства: с одной стороны, при глаголах типа *идти*, *лететь*, *плыть* он, как Агенс, обладает контролем над ситуацией, с другой — как Пациент, подвергается в ходе ситуации изменениям» [Летучий 2013: 184]. При этом даже с учетом незначительности возможных изменений (например, перемещение субъекта на другую сторону дороги) не происходит никакого накопления результата, что «показывает значительное отклонение синтаксических моделей с участием предикатов движения от прототипа переходности» [там же].

Тем не менее в японских работах по языковой репрезентации движения встречается термин *shihai ishiki* ‘подавляющий характер сознания’ как свойство субъекта, необходимое для осуществления «гос-

подствующего контроля» за процессом передвижения [Накао 2012: 86]. В описании восхождения на холм *oka wo nobotte iku* подчеркивается, что воздействие оказывается на Место как на «объект непосредственного завоевания» (показательно, что одним из иероглифических компонентов употребляемого японским лингвистом термина *seifuku* ‘завоевание’ является морфема *sei* ‘покорение, уничтожение’, что еще сильнее подчеркивает семантику подавляющего воздействия на осваиваемый пространственный объект). Похожая трактовка локативной роли у С. Като: на примере выражения *hashi wo wataru* ‘пройти по мосту’ он рассматривает данный акт как «объект переходного воздействия» [Като 2006: 165] при определенных условиях восприятия моста как цельного пространственного фрагмента, о чем будет подробнее сказано в следующих разделах. То же у Э. Ё. «место события является объектом, на который направлено воздействие или влияние» [Ё 2004: 132]. Такое свойство субъекта японской переходной локативной модели мы обозначим как «стремление к освоению территории», которое работает и с глаголами поступательного движения: *yuuri wo oyogu* ‘плавать в бассейне’ в виде освоения, покорения *маршрута*, и в описаниях замкнутого ненаправленного движения: *tachi wo aruku* ‘обойти район’ как движение, акцентирующее стремление к (максимальному) охвату территории *вширь*. При данной интерпретации изменения состояния сущности уравниваются любые аргументы переходных конструкций: *kusuri wo nonda* ‘выпил лекарство’, *yama wo koeta* ‘перевалил через гору’, т. к. во всех транзитивных процессах происходит некая *обработка объекта*, которая может затронуть не столько объект, сколько субъект, т. е. статус самого объекта будет изменен лишь косвенно. Тем не менее, по всей видимости, здесь может идти речь об опосредованном онтологическом статусе объекта: *книга, прочитанная мной*, не есть то же самое, что *книга, прочитанная кем-то другим*, или *непрочитанная книга*. С этой точки зрения действительно можно констатировать наличие воздействия, приводящее к изменению состояния и локативного аргумента: комната, которую человек исшагал вдоль и поперек, обладает для него уже иными сущностными характеристиками.

Таким образом, воздействие в процессах движения можно понимать как *освоение территории*⁶, сопровождаемое некоторым изменением состояния объекта, которое в случае предикатов движения чаще всего относительное, выражаемое по отношению к субъекту. Далее мы рассмотрим следующий семантический критерий транзитивности — волитивность, т. к. освоение территории при процессах движения естественным образом подразумевает наличие волевого начала. Проанализируем данный критерий в контексте передвижения.

2. Волитивность

К неотъемлемым свойствам прототипического агенса относят волитивность субъекта и его способность контролировать ситуацию, в японской терминологии — *ishisei*. Японские конструкции движения четко дифференцируются по этому критерию, причем важным признаком, помимо одушевленности субъекта, является семантика двигательного предиката. Иными словами, отсутствие волевого начала может быть обнаружено и в случае прототипического одушевленного субъекта, если совершаемое действие выходит из-под его контроля, что отражается в семантической структуре предиката. При утере (или изначально отсутствию) контроля падежное оформление Места меняется с аккузативного на аблативное, снижая тем самым общую агентивность высказывания. Например, падение человека с лошади может быть оформлено только аблативным послелогом *kara*, т. к. намеренность действия тогда исключается [Сугимото 1995: 125]: вариант аккузативного оформления **uma wo ochiru* когнитивно некорректен, в отличие от допустимого *uma kara ochiru*, обозначающего *лошадь* лишь как исходную точку падения, что подчеркивается и непереходностью предиката.

Данное положение было проверено нами на корпусном материале в составе минимальных пар «субъект + предикат» и «Место + предикат» для глагола *ochiru* ‘падать с высоты’ (детальное рассмотрение семантики глагола *ochiru* см. в [Панина 2018]). В корпусе обнаружено 5484 вхождения с аблативным послелогом *kara* и 477 вхождений с объектным послелогом *wo* (92% и 8%); анализ соответствующих актанта показав, что аблатив преимущественно оформляет локативные конструкции непроизвольного действия: слезы падают (льются) из глаз, пелена упала с глаз, падения с лестницы, скалы, крыши и/или подчеркивает неожиданность, некоторую «неправильность» происходящего: дом, свалившийся с неба (в подарок); падение с кровати во сне и т. д. Напротив, объектное оформление Места в большинстве слу-

⁶ Под *освоением* в данном случае мы понимаем *включение* в круг своей деятельности (а не первичное освоение); тогда оформление процесса перемещения не учитывает зависимость от референциального статуса локативного участника — неважно, осваивает ли он его впервые или это действие происходит, например, каждый день со знакомым участником ситуации по известной схеме.

чаев описывает осознанное целенаправленное действие: бегство из столицы; предполагаемое, заведомое падение: в ловушку, в дыру. Сопоставительный анализ минимальных пар с одинаковым локативным аргументом при *ochiru* также показал, что параметр неконтролируемости, присутствующий в семантике данного предиката, очевидно, блокирует аккумулятив: так, из 175 пар со значением «падать с лестницы» 157 корпусных вхождений (90%) оформлены аблативно, остальные 10% — объектно; то же с парами «падать с неба» и «падать со скалы» (94% и 6%, 96% и 4% соответственно).

Субъект в этих парах также влияет на выбор падежного оформления: отсутствие или потеря контроля, снижающие показатель агентивности субъекта, уменьшают и вероятность объектного оформления. Корпусная проверка минимальных пар «субъект + Место + предикат» показала, что при аблативе «с неба падают»: снег, кристаллы воды, мало ожидаемые субъекты (дом в подарок, персонажи в сказках: люди, лошади) и т. д. При этом встреченные в корпусе немногочисленные примеры объектного оформления локативного актанта при *ochiru* демонстрируют «закадровую» включенность одушевленного каузатора: в аккумулятивном оформлении «с неба падает», например, свет прожектора, направляемый человеком, или снаряд, который был запущен человеком. Анализ минимальных пар с другим локативным актантами также выявил похожую тенденцию: при падении со скалы *gake* объектный вариант падежного оформления соответствует или одушевленному субъекту, или природному явлению, обладающему собственной кинетической энергией и относительной самостоятельностью (например, водопад, падающий со скалы), а в случае употребления аблатива действующими лицами становятся и менее самостоятельные субъекты: здание, поезд и т. д. Интересны корпусные примеры с роботом как носителем искусственного интеллекта: в качестве субъекта падения он с одинаковой частотой встречается как в аккумулятивно, так и в аблативно оформленных локативных конструкциях, что может служить косвенным показателем неопределенности его субъектного статуса и обозначать один из возможных способов измерить его агентивные характеристики, в частности степень контролируемости поведения субъектов — носителей искусственного интеллекта.

Когнитивная вариативность аблативного и аккумулятивного оформления движения наблюдается и с другим послелогом исходного движения *yori*, употребление которого определяется агентивными свойствами аргументов. Так, К. Мацумото на примере старояпонских текстов выделяет два подвида делокации с различным падежным оформлением исходной точки движения: аккумулятивное *wo* для *shuppatsu* ‘отправление’ и аблативное *yori* для *shutsugen* ‘появление’ [Мацумото 2016: 92—93]. Показательна разница во второй морфеме: *hatsu* — высокоагентивное ‘испускать’ и *gen* — неагентивное ‘появляться’. Соответственно, первый вариант как направленное движение может осуществляться исключительно намеренно: так говорят о месте *shiro wo deru* ‘выйти из замка’ и т. п.; второй вариант допускает наличие неодушевленного субъекта, т. к. предполагает естественный исход, не требующий наличия волевого начала: *shizen (...)* *no chi ga ki no naka yori deru* ‘кровь природы истекает из сердцевины дерева’, но при этом происходит замена аккумулятива на менее агентивное аблативное *yori*.

Интересно, что в случае частичной потери контроля за происходящим возможность аккумулятивного оформления движения сохраняется — например, при осуществлении действия в полубессознательном состоянии [Като 2006: 153]:

- (3) *Densha no naka de utsurautsurashiteite, machigatte zenzen shiranai*
 электричка GEN внутренность LOC находясь в полудреме по ошибке совсем незнакомый
eki de densha wo oriteshimatta.
 станция LOC электричка ACC выходить.PST
 ‘В состоянии полудремы вышел из электрички по ошибке на совсем незнакомой станции’.

В (3) волевой компонент действия отсутствует, но физически субъект продолжает контролировать ситуацию, сохраняя способность передвигаться. Это доказывает приоритет критерия одушевленности субъекта как способности осуществлять контроль. Таким образом, в семантике транзитивности проявление волевого начала может быть реализовано не только при наличии намеренности в совершении действия, в некоторых случаях бывает достаточно только способности, иногда неочевидной, осуществить это действие. Данное правило применимо и к средствам транспорта с учетом метонимического переноса функции управляемости:

- (4) *Takushi: ga kounai wo deta.*
 такси NOM территория ACC выехать.PST
 ‘Такси выехало с территории’.

В целом в случае неодушевленного субъекта, не обладающего волевым началом, допускается только аблативное оформление: в (5) шар в игре в боулинг хоть и движется по определенной траектории, за-

данной человеком, может потерять направление и укатиться с дорожки — и этот динамический аспект ситуации движения уже будет оформлен только аблативным послелогом в силу потери контроля над шаром со стороны человека, см. пример из [Сугимото 1995: 126]:

- (5) *Nageta bo:ru ga re:n {*wo / kara} deteshimatta.*
брошенный шар NOM дорожка ACC ABL укатиться.PST
'Брошенный шар укатился с дорожки'.

Наличие волитивных свойств с некоторой долей условности допускается и у растений: если принять запах за процесс распространения аромата в пространстве (условно отнести предикат *пахнуть*, *испускать аромат* в группу «глаголы перемещения», обслуживающую каузативный тип движения), то показателен пример из [Накао 2012: 78]:

- (6) *Shitoshito to furu ame no naka wo kasuka ni niotteiru natane.*
морсящий дождь GEN внутренность ACC слабо пахнуть.PROG.PRS сурепка
'Сурепка, издающая слабый аромат в морсящий дождь'.

Здесь *дождь* не является в строгом смысле Местом; тем не менее даже обстоятельственный формат описания распространения запаха *в условиях дождя* требует аккузативного оформления и в случае растений (которые, как указывает Ю. Накао, возможно причислить и к категории одушевленных субъектов; вероятно, именно этот фактор обуславливает допущение аккузатива для не обладающих сознанием растений).

Важной составляющей волитивных свойств агентивного субъекта является наличие *целевого компонента* совершаемого действия. В делокативных и адлокативных конструкциях, а также при сквозном движении такими целевыми ориентирами служат начальная и конечная точки; в поступательном движении наличие целевого компонента проявляется в выборе четкой траектории, часто кратчайшей, соединяющей исходную и конечную точки движения. Напротив, отсутствие целевого компонента характеризует ненаправленное движение, которое может носить хаотичный характер. Показательно, что управление в обоих случаях формально не отличается и остается аккузативным, хотя во втором случае акцентируется отсутствие определенного пути, четкого курса и направленного движения; такая интерпретация высказывания нередко определяется и семантикой соответствующих локативных участников, похожих по сути на обстоятельства: *samusa wo tadoru* 'пробираться сквозь холод', *hitogomi wo deru* 'выйти сквозь толпу'. По своим семантическим свойствам это близко к ненаправленному движению типа *mori wo aruku* 'гулять по лесу', что показывает семантическую схожесть обстоятельственного и ненаправленного оформления движения и дает возможность обозначить в целом послелог *wo* и для ненаправленного движения как обстоятельственного. Данное разграничение обращает нас к выделению третьего значимого признака определения степени объектности аккузатива перемещения — направленности движения.

3. Направленность

Для обозначения семы направленности пути японские лингвисты используют общий термин *houkousei* от слова *houkou* 'курс'. Описанные выше типы движения различаются по уровню выраженности своей направленности. Например, делокативное движение (и самостоятельное, и каузируемое) как подвид направленного характеризуется высокой степенью направленности действия в силу наличия отчетливо определяемого пространственного ориентира, относительно которого выстраивается весь маршрут:

heya wo deru
комната ACC выходить
'выходить из комнаты'

miyako wo saru
столица ACC покидать
'покидать столицу'

botan wo hagasu
пуговица ACC отрывать
'отрывать пуговицу'

daigaku wo sotsugyou suru
университет ACC оканчивать
'оканчивать университет'.

Выход из комнаты, покидание столицы, отрывание пуговицы, выход из транспорта, окончание университета — все эти ситуации четко очерчивают исходную точку, как пространственную, так и временную: двери, место крепления пуговицы, конечный срок обучения в учебном заведении и т. д. При этом исходной точкой, Местом не могут быть, например, *mоре* или *гора*; носители определяют подобные выражения как аграмматичные: **umi wo deru* ‘выйти из моря’; **yama wo deru* ‘покинуть горы’. Такое ограничение связано с их избыточной обширностью: трудно построить четкий маршрут при отсутствии возможности определить конкретную точку выхода (если в случае с *горой* информанты-носители условно предложили выход из *пещеры в горе*, оговорив обязательность данной уточняющей локализации, то для *выхода из моря* подобрать пример возможного употребления аккузатива оказалось затруднительно).

Такие фокусирующие пространственные «сужения» необходимы не только при определении точек выхода — они требуются в описании и поступательного, и сквозного движения. Приведем примеры из авторского русско-японского корпуса параллельных текстов, где японские переводные варианты дополнены уточняющими именами пространственной семантики для более четкого очерчивания траектории движения:

мы проезжали Ø мельницы
konahikiba no soba wo tootta (проезжали рядом с мельницами)
 мельница GEN сторона ACC проезжать.PST

увидел бегущую наперерез Ø его коляски толпу девушек
basha no mae wo totsukiru you ni shite hashiru (наперерез перед коляской)
 коляска GEN перед ACC наперерез бежать.PRS

приволокнулся за Ø барышней
ojousan no ato wo oimawashita (приволокнулся по следам барышни)
 барышня GEN след ACC волочиться.PST

обвела взглядом Ø комнату
heya no naka wo mimawashita (обвела взглядом содержимое комнаты)
 комната GEN внутренность ACC осмотреть.PST

пробиваться сквозь Ø тучи
kumo no sou wo kugurinetekuru (пробиваться сквозь слой туч)
 туча GEN слой ACC пробиваться.PRS

кошка прогуливалась по Ø забору
hei no ue wo aruiteita (прогуливалась по верху забора)
 забор GEN верх ACC идти пешком.PROG.PST

Представленная в данных примерах конкретизация пространственных ориентиров повышает допустимость использования аккузатива за счет придания траектории определенности (прогуливаться *не по забору* в целом как в пространстве с трудно определяемым маршрутом, а по вполне понятной его части; не *волочиться за барышней* как таковой, а идти конкретно по ее следам; и т. д.), подчеркивая тем самым направленность поступательного движения и увеличивая степень объектности Места.

Напротив, обстоятельственно-локативное оформление движения в контексте некоторого события имеет скорее адвербиальный характер: *sakura no fubuki wo aruku* ‘идти сквозь вихрь лепестков сакуры’; следовательно, у такого движения довольно условная направленность. Ю. Накао отмечает, что подобное неорганизованное перемещение в некоторых обстоятельствах очень близко к замкнутому ненаправленному движению типа *kouen wo hashiru* ‘бегать по парку’ и определяет второе как подвид первого [Накао 2012]. При этом сохраняется аккузативное оформление, что может объясняться наличием определенной цели такого *продвижения в обстоятельствах*: *anran no naka wo suitchi wo sagasu* ‘искать выключатель в темноте’ (возможность двойного аккузатива здесь, как мы говорили выше, обеспечивается разным семантическим наполнением соответствующих актантов); с другой стороны, данный тип движения часто описывает преодоление препятствий в сложных условиях, что придает ему хаотичность из-за спонтанности поиска верного направления в условиях неопределенности. Следовательно, такое движение необходимо каким-либо образом упорядочить, что, как и в случае направленного движения, выполняется путем добавления имен пространственной семантики: выражение *fubuki no naka wo aruku* ‘идти внутри метели’ признается носителями языка более грамматичным, чем *fubuki wo aruku* ‘идти в метели’ (работает то же правило: чем четче траектория, тем допустимее аккузатив).

Важно отметить, что *houkou* как ‘курс’ может быть представлен не только воплощенной совокупностью точек пространства, но и невыраженной, воображаемой траекторией. Функция при этом выполняет та же — детализировать направление; например, очертить курс Земли вокруг Солнца [Като 2006: 171]:

- (7) а. **Chikyuu wa taiyou wo mawaru.*
 земля TOP Солнце ACC вращаться.PRS
 ‘Земля движется вокруг Солнца’.
- б. *Chikyuu wa taiyou no mawari wo mawaru.*
 земля TOP Солнце GEN круг ACC вращаться.PRS
 ‘Земля движется по кругу вокруг Солнца’.

Солнце в своем астрономическом представлении является визуально неохватываемым объектом, что делает (7а) аграмматичным и требует уточнения, как именно движется Земля, — говорящий должен сделать этот маршрут хотя бы минимально осознаваемым, для чего вводится дополнительный актанта *по кругу*. Примечательно, что омонимичное *mawari wo mawaru* ‘кружиться по кругу’ не признается носителями как тавтология; более того, *mawari* является самым частым аргументом глагола *mawaru* в современном корпусе японского языка, что еще раз подчеркивает стремление японского языка конкретизировать абстрактный аргумент даже при выраженности необходимых сем в предикате.

Здесь следует подчеркнуть, что таким способом — введением дополнительного уточняющего элемента для обозначения какого-либо пути — решается еще и задача иного, прагматического плана: в (7) онтологическая значимость Солнца настолько высока, что простое взаимодействие с ним ни человека, ни даже планеты не представляется возможным, и пословная передача фрагмента действительности в выражении ‘вращаться вокруг Солнца’ является когнитивно недопустимой еще и по причине недостаточного соблюдения необходимого этикета по отношению к высокозначимому объекту. Данный аксиологический фактор обуславливает подстановку дополнительного локативного актанта как промежуточного звена между субъектом и объектом для снижения каузативной нагрузки на иерархически более ценный элемент. Т. Сугимото объясняет такую подстановку необходимостью наличия у говорящего некоторого «ощущения орбиты» для аккузативного оформления движения Земли [Сугимото 1995: 126]; примерно так же описывает это явление и С. Като, подчеркивая, что надо «проложить уважительную дистанцию» между Солнцем и взаимодействующим с ним участником ситуации» [Като 2006: 171—172]. Вместе с тем при незначимом участнике ситуации — например, при описании движения человека вокруг воткнутого в землю шеста *bou wo mawaru* — детализация не нужна: и траектория визуально охватываема, и шест не является чем-то особо значимым в масштабах человеческого существования. Следовательно, дополнительных элементов синтаксической (и глубинной — когнитивной) структуры высказывания в данном случае не требуется. В ходе полевых исследований в интервью японские лингвисты обозначили эту роль как *kusshon* ‘подушка’; в наших исследованиях мы определяем такой элемент как «амортизирующий актанта», выполняющий функцию увеличения дистанции или смягчения агентивного взаимодействия в субъектно-объектных отношениях.

Итак, направленное движение требует наличия определенного типа Места (иногда в сопровождении дополнительного уточняющего послелога), который по своим характеристикам может обеспечить достаточные условия для передвижения субъекта по заданной траектории, при этом аккузативное оформление не соответствующего данным требованиям аргумента глагола движения допустимо лишь с ограничениями:

- (8) а. *Pu:ru wo oyogu*
 бассейн ACC плавать
 ‘плавать (целенаправленно) в бассейне’
- б. *?Ike wo oyogu*
 пруд ACC плавать
 ‘плавать (целенаправленно?) в пруду’.

Второй вариант ставится носителями под сомнение, т. к. бассейн предполагает плавание по определенному курсу, а пруд — нет. Действительно, пруд в силу своей геометрической формы и небольшой величины не предполагает прокладывание курса как такового; в пруду скорее плавают в беспорядочном направлении, это ближе к ненаправленному движению и логичнее будет оформить его локативным послелогом *de*, акцентирующим не маршрутность плавания, а само действие. Употребление аккузатива тем не менее полностью не исключается, т. к. в некоторых условиях допустить плавание в определенном направлении в пруду можно — например, если поставить цель проплыть его *от края и до края*, что как раз может служить диагностическим контекстом для определения возможности аккузативного оформления какой-либо локации. Важность *края* как границы какого-либо пространственного фрагмента приводит нас к пониманию необходимости учета еще одного важного параметра движения — границ Места. Рассмотрим его в следующей части работы.

Выше мы говорили об отсутствии у неодушевленных субъектов волитивных свойств, в силу чего конструкция с *дымом* как главным участником движения может быть оформлена только аблативно — *дым* не может осознанно покинуть трубу, чего требует от нас употребление аккузатива. Но в данном случае, по утверждению С. Като, допустимы оба варианта [Като 2006: 154]. Во-первых, это связано с тем, что дым из-за своих физических свойств способен передвигаться вверх, покинуть трубу и плыть по небу, будучи уносимым потоками воздуха, — т. е. работает критерий «наличие способности совершить действие» (см. выше пример (3) про выход из транспорта в полубессознательном состоянии — контроля нет, а способность передвигаться есть; здесь почти то же самое). Во-вторых, аккузативное оформление Места допускается при условии, что дым покинул трубу, — см. рис. 1.

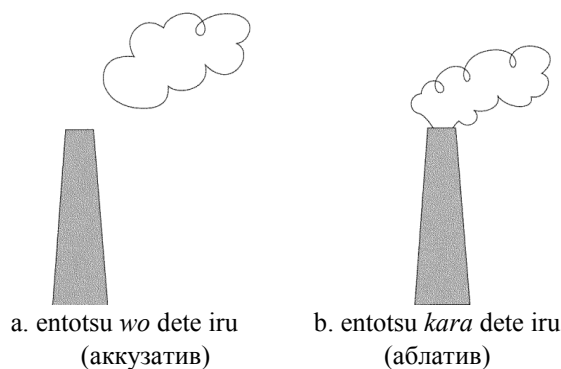

Рис. 1. Отделение Места

(b) допускает только аблативное описание, т. к. труба с дымом представляют собой единое целое, и исходная точка — труба — не может быть интерпретирована как отдельный объект. В (a) произошло *отделение*, в результате чего труба без связи с дымом становится полностью оцепленной собственными границами и может восприниматься со стороны как автономный объект. Такой вариант разрешает аккузативное маркирование.

Интересна также значимость не только пространственных, но и временных границ. Так, в пространственном контексте момент перехода через гору может быть оформлен аккузативно лишь при условии ограничения некоторого участка горы, например перевала: тогда передвижение получается сквозным и *перевал* воспринимается как конкретный объект, у которого есть точки входа и выхода *touge wo koeru* ‘пройти перевал’ [Накао 2012: 85]; заочный контраргумент находим в работе [Хо 2008: 41]: *gora*, у которой нет четких границ, тоже может восприниматься как прямой объект *yama wo koeru* ‘перейти гору’ при условии ограничения по времени: *ichijikan de yama wo koeru* ‘перейти гору за один час’. В этом случае ограничителями пути являются не пространственные, а временные ориентиры.

Все вышесказанное позволяет разделить локативные ситуации на две группы: для которых важен фактор пересечения границ (для аблативной интерпретации ситуации важно пересечение исходной границы, для адлокативной — конечной, для сквозного и поступательного движения — обеих) и для которых важен фактор *непересечения* границы (для ненаправленного движения принципиален момент *невыхода* за границы). В рамках исследовательского вопроса данной работы можно сделать вывод: пересечение границы позволяет интерпретировать Место приближенно к объекту, а *непересечение*, с акцентом на происходящее внутри локации, отдаляет Место от прототипа объекта даже при формальном единстве актантного оформления, которое во втором случае теряет свое центральное пространственное значение и приобретает периферийное обстоятельственное (когда *ходить по комнате* приравнивается к *кружить в снегопаде*).

Итак, в понимании сути объектности движения в японском языке представляется значимым такой параметр локативной модели, как соотнесенность типа движения с границами локации. В контексте передвижения, которое по существу потенциально разнонаправленное, значимы как конечная и начальная точки, так и границы, охватывающие локацию со всех сторон, поэтому мы определим данный параметр как *границность* (в японской литературе встречаются термины *genkaisei* или *kyoukaisei* как ‘свойство обладания пределом/границей’, состоящие из элементов *предел/граница* и *очерченный круг*). В результате внешнего очерчивания место приобретает целостный характер, а тот фактор, что мы его пересекаем полностью от края и до края, позволяет нам посмотреть на него как будто снаружи — С. Като называет это «внешней категоризацией» [Като 2006: 177] и отмечает как важный фактор отнесенности Места в объектную группу. Все вышесказанное позволяет нам отнести *границность* к значимым признакам объектности локативного участника.

Таким образом, можно констатировать, что Место как объект должно обладать целостностью, все-сторонне фиксируемой физическими или условными (но когнитивно представляемыми) границами. В этом отношении в японоязычных работах по описанию движения встречается такая характеристика Места, как *zentaisei* или *zenmensei* (понятия, различающиеся центральными морфемами *tai* ‘тело’ и *men* ‘сторона’), соответственно, ‘целостность’ или ‘всеохватность’, которая определяет степень взаимодействия субъекта и Места. В следующем разделе мы последовательно рассмотрим случаи как физической вовлеченности, так и психической «затронутости» субъекта относительно пространственных ориентиров в процессе передвижения.

5. Вовлеченность

Вовлеченность участников ситуации в процесс движения может толковаться двояко. Классическое понимание вовлеченности, или «затронутости», по П. Хопперу и С. Томпсон, подразумевает степень воздействия на объект и масштабность произошедших с ним изменений. При движении воздействие, оказываемое на Место является довольно условным, а изменений с самим объектом чаще всего не происходит вовсе (как было сказано выше, изменение в таком случае происходит в сознании субъекта — для него *перекресток пересечен*). Тем не менее данный признак важен для определения степени объектности, поэтому попробуем определить степень вовлеченности участников в ситуацию движения.

Признаки, выражаемые японскими терминами *zentaisei* и *zenmensei*, по сути близки к транзитивным: степень «охватности» показывает уровень плотности нашего контакта с пространственными ориентирами. Т. Сугимото отмечает, что для определения грамматического статуса Места необходимо понимать степень такого контакта — чем она выше, тем легче Место толкуется как объект. И наоборот: частичное, иногда минимальное, взаимодействие удаляет нас от понимания Места как объекта, что выражается и в актантном оформлении — оно понижается до аблативного (пример из [Сугимото 1995: 121]), см. рис. 2:

- (11) a. *minato kara hanareru*
 порт ABL покинуть
 ‘покинуть порт (после кратковременной швартовки)’
 b. *minato wo hanareru*
 порт ACC покинуть
 ‘покинуть порт (с заходом в него)’

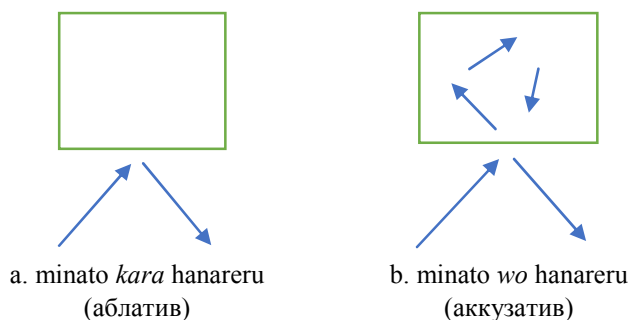

Рис. 2. Затронутость территории

Если контакт был только с внешней границей Места, то тогда в (11a) Место служит не более чем точкой-источником с соответствующим аблативным оформлением. Для объектного толкования необходима как минимум частичная внутриграницная задействованность локации: например, для аккумулятивного оформления выхода из комнаты *heya wo deru* субъекту надо хотя бы немного поперемещаться по ней перед выходом или достаточно даже просто постоять у двери внутри. Для другого вида движения, например направленного, такую частичную затронутость можно проверить с помощью диагностического наречия *sukoshi* ‘немного’: *michi wo aruita* → *michi wo sukoshi aruita* ‘прошелся (немного) по дороге’. То есть освоение даже части пространства повышает возможность объектной трактовки соответствующего аргумента глагола движения. Но не гарантирует ее: для понимания Места как полноценного объекта важно его внешнее, а не внутреннее освоение. Если же мы бродим по комнате без особой цели, не выходя из нее, то и при полном охвате внутреннего пространства ситуация, обозначаемая аккумулятивом, будет близка к обстоятельству описанию и, соответственно, далека от объектной ее интерпретации. Похожее разграничение мы находим у Ю. Накао, который относит направленное движение к подвиду объектного, а замкнутое ненаправленное трактует как подвид обстоятельного [Накао 2012: 87].

Различительную функцию в актантном оформлении движения выполняет и предикат; замена глагола в (11a, b) на *toozakaru* ‘отдалиться, быть на расстоянии’ исключает употребление аккузатива:

- (12) *minato* {a. *kara* / b. **wo*} *toozakaru*
 порт ABL ACC отдалиться
 ‘отойти на расстояние от порта’.

Этот запрет на аккузатив связан с измерительной семантикой данного предиката — она носит эгрессивный характер отдаления с акцентом на увеличение дистанции, что лишает делокатив значимости, ограничивая его функцию до точки в пространстве, и понижает его синтаксический статус до аблативного.

Следует отметить, что вовлеченность, определяющая значимость пространственного ориентира, может быть измерена не только физически. В комментарии информанта-носителя к (12) было указано, что *toozakaru*, помимо обозначения физического отдаления, имеет оттенок отчуждения и избегания (негативная эмоциональная коннотация), поэтому пример (11b), который в [Сугимото 1995] приводится как аграмматичный, можно признать допустимым, если с портом связаны неприятные воспоминания — например, если отъезд имеет характер бегства от обстоятельств, которые хочется забыть.

Это положение подтвердилось в ходе корпусной проверки сочетаемости данного предиката. Обнаружилось, что из 4242 вхождений более половины (2316, 55%) маркированы аблативно, причем это самое частотное падежное оформление данного предиката, а случаи аккузативного оформления редки (49 вхождений, 1%) и действительно имеют негативную окраску. Среди них можно выделить типичные ситуации бегства и выслеживания (здесь показателен пример, сопровождающийся описанием обстоятельств дела «злобно следовал за») или ситуации, связанные с «уходом из этого бренного мира» в религиозно-философском контексте. Отдельные единожды встреченные корпусные примеры также демонстрируют нежелательность нахождения в исходной точке: побег Китри с площади в сцене, где ее хотели насильно выдать замуж (либретто балета «Дон Кихот»); дистанцирование от коллег (в результате конфликта); невозможность далее выполнять обязанности (отстранение врача от работы с невозможностью вернуться или снятие лошади с забега в результате травмы); отделение внутреннего органа (в результате деформации при сдавливании) и т. д.

Такие случаи психической вовлеченности в японской литературе обозначаются как *kanrensei* ‘причастность’, которая может быть расценена как частный случай *затронутости*. Так, в работе Ю. Суми на материале глагола *wataru* ‘пересекать’ приведены примеры преодоления и физического, и «психологического» расстояния [Суми 2003: 126—127]. Подчеркивается, что аккузативом маркируется Место, имеющее наибольшую значимость для субъекта: точка отсчета при покидании чего-либо (см. (11b) про порт); сама траектория передвижения, если акцент ставится буквально на *усилия по преодолению* большого физического расстояния: *tairiku wo wataru* ‘пересечь материк’ и т. д. Примечательно, что при ожидании чего-то важного в точке прибытия: свадьба, новое место работы, долгожданный переезд — целевое оформление дативным показателем *ni* является более желательным, т. к. в силу вступают уже два критерия причастности к происходящему — преодоление расстояния и постановка цели в точке прибытия.

Подобная психическая вовлеченность тесно пересекается с таким семантическим критерием транзитивности, как *индивидуализированность* объекта. Здесь интересен пример с лабильным глаголом *kawaru* ‘менять(ся)’, который используется как переходный чаще всего именно в контексте перемещения, например: *seki wo kawaru* ‘сменить место’; *kaisha wo kawaru* ‘сменить место работы’; *busho wo kawaru* ‘сменить должность’⁷. Возможность аккузативного маркирования в таких случаях как раз и можно объяснить тем, что эти аргументы имеют локативную семантику: *компания* или тесно связанная с местом работы *должность*. Но в примере ниже [Като 2006: 175] к данному фактору подключается еще и выраженная индивидуализация объекта или ее отсутствие:

- (13) a. *Watashi wa shidou kyoukan wo kawarimashita.*
 я TOP научный.руководитель ACC менять.PST
 ‘Я сменил научного руководителя’.
 b. *Watashi wa shidou gakusei wo kawarimashita.*
 я TOP руководство.студентом ACC менять.PST
 ‘Я сменил студента, у которого являюсь научным руководителем’.

⁷ Эти данные были обнаружены нами в ходе корпусной проверки: из первых 10 самых частотных аккузативно оформленных актантов при *kawaru* 8 — это локативные (сменить *больницу, место работы, компанию, школу* и т. д.), что составляет 95% от общего количества вхождений первых 10 актантов.

Можно предположить, что *научный руководитель* постоянно вовлечен в деятельность учебного заведения и является его неотъемлемой фигурой; помимо этого, обладает значимостью, в связи с чем свободно маркируется аккумулятивно. Напротив, *студенты* относительно временно включены в учебный процесс и, соответственно, менее привязаны к университету; более того, они могут быть из разных вузов — т. е. их локативная принадлежность определена гораздо менее четко; значимость их как участников ситуации также ниже в силу естественной социальной иерархии; еще один возможный индивидуализирующий фактор: для студента сменить руководителя — большее событие, чем наоборот. И наконец, играет роль исключительность объекта: у студента не может быть двух руководителей; обратное — возможно: научных работ студентов у преподавателя бывает и не две, а больше. Таким образом, высокая степень индивидуализированности объекта повышает допустимость аккумулятивного маркирования. В контексте движения выраженность этой черты у локативного аргумента также имеет вес в определении степени его объектности. Рассмотрим следующие примеры [там же: 156—157, 161].

(14) *Nozomigou wa nanban ho:mi {*wo / kara} demasu ka*
 Нодзоми TOP какой.номер платформа ACC ABL отправляться.PRS Q
 ‘С какой платформы отправляется Нодзоми?’

(15) *Shinkansen wa Oomiya ni touchakushita.*
 синкансэн TOP Омия LOC прибытие.VRB.PST
 ‘Синкансэн прибыл в Омия’.
*Shikashi, ippun mo shinai uchi ni, Oomiya eki {wo / *kara} hashashita.*
 однако не прошло и минуты Омия.станция ACC ABL отправляться.VRB.PST
 ‘Но не прошло и минуты, как он отправился со станции Омия’.

В (14) имеется ситуация выбора, в которой у платформы нет определенности и каких-то особых, свойственных только ей качеств, что запрещает использование аккумулятора. В (15) наоборот: поезд мог отправиться только с одной конкретной станции, поэтому синтаксически здесь необходим аккумулятор, показывающий уникальные свойства именно этой точки отправления. Соответственно, возможность выбора в следующем примере также обеспечивает менее строгое аблативное оформление Места:

(16) *Koko ni aru muttsu no deiriguchi wa izure mo butai ni derareru*
 здесь иметься шесть ATTR выход TOP любой сцена LOC выходить.POT.PRS
*Kimi wa, mannaka no C deguchi {*wo / kara} detekurenai ka.*
 ты TOP центр ATTR C выход ACC ABL выходить.BEN.NEG Q
 ‘На сцену можно выйти из любого из имеющихся шести выходов. Выйди из центрального выхода C’.

Этот же принцип может объяснить стремление языка синтаксически уравнивать точки выхода и входа при делокативном и адлокативном движении в следующем примере:

(17) *Heya {a.*wo / b.kara} niwa ni deru*
 комната ACC ABL сад LOC выходить
 ‘выйти из комнаты в сад’.

При аккумулятивном маркировании исходной точки в (17) нарушается когнитивная симметрия пространственных ориентиров, и синтаксически ядерным актантом становится *комната* — это искажает пропозицию, предполагающую равнозначность двух локативных актантов. По мнению информант-носителя, аккумулятивное маркирование здесь допустимо только в случае придания этим двум пространственным точкам неравнозначности: например, если содержательно нагрузить *комнату* → «выйти в сад из комнаты, где уже нечем было дышать после многочасового собрания. Многие еще и курили...» — тогда *комната* приобретает особый статус, ее *индивидуализированность* как объекта повышается, что разрешает аккумулятивное оформление.

Выводы

Итак, в ходе исследования локативных участников с точки зрения их соответствия семантическим критериям транзитивности и, далее, объектности, было обнаружено, что актантно-предикатные конструкции в зависимости от глаголов, обозначающих разный тип движения, демонстрируют различную степень выраженности соответствующих признаков. Считаем возможным принять значимость перечисленных в таблице ниже параметров как равную, что позволяет на данном этапе исследования предварительно суммировать их для измерения общей степени выраженности объектных признаков Места даже

при их потенциальной взаимной зависимости (в прототипических отношениях контроль и вовлеченность, воздействие и способность часто взаимозависимы, но в контексте движения эта взаимозависимость, по-видимому, неоднозначна):

Таблица 1. Степень выраженности объектных признаков⁸

Семантические критерии объектности Места	Прототип «объект»	Виды движения			Прототип «обстоятельства»
		направленное движение <i>idou</i>	сквозное движение <i>tsuuka</i>	ненаправленное движение <i>keiro</i>	
воздействие	○	△	△	△	×
волевитивность (намерение, контроль, способность)	○	○	○	△	×
направленность	○	○	○	×	×
граничность	○	△	○	△	×
вовлеченность / индивидуализированность	○	△	△	△	○
	5	3,5	4	2	1

Результаты анализа продемонстрировали, что объектный статус обуславливается прежде всего *граничностью* Места — этот критерий обеспечивает внешнюю категоризацию как главное условие объективации, поэтому сквозное движение, главное условие которого — оформленность точек входа и выхода, выявило наибольшие показатели объектности. В целом анализ выраженности основных семантических критериев объектности — *воздействия с переносом действия на второго участника ситуации, волевитивности, направленности, граничности, вовлеченности и индивидуализированности* — показал, что в наибольшей степени обладающим объектными свойствами видом движения является сквозное, далее к объектному пониманию аргументных характеристик приближено поступательное движение, включающее делокативные и адлокативные варианты. Напротив, замкнутое ненаправленное движение по своим объектным характеристикам близко к другому полюсу — обстоятельственному подвиду движения. Если расположить виды движения на шкале объектности, которая будет изображать суммированную выраженность объектности соответствующих аргументов глаголов движения, то мы получим следующую картину (на правом полюсе шкалы расположен объект, не имеющий локативного значения, но служащий ориентиром, обладающим прототипическими объектными характеристиками):

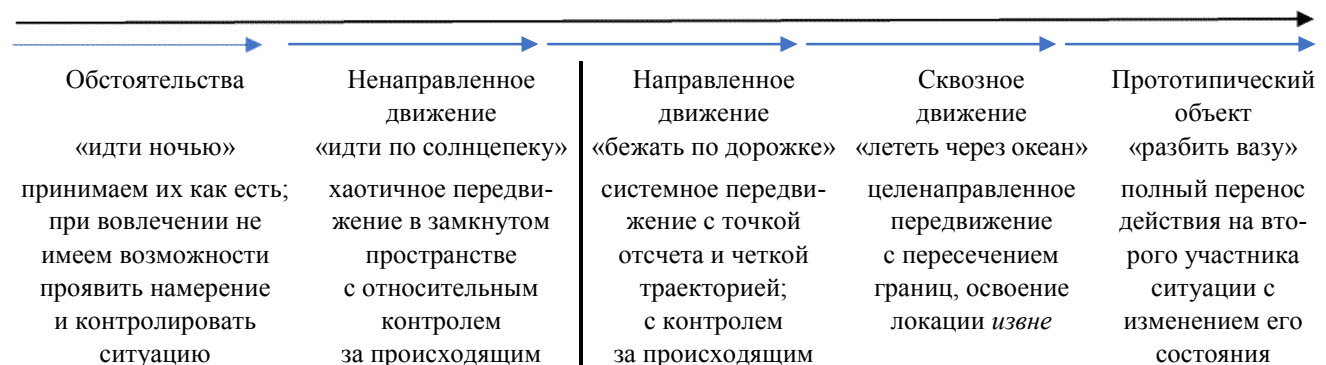

Схема 1. Шкала объектности Места

Аккузативное оформление аргумента при глаголах движения можно разделить на объектно-локативное (актантное), свойственное переходной модели представления действительности, и обстоятельственно-локативное (сирконстантное): чем больше акцент на происходящее *внутри* локации, тем ниже степень объектности соответствующего аргумента; чем выше степень внешней категоризации при взгляде и освоении пространства *снаружи*, тем значимее локативный участник как объект. Можно сделать вывод, что формальное единообразие локативных и объектных формул не всегда равно семантиче-

⁸ Знаком ○ обозначена прототипическая выраженность признака = 1; знаком △ — вариативная выраженность = 0,5; знаком × — невыраженность = 0; соответственно, max значение = 5.

скому: в одних случаях движение можно интерпретировать как освоение Места как объекта, в других это не более чем описание обстоятельств.

Таким образом, мы проанализировали поле движения в контексте исследования японской агентивности и проверили степень близости к объектному пониманию аккумулятива при глаголах описания движения. В работе было выделено объектное и обстоятельственное понимание движения. Ввиду слабой выраженности объектных признаков у второго подвида представляется возможным исключить его из поля агентивности в силу его несоответствия прототипической переходной модели даже при формальном соответствии транзитивным структурам и, следовательно, рассматривать такие языковые конструкции движения в японском языке как низкоагентивные или полностью неагентивные.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Восточная литература РАН, 1995.
- Басс 1973 — И. И. *Басс*. Семантика глаголов движения в современном японском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Дурова 2016 — М. В. *Дурова*. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016.
- Ё 2004 — Э. Ё. Нихонго но «о» каку пурасу идо доси кобун то таио суру туюгокуго хёгэн (Японский винительный падеж с глаголами движения и его соответствия в китайском языке) // *Social and Cultural Studies*. 2004, 15. С. 129—139.
- Зализняк 2002 — А. А. *Зализняк*. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Като 2006 — С. *Като*. Тайсёкаку то басёкаку но рэндзокусэй: какудзёси сирон (О свойствах маркера винительного / локативного падежа в японском языке) // *Bulletin of the Faculty of Humanities and Human Sciences*. Hokkaido University. 2006, 118. С. 135—182.
- Кожанов 2018 — К. А. *Кожанов*. Маркирование актантов двухместных предикатов в цыганском языке (кэлдэрарский диалект) // С. С. Сай (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 225—240. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>
- Колпачкова 2018 — Е. Н. *Колпачкова*. Маркирование актантов двухместных предикатов в современном китайском языке // С. С. Сай (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 456—479. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>
- Конума 2018 — Ю. *Конума*. Маркирование актантов двухместных предикатов в японском языке // С. С. Сай (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 440—455. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>
- Кузнецов 2020 — А. А. *Кузнецов*. Грамматикализация глаголов движения в японском языке. ВКР СПбГУ, 2020.
- Летучий 2013 — А. Б. *Летучий*. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Мацумото 2016 — К. *Мацумото*. Кодайго но идодоси то китэн / кэйро (Глаголы движения и пункт отправления / маршрут в древнем языке) // *Нихонго но кэнкю*. 2016, 12 (4). С. 86—102.
- Миякэ 1996 — Т. *Миякэ*. Нихонго но идо доси но таикаку хёдзи ни цуитэ (Об аккумулятивном маркировании японских глаголов движения) // *Гэнго кэнкю*. 1996, 110. С. 143—168.
- Накао 2012 — Ю. *Накао*. Субэтэ но «о» ва каку дзёси ка (Все ли аккумулятивные маркеры являются падежными показателями?) // *Осака даигаку сэкай гэнго кэнкю сэнта ронсю*. 2012, 7. С. 75—88.
- Невская 2005 — И. А. *Невская*. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: Ника, 2005.
- Панина 2018 — А. С. *Панина*. Глаголы падения в японском языке // *Вестник Московского университета*. Серия 13. Востоковедение. 2018, 2. С. 3—13.
- Рахилина 1990 — Е. В. *Рахилина*. Семантика или синтаксис? К анализу частных вопросов в русском языке. Munchen: Sagner, 1990.
- Сай (ред.) 2018 — С. С. *Сай* (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>.
- Сергеева 2018 — Е. Н. *Сергеева*. Маркирование актантов двухместных предикатов в коми-зырянском литературном языке // С. С. Сай (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 339—353. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>
- Сугимото 1995 — Т. *Сугимото*. Идокаку но «о» ни цуитэ (О локативном аккумулятиве) // *Нихонго кэнкю*. 1995, 15. С. 120—129.

Сугимото 2009 — *T. Сугимото*. Какудзёси «о» саико (Пересмотр аккумулятивного падежного показателя) // *Nichigo nichibungaku kenkyuu*. 2009, 71 (1). С. 3—12.

Суми 2003 — *Ю. Суми*. Идо о аравасу нихонго доси но ими то каку хёдзи: «ватару» о рэй тоситэ (Значение и падежное маркирование японских глаголов движения: на примере глагола «пересекать») // *Тюбу дайгаку дзимбун гакубу кэнкю ронсю*. 2003, 10. С. 113—132.

Хо 2008 — *Д. Хо*. Идо доси но каку хёдзи то асупэкуто кэисики то но канкэи: канкокуго то но тайсё но кантэн кара (Связь падежных показателей и видовых форм глаголов движения в сопоставлении с корейским языком) // *Нихонго то нихон бунгаку*. 2008, 47. С. 39—53.

Hopper, Thompson 1980 — *P. J. Hopper, S. A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980, 56 (2). P. 251—299.

References

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. *Izbrannye trudy*. T. 1. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moskva: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, Vostochnaya literatura RAN, 1995. {Yu. D. Apresyan. Selected works. Vol. 1. Lexical semantics. Synonymous means of language. Moscow: School “Languages of Russian Culture”, Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 1995.}

Bass 1973 — I. I. Bass. *Semantika glagolov dvizheniya v sovremennom yaponskom yazyke*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1973. {I. I. Bass. Semantics of motion verbs in modern Japanese. Summary of the PhD thesis. Moscow, 1973.}

Durova 2016 — M. V. Durova. *Modeli bytiino-prostranstvennykh ehlementarnykh prostykh predlozhenii v yaponskom yazyke (v sopostavlenii s yazykami narodov Sibiri)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2016. {M. V. Durova. Models of existential-spatial elementary simple sentences in Japanese (in comparison with the languages of the peoples of Siberia). PhD thesis. Novosibirsk, 2016.}

Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. In: *Language*. 1980, 56 (2). P. 251—299.

Kato 2006 — S. Kato. *Taisekaku to basekaku no rehndzokusehi: kakudzesi siron*. In: *Bulletin of the Faculty of Humanities and Human Sciences*. Hokkaido University. 2006, 118. S. 135—182. {S. Kato. On the properties of the Japanese accusative/locative case marker. In: *Bulletin of the faculty of humanities and human sciences*. Hokkaido University. 2006, 118. P. 135—182.}

Kho 2008 — D. Kho. *Ido dosi no kaku khedzi to asupehkuto kehisiki to no kankehi: kankokugo to no taise no kantehn kara*. In: *Nikhongo to nikhon bungaku*. 2008, 47. S. 39—53. {D. Kho. The relationship between case markers and aspect forms of motion verbs in contrast with Korean. In: *Japanese language and literature*. 2008, 47. P. 39—53.}

Kolpachkova 2018 — E. N. Kolpachkova. *Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v sovremennom kitaiskom yazyke*. In: S. S. Sai (otv. red.). *Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh*. *Sbornik statei*. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 456—479. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {E. N. Kolpachkova. Marking arguments of two-place predicates in modern Chinese. In: S. S. Sai (ed.). *Valence classes of two-place predicates in languages with different structures*. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 456—479.}

Konuma 2018 — Yu. Konuma. *Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v yaponskom yazyke*. In: S. S. Sai (otv. red.). *Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh*. *Sbornik statei*. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 440—455. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {Yu. Konuma. Marking arguments of two-place predicates in Japanese. In: S. S. Sai. (ed.). *Valence classes of two-place predicates in languages with different structures*. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 440—455.}

Kozhanov 2018 — K. A. Kozhanov. *Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v tsyganskom yazyke (kehldeharskii dialekt)*. In: S. S. Sai (otv. red.). *Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh*. *Sbornik statei*. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 225—240. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {K. A. Kozhanov. Marking arguments of two-place predicates in the Romani language (Kelderari dialect). In: S. S. Sai (ed.). *Valence classes of two-place predicates in languages with different structures*. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 225—240.}

Kuznetsov 2020 — A. A. Kuznetsov. *Grammatikalizatsiya glagolov dvizheniya v yaponskom yazyke*. VKR SPBGU, 2020. {A. A. Kuznetsov. Grammarization of motion verbs in Japanese. Graduate work. Saint Petersburg State University, 2020.}

Letuchii 2013 — A. B. Letuchii. *Tipologiya labil'nykh glagolov*. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. {A. B. Letuchiy. Typology of labile verbs. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013.}

- Matsumoto 2016 — K. Matsumoto. Kodaigo no idodosi to kitehn / kehiro. In: Nihongo no kehnkyu. 2016, 12 (4). S. 86—102. {K. Matsumoto. Motion verbs and origin / path in ancient language. In: Studies in Japanese language. 2016, 12. P. 86—102.}
- Miyakeh 1996 — T. Miyakeh. Nihongo no ido dosi no taikaku khedzi ni tsuiteh. In: Gehngo kehnkyu. 1996, 110. S. 143—168. {T. Miyakeh. On accusative case marking by Japanese movement verbs. In: Language Studies. 1996, 110. P. 143—168.}
- Nakao 2012 — Yu. Nakao. Subehteh no “O” va kaku dzesi ka. In: Osaka daigaku sehkai gehngo kehnkyu sehnta ron-syu. 2012, 7. S. 75—88. {Yu. Nakao. Are all accusative cases case particles? In: Issues of International linguistic research center of Osaka University. 2012, 7. P. 75—88.}
- Nevskaya 2005 — I. A. Nevskaya. Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo yazyka). Novosibirsk: Nika, 2005. {I. A. Nevskaya. Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (based on the Shor language). Novosibirsk: Nika, 2005.}
- Panina 2018 — A. S. Panina. Glagoly padeniya v yaponskom yazyke. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. 2018, 2. S. 3—13. {A. S. Panina. Falling verbs in Japanese. In: Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental studies. 2018, 2. P. 3—13.}
- Rakhilina 1990 — E. V. Rakhilina. Semantika ili sintaksis? K analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke. München: Sagner, 1990. {E. V. Rakhilina. Semantics or Syntax? Answering WH-questions in Russian. Munich: Sagner, 1990.}
- Sai (red.) 2018 — S. S. Sai (otv. red.). Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh. Sbornik statei. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {S. S. Sai (ed.). Valence classes of two-place predicates in languages with different structures. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018.}
- Sergeeva 2018 — E. N. Sergeeva. Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v komi-zyryanskom literaturnom yazyke. In: S. S. Sai (otv. red.). Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh. Sbornik statei. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 339—353. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {E. N. Sergeeva. Marking arguments of two-place predicates in the Komi-Zyryan literary language. In: S. S. Sai (ed.). Valence classes of two-place predicates in languages with different structures. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 339—353.}
- Sugimoto 1995 — T. Sugimoto. Idokaku no “O” ni tsuiteh. In: Nihongo kehnkyu. 1995, 15. S. 120—129. {T. Sugimoto. About locative accusative marker. In: Studies in Japanese language. 1995, 15. P. 120—129.}
- Sugimoto 2009 — T. Sugimoto. Kakudzesi “O” saiko. In: Nichigo nichibungaku kenkyuu. 2009, 71 (1). S. 3—12. {T. Sugimoto. Reconsideration of the accusative case particle. In: Japanese Language and Literature Studies. 2009, 71 (1). P. 3—12.}
- Sumi 2003 — Yu. Sumi. Ido o aravasu nihongo dosi no imi to kaku khedzi: “vataru” o rehi tosieteh. In: Tyubu daigaku dzimbun gakubu kehnkyu ronsyu. 2003, 10. S. 113—132. {Yu. Sumi. Meaning and case marking of Japanese motion verbs: a case study of “wataru”. In: Research issues of faculty of humanities of Chubu University. 2003, 10. P. 113—132.}
- Yo 2004 — E. Yo. Nihongo no “O” kaku purasu ido dosi kobun taio suru tyugokugo khyogehh. In: Social and Cultural Studies. 2004, 15. S. 129—139. {E. Yo. Japanese accusative case with motion verbs and it’s corresponding in Chinese. In: Social and Cultural Studies. 2004, 15. P. 129—139.}
- Zaliznyak 2002 — A. A. Zaliznyak. “Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. {A. A. Zaliznyak. “Russian nominal inflection” with the application of selected works on the modern Russian language and general linguistics. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002.}

**Якутские обозначения младенца и основные стратегии
номинации новорожденного ребенка в тюркских языках**

Федотова Идалия Вячеславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва), Институт языкознания РАН (Москва);
idal.fedotova@gmail.com

Прокопьева Алена Кирилловна, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск);
alonachoo@mail.ru

Шамаева Анастасия Егоровна,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; ashamaeva@mail.ru

Тимофеева Айталиня Владимировна,
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск); aitalina0895@gmail.com

Предлагаемое исследование впервые на материале якутского языка освещает мотивационные модели, связанные с обозначением младенца в возрасте до одного года. Якутские обозначения новорожденного ребенка рассматриваются на тюркском фоне и сопоставляются с другими языками мира. Обнаружено 12 мотивационных моделей для обозначения младенца: ‘красный’, ‘новый’ + ‘рожденный’, заим. ‘новый, свежий’, ‘липкий, скользкий’, ‘незрелый, физически неокрепший’, ‘вода’ (усилительная частица), ‘сохнувший’, ‘издающий определенные звуки’, ‘находящийся в люльке’, ‘грудной’, заим. ‘младенец’ > ‘подросший младенец, умеющий сидеть’, ‘манера передвижения’ > ‘ребенок, начинающий ходить’. Предложено объяснение семантическому переходу ‘красный’ > ‘новорожденный’. Также на материале тюркских языков рассмотрены мотивационные модели ‘сырой’ > ‘новорожденный’, ‘новый’ + ‘рожденный’ > ‘новорожденный’, ‘красный’ > ‘новорожденный’ и их параллели в языках мира.

Ключевые слова: якутский язык, тюркские языки, семантический переход, стратегии номинации, цветообозначение красный, обозначение младенца

**NOMINATION STRATEGIES FOR ‘NEWBORN’ IN TURKIC LANGUAGES
AND OTHER WORDS FOR ‘BABY’ IN YAKUT**

Idalia V. Fedotova,
National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Ivannikov Institute for System Programming of the Russian
Academy of Sciences (Moscow), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); idal.fedotova@gmail.com

Alena K. Prokopyeva, North-Eastern Federal University (Yakutsk); alonachoo@mail.ru

Anastasia E. Shamaeva, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Moscow); ashamaeva@mail.ru

Aitalina V. Timofeeva, North-Eastern Federal University (Yakutsk); aitalina0895@gmail.com

From a typological perspective, it is valuable to study ways of coding the meaning ‘baby’ in the languages of the world. The concepts ‘baby’ and ‘newborn baby’ do not belong to any semantic field that has been widely studied on the material of various languages of the world (kinship terms, aquamotion verbs, verbs of falling, temperature terms, colour terms), hence almost no comparative literature. Additionally, the semantic component ‘baby’ can be included in the broader lexical meaning ‘child’. Moreover, in the dictionaries of poorly studied and insufficiently described languages, words for different stages of a child’s growth and development up to one year are not recorded. This discrepancy begs the question of to what extent different languages code the reality in an even way: in some languages, researchers have recorded separate designations of a newborn baby, an infant, crawling, starting to walk, and in other languages they are still unknown.

This study offers a new overview of all semantic models associated with labelling a baby under the age of one year in the Yakut language. Yakut words for a newborn child are examined on the Turkic background and compared with other languages of the world. 12 semantic models for ‘baby’ have been found: ‘red’, ‘new’ + ‘born’, borrowing ‘new, fresh’, ‘sticky, slippery’, ‘immature’, intensifier ‘water’, ‘getting dry’, ‘making certain sounds’, ‘in the cradle’, ‘breast’ (= ‘with breast’), borrowed word for ‘baby’ > ‘a baby who can sit’, ‘movement method’ > ‘toddler’. A possible explanation for the semantic shift ‘red’ > ‘newborn’ is proposed. The semantic models for ‘newborn’ among the Turkic languages are also observed, with the following source meanings: ‘raw’, ‘new’ + ‘born’, ‘red’. Some parallels in world languages are also considered.

Keywords: the Yakut language, Turkic languages, semantic shift, nomination strategies, colour terms, red, words for ‘baby’

1. Введение

Обозначение младенца в языках мира представляет определенный интерес с типологической точки зрения. В возрасте до одного года недавно родившийся человек проходит несколько трансформаций: сначала он почти неподвижен, затем учится сидеть, владеть своими руками и ходить. В некоторых традиционных культурах новорожденный ребенок в возрасте четырех-шести недель воспринимается как особое существо [Баранов 1998: 112—116]. В любом случае наличие отдельных слов, обозначающих младенца в разные периоды до одного года, является некоторым культурным феноменом.

Словари далеко не всегда фиксируют отдельные обозначения ‘новорожденного ребенка’ в силу неразличения значений ‘ребенок’ и ‘младенец’ в языках или недостаточно подробного лексикографического описания. Названия периодов детского возраста мало изучены в кросс-лингвистическом аспекте и практически отсутствуют в типологических базах данных [DatSemShift; CLICS 2019]: нам не известны сопоставительные работы по исследованию возрастной терминологии в различных языках мира, в отличие от других семантических полей и лексических групп (термины родства, глаголы движения в воде, глаголы падения, температурные термины). Якутские обозначения младенцев частично рассматриваются в работе [Анисимов 2018], посвященной возрасту человека.

Отдельные упоминания о семантических переходах, связанных с новорожденным ребенком, встречаются при изучении понятия ‘ребенок’ на материале некоторых языков, в частности языков Австралии как языкового ареала [Evans 1990]. Работа по комплексному описанию семантических переходов, в результате которых возникает значение ‘новорожденный ребенок’ в языках мира, еще не проведена. В рамках настоящей статьи мы описываем семантические переходы в обозначениях новорожденного ребенка в якутском языке в сопоставлении с другими тюркскими языками.

Семантический переход понимается как «факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции» [Зализняк Анна А. 2009: 107]. А. А. Зализняк выделила всего шесть типов реализаций семантического перехода: 1) полисемия; 2) семантическая эволюция; 3) деривация; 4) когнаты (в терминологии А. В. Дыбо «рефлексная многозначность» [Дыбо 2005]); 5) заимствование; 6) грамматикализация (подробнее см. [Зализняк Анна А. 2009; 2018]). Среди обозначений младенца в якутском языке встречаются четыре типа — полисемия (синхронное совмещение значений), семантическая эволюция (историческое развитие значения), деривация (образование нового слова морфологическими средствами с изменением значения) и заимствование (слово из языка-донора приобретает новое значение в якутском языке).

2. Источники и методы исследования

Материалы. К сопоставительному анализу привлекалась лексика из 24 словарей, а также полевые материалы. Данные якутского языка были собраны по основным лексикографическим источникам. Многотомный академический «Большой толковый словарь якутского языка» — в настоящее время самый крупный толковый словарь якутского языка, вышедший в 15 томах и содержащий около 80 тысяч слов и фразеологизмов [ТСЯЯ 2004; 2005; БТСЯЯ 2008; 2010; 2012; 2013; 2015; 2017; 2018]. «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского, насчитывающий 25 тысяч слов [Пекарский 2008], был составлен в конце XIX — начале XX в. и по сей день не теряет свою ценность как фундаментальный труд в якутском языкознании и тюркологии. «Диалектологический словарь якутского языка» в двух изданиях (см. [Афанасьев и др. 1976; Воронкин и др. 1995]) является важным источником, который отражает особенности различных диалектов и говоров в районах (улусах) Якутии.

Для сопоставления с родственными и контактными языками якутских слов привлекались толковые, переводные, этимологические и диалектологические словари тюркских языков (*алтайского* [САиАНТЯ 1884; Баскаков, Тоцакова 1947; РАС 1963; КумРС 1995; АРС 2018], *киргизского* [Юдахин 1985], *тувинского* [ТувРС 1968], *хакасского* [ХРС 2006], *казахского* [Бектаев 1995], *узбекского* [Мирзаев 2006—2008]), а также *монгольских* [Черемисов 1951; МРС 1957; КалмРС 1977; БАМРС 2001; СЯОС 2001; Шагдаров, Черемисов 2008; Дамдинов, Сундуева 2015; Санжеев и др. 2015; 2016] и *тунгусо-маньчжурских* языков [Василевич 1958].

Также авторами велся опрос носителя алтайского языка, кандидата филологических наук Сарбашевой Сурны Борисовны (родилась 27 февраля 1974 г. в селе Боочи Онгудайского района Алтайского края). Значение и употребление якутских лексем уточнялось авторами — носителями якутского языка (А. К. Прокопьева, А. Е. Шамаева, А. В. Тимофеева) [ПМА]¹.

¹ ПМА — полевые материалы авторов.

Методы. Происхождение слов уточнялось по этимологическим словарям [ЭСТЯ 1974; 1980; 1989; 2003; Дыбо 2013]. Реконструкция тюркских праформ приводилась по [EDAL 2003]. Для сопоставления семантических моделей в типологическом аспекте привлекались материалы Базы данных семантических переходов [DatSemShift]. Для визуализации ареалов распространения различных мотивационных моделей была построена карта на лингвистической платформе ЛингвоДок.

В комментариях к семантике при разборе каждого слова выделяются два уровня: синхронная семантика (современное лексическое значение слова, как оно воспринимается носителями языка) и диахроническая семантика (этимология, внутренняя форма слова).

Результаты исследования описаны в двух следующих разделах: сначала обозреваются способы номинации новорожденного ребенка в тюркских языках, а далее в центре изучения — только якутская лексика, связанная с обозначением ребенка от периода новорожденности до года, с привлечением параллелей в родственных языках.

Рис. 1. Семантические переходы со значением ‘ребенок’ и ‘новорожденный’ в [DatSemShift]

3. Обозначения новорожденного ребенка в тюркских языках

Самым распространенным обозначением ребенка в тюркских языках является лексема **bala* [СИГТЯ 2001: 306—307], реже встречается **oylan* ‘ребенок, дитя’ [там же: 314]. В кыпчакских языках в этом значении употребляется лексема **bebe* [там же: 307].

В якутском языке базовое обозначение ребенка — *оҕо* ‘ребёнок, младенец, дитя’ [БТСЯЯ 2010: 200]. Сочетания с этим словом в якутском различают детей по полу и возрасту: *кыыс оҕо* ‘девочка, дочь’, *уол оҕо* ‘мальчик; юноша’, *ньирэй оҕо* ‘младенец’, *кыһыл оҕо* ‘новорожденный’. Исследователи обычно предполагают, что лексема *оҕо* является производным от гипотетического глагола **оҕ-/оq* ‘рождать’ [ЭСТЯ 1974: 416—417; СИГТЯ 2001: 314] (для якутской формы возможен только вариант **оq*). Тот же корень находят в пратюркском (далее — ПТ) **оҕул* ‘сын’ и **оylan* (вариант *оy-* по фонетическим причинам): «1. ребенок, мальчик: *oylan belaldi* ‘ребенок был закутан в пеленки’ (МК III 196); *kičig oylan erdim begtti meni* ‘я был маленьким ребенком, он вырастил меня’ (QVK 46); 2. сын (обычно с аффиксами принадлежности) *sabim̄in tkti eidgil ulaju ini jegn̄im oylan̄im* ‘слушайте полностью мою речь, идущие [за мной] мои младшие родичи, мои сыновья’ (КТ_{М1})» [ДТС 1969: 363].

Рассмотрим стратегии номинации **новорожденного ребенка** в тюркских языках в порядке их распространенности.

3.1. ‘новый’ + ‘рожденный’

Это обозначение складывается из рефлексов ПТ **jaŋi* [ЭСТЯ 1989: 124—125; EDAL 2003: 1510] ‘новый’ (+ свежий, молодой) и *дог-* ‘рождаться’ и т. д. [ЭСТЯ 1980: 245—247], однако, насколько нам известно, оно нигде не зафиксировано как пратюркское или древнетюркское словосочетание. Можно предполагать независимое параллельное происхождение этого словосочетания в отдельных тюркских языках под влиянием контактных индоевропейских (русский язык на территории бывшего СССР, а для турецкого, вероятно, французский): тат. *яңа туган (сабый)*, башк. *яңы туган (бала)* [РБС 2005: 571, 700], каз. *жаңа туган*, узб. *янги тугилган (бола)* [Мадвалиев 2006: 305], азерб. *янги туган*, тур. *yeni doğmuş* [Богочанская, Торгашова 2009: 265], як. *санга төрөөбүт (оҕо)* < ПОТ **töre-* ‘рождаться’ [ЭСТЯ 1980: 283—284].

3.2. ‘свежий’ + ‘ребенок’

Несколько континуантов ПТ **jāl* [EDAL 2003: 961]: ‘возраст, год жизни’, ‘молодой, зелёный, свежий’ [ЭСТЯ 1989: 163] — используется в обозначениях новорожденного ребенка:

хак. *час пала* ‘младенец’ [ХРС 2006: 341], *азайлыг час бала* фольк. ‘младенец’ (*азайлыг* — *слизистый, покрытый слизью* [там же: 32]);

тоф. *чеш* 1. ‘новорожденный, грудной (о ребенке); 2. свежий’ [СТРиРТ 2005: 116];

тув. *чаи уруг, чаи* ‘младенческий, грудной’, ‘младенец’; ‘детский’ (*чаи назын* ‘детский возраст, детство’) [ТувРС 1968: 522];

алт. *јаш бала* ‘новорождённый ребёнок’ [АРС 2018: 194], *су-јаш* ‘новорождённый’ [АРС 2018: 609];

тат. *яшь бала*, а также в каз., хак. диал., тув., тоф. ‘младенец, новорожденный’ [ЭСТЯ 1989: 161—164].

С этой моделью обозначения, возможно, соотносится и зафиксированная всего в двух языках конструкция ‘сырой’ + ‘ребенок’: башк. *сей бала* ‘сырой’ + ‘ребенок’, алт. *кызыл чий (бала)* ‘красный’ + ‘сырой’ (ребенок) [АРС 2018: 428]. Полисемия ‘новорожденный, сырой, свежий’ отмечена также в тундровом ненецком (представитель уральской языковой семьи) *айбэй* ‘новорожденный, сырой, свежий’ [Lingvodoc].

В [DatSemShift] отмечены переходы ‘незрелый’ > ‘ребенок’ и ‘зеленый’ > ‘ребенок’ в дравидийских языках каннада и тамильском.

3.3. ‘красный’ + ‘ребенок’

Эта модель в качестве базового обозначения новорожденного ребенка на фоне других современных тюркских языков широко распространена в языках Восточной и Южной Сибири: в якутском, алтайском, тувинском и тофаларском, а также в казахском (см. таблицу 1).

Таблица 1. Модель ‘красный ребенок’

Язык	Выражение	Модель	Значение
Со словом ‘красный’ + ‘ребенок’ в тюркских языках:			
як.	<i>кыһыл оҕо</i>	красный + ребенок	новорожденный
кирг.	<i>кызыл бала, ымыркай</i> ‘розовый’ [Юдахин 1985: 432]	красный + ребенок	новорожденный
алт.	<i>кызыл эт бала</i>	красный + тело + ребенок	новорожденный
каз.	<i>qyzyl faqa</i> [Lingvodoc], <i>кызылшақа</i>	красный + ребенок	новорожденный
Со словом ‘красный’ + ‘ребенок’ в монгольских языках:			
бур.	<i>улаан нарай</i>	красный + ребенок	новорожденный
монг.	<i>улаан нярай</i>	красный + новорожденный	новорожденный, ма-
	<i>улаан нялцагай</i>	красный + малютка	люсенький (о ребенке)
Со словом ‘красный’ + другое слово в тюркских языках:			
хак.	<i>хызыл пырчык</i>	красный + горох	лишь красное тельце (о новорожденном)
каз.	<i>кызыл қарын</i>	красный + живот	новорожденный

Помимо тюркских, эта модель встречается в монгольских языках. К лексемам, обозначающим младенца (*нярай* ‘новорождённый, младенец; родившийся недавно’ [БАМРС 2001: 335], *цах* ‘новорождённый’ [МРС 1957: 606; БАМРС 2001: 1123], а также *нялцагай* ‘липкий, скользкий, вязкий; клейкий; кашицеоб-

разный; слизистый» [БАМРС 2001: 335]) прибавляется колороним *улаан* ‘красный’, что сужает значение словосочетания до ‘совсем маленький, только что родившийся ребенок’: «*улаан нярай / улаан нялцай* ‘новорождённый, малюсенький (о ребёнке)’» [там же: 726], «*улаан цах* ‘только что родившийся ребёнок, новорождённый’» [там же: 1123]. Последнее буквально переводится как «красный младенец», «красный скользкий/липкий».

Кроме детей, ‘красными’ называют и новорожденных детенышей зверей и птенцов:

як. *кыһыл тугут* (горн.) «новорожденный олененок» [Афанасьев и др. 1976: 139];

тув. *кызыл анай* (‘красный’ + ‘козленок’) — ‘новорожденный теленок’;

каз. *қызылшақа* ‘только что вылупившийся птенец’, ‘новорожденный младенец’ [Қазақ әдеби тілінің сөздігі 10: 954] (рефлекс ПТ **ĕАка* ‘новорожденный ребенок, детеныш’ [EDAL 2003: 407]);

хак. *хызыл падас* (‘красный + птенец’) — ‘только что вылупившийся птенчик’ (ср. монг. *улаан цурав* (‘красный’ + ‘птенец’) — ‘только что вылупившийся птенец, неоперившийся птенец’).

По материалам [DatSemShift], обозначение новорожденного ребенка словом с компонентом ‘красный’ имеет девять параллелей в языках Юго-Восточной Азии: японском, китайском, тайском, лаосском, шанском, индонезийском, малайском, яванском и ветарском. В каталоге [CLICS 2019] таких колексификаций нет.

Согласно этимологическому словарю полинезийских языков [Pollex 2010], семантический переход ‘красный’ > ‘младенец’ встречается в семи языках внешней Полинезии: восточном увеа, эмаэ, нукуману, самоа, такуу, тикопиа и пилени².

Объяснением развития значения ‘красный’ > ‘новорожденный’ может быть фактический цвет кожи новорожденного ребенка, и в таком случае эта модель является универсалией, подобно сочетаниям *синее небо* и *белый снег*. Несмотря на то, что такое обозначение новорожденного, по всей видимости, отсутствует в индоевропейских языках, а также в языках Кавказа (по письменному сообщению Т. А. Майсака), распространенность этой модели на обширной территории восточной части Евразии и в Полинезии указывает больше не на ареальный, а на универсальный характер ее происхождения. Ввиду отсутствия этого значения в типологических базах данных провести сплошную проверку в языках мира не представляется возможным, это дело будущего.

Таким образом, в тюркских языках встречаются **четыре модели обозначения новорожденного ребенка**. Их примерные ареалы распространения показаны на рис. 2. (карта построена с помощью платформы ЛингвоДок). Функцией ареала отмечены менее распространенные модели 1 и 2:

- 1) ‘красный’: як., кирг., алт., хак., тув. (красный цвет);
- 2) ‘сырой’: башк., алт. (желтый цвет);
- 3) ‘свежий, молодой’: як., тат., каз., алт., тув., тоф., хак. (зеленый цвет);
- 4) ‘новый’ + ‘рожденный’: як., тат., башк., каз., узб., тур. (синий цвет).

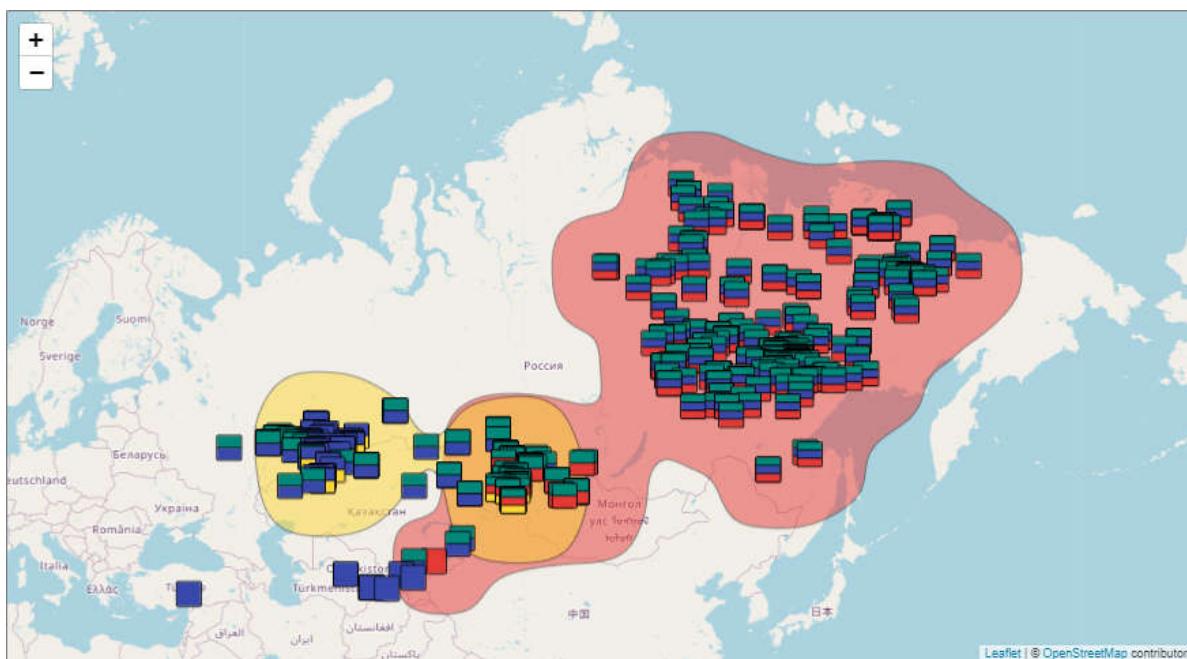

Рис. 2. Сводная карта ‘новорожденный’ в тюркских языках

² ‘Red’ (см. <https://pollex.shh.mpg.de/entry/mea.1a/>); ‘baby, infant’ (см. <https://pollex.shh.mpg.de/entry/mea.1d/>).

4. Обозначения младенца в якутском языке

В якутском языке существуют специальные обозначения детей в возрасте до одного года. Этот возраст можно разделить на следующие периоды, исходя из этапов развития ребенка: 1) от рождения до 1,5—2 месяцев — новорожденный; 2) от 2 до 6 месяцев — грудной ребенок, ещё не начавший ползать и сидеть; 3) с 6 месяцев — грудной ребенок, уже начавший сидеть и передвигаться. Некоторые лексемы охватывают возраст до года целиком: *ньирэй оҕо* ‘младенец’ [БТСЯЯ 2010: 117], *эмийдээх оҕо* ‘грудной ребенок’, а также диалектные слова центр. *эһээхэй* и вил. *ынаачык*. В русском языке слово *младенец* используется похожим образом: в лексикографии конкретный возраст не обозначен (‘маленький ребёнок’ [МАС 1999]), но примеры употребления и коллокации указывают на возраст до одного года или немногим старше.

Перечислим якутские лексемы с более узким значением, соответствующие различным этапам грудного возраста:

1) новорожденный (*первые 4—6 недель после рождения*): *кыһыл оҕо* [БТСЯЯ 2008: 200], *ньылба* (*ньылбыыска*), *эһээхэй*, *ынаачык*, *ньяах оҕо*;

2) грудной ребенок, ещё не начавший сидеть и передвигаться: *саҥа төрөөбүт оҕо* ‘недавно родившийся ребенок’, *экийбит оҕо*, *биһиктээх*;

3) с 6 месяцев — ползает и начинает ходить: *балчыр оҕо*, *сыҥаһалыыр оҕо*, *борбуйун көтөхнүт оҕо*.

Рассмотрим семантические модели, стоящие за обозначением младенца в каждый период в якутском языке, и лексемы, которые соотносятся с одним или несколькими этапами, составив номинационную решетку в терминологии А. В. Дыбо [Дыбо 1996: 24]. В таблице 2 по вертикали указаны первичные значения лексем, ставших обозначениями ребенка определенного возраста, а по горизонтали — их соотношение с возрастными этапами до года.

Таблица 2. Модели обозначения младенца в якутском языке

№	Мотивационные модели	Лексемы	0—2 2—6 6—12		
			мес.	мес.	мес.
1	‘красный’	<i>кыһыл оҕо</i>	+		
2	‘новый’ + ‘рожденный’	<i>саҥа төрөөбүт оҕо</i>	+		
3	заимств. ‘новый, свежий’ + ‘ребенок’	<i>ньирэй оҕо</i>			
4	‘липкий, скользкий’	<i>ньылбыыска</i> , <i>ньылба</i>	+		
5	‘незрелый, физически неокрепший’	<i>ньулдьабай</i>	+	+	+
6	интенсификатор (< ‘вода’) + ‘ребенок’	<i>уу кыһыл оҕо</i> , <i>уу ньирэй оҕо</i> , <i>уу оҕо</i> , <i>уу ньирэй</i>	+		
7	‘издающий определенные звуки’	<i>эһээхэй</i> , <i>ынаачык</i> , <i>ыҥаа</i> , <i>ньяах оҕо</i>	+	+	
8	‘сохнувший’	<i>экийбит оҕо</i>		+	
9	‘в колыбели’	<i>биһиктээх оҕо</i>	+	+	
10	‘грудной’ (= ‘с грудью’)	<i>эмийдэнээччи</i> , <i>эмийдээх оҕо</i>	+	+	+
11	заимств. ‘младенец’ > ‘подросший младенец, умеющий сидеть’	<i>балчыр</i> , <i>балчыр оҕо</i>			+
12	‘манера передвижения’ > ‘ребенок, начинающий стоять/ходить’	<i>сыҥаһалыыр оҕо</i> , <i>борбуйун борбуйун көтөхнүт оҕо</i>			+

4.1. ‘красный’ > ‘новорожденный’

Основным обозначением новорожденного в современном якутском языке является устойчивое сочетание *кыһыл оҕо* (букв. ‘красный ребенок’) ‘новорожденный ребенок’ [БТСЯЯ 2008: 373]. Внутренняя форма этого устойчивого словосочетания *кыһыл оҕо* связана с фактическим красным цветом, с цветом кожи новорожденного ребенка³. Рассмотрим и другие якутские словосочетания со словом *кыһыл* и обозначением кожи или частей тела.

Покраснение кожи как результат физического воздействия, напряжения. *Кыһыл илиитинэн* (букв. ‘красными руками’): *Кылана-кылана*, *Кыһыл илиилэринэн кыдыспыттар* (П. Ойуунускай) ‘С кри-

³ Красный цвет кожи новорожденного может быть связан с простой эритемой новорожденных, которая характеризуется гиперемией кожного покрова вследствие расширения капилляров в ответ на воздействие более низкой, чем внутриутробная, температуры окружающей среды. Вместе с тем красный цвет может являться следствием напряжения ребенка в процессе родов.

ком бросались друг на друга (бились, уничтожали, забивали...) голыми руками'. Бу суолу хаайыылаахтар *кыһыл илишлэринэн туппуттара* (И. Федосеев) 'Эту дорогу заключенные строили голыми руками' (без каких-либо приспособлений). *Кини аарыма бөрөнү кытта кыһыл илишинэн кирирсэн турардаах* (П. Аввакумов) 'Был случай, когда он голыми руками схватился с очень большим (крупным) волком'.

Кыһыл атахтаа (букв. 'сделать красноногим') 'утомлять, доставлять много страданий путнику' (о местности): *Айанньыт бөбөнү кыһыл атахтаабыт сис хайалар ааттыын да дьиктилэр, саллыылаахтар* (Багдарыын Сүлбэ) 'Измучившие многих путников горные хребты, даже названия у них необычные, устрашающие...' **Кыһыл атахтаах** (букв. 'с красными ногами') 'гонимый нуждой': *Кыһалбалаах быдан былыргыттан кыһыл атахтаах* 'Издравле гонимый нуждой носится повсюду' [БТСЯЯ 2008: 371].

Покраснение кожи в ответ на воздействие низкой температуры окружающей среды. Кыһыл сыгыньнах (букв. 'красный голый') 'раздетый': *Кыһынын тиийэн, Кыһыл сыгыньнах Кытара сүүрбүт* (Өксөкүлээх Өлөксөй) (букв. 'зимой красный голый, краснея, побежал').

Покраснение кожи как результат реакции сосудов кожи на стрессовое психогенное воздействие. Кыһылынан көр (букв. 'смотреть красным') 'смотреть налитыми кровью глазами, злобно'; **Кыһыл ытыһынан** 'с пустыми руками' [*Сыбаайбаа*]: *кыһыл ытыһытынан тиийэбит дуо?* (С. Дадаскинов) 'Как же пойдем [на свадьбу] с пустыми руками?' (чувствует неловкость).

4.2. 'новый' + 'рожденный' > 'недавно родившийся'

Параллелью к широко распространенной в языках мира модели 'новый' + 'рожденный' (лат. *neonatus*, англ. *newborn*, тур. *уени доғтуз*) является якут. *сана төрөөбүт оҕо* 'недавно родившийся ребенок' (букв. 'только родившийся') [ПМА]. Словари литературного якутского языка не фиксируют это слово, но оно широко используется в речи и публицистике [СахаМедиа 2022]. Верхней возрастной границы для обозначения младенца этим словом нет, но чаще всего подразумевается новорожденный примерно до двух месяцев. Первый компонент *сана* восходит к ПТ **jaŋi* [EDAL 2003: 1510] со значениями 'новый', а также 'свежий', 'молодой' [ЭСТЯ 1989: 124—125]. Второй компонент словосочетания — это причастие от глагола *төрөө-* 'производить на свет младенца, детёныша, давать жизнь младенцу, детёнышу, рожать (о женщине, самке животного); появляться на свет в результате родов, родиться (о человеке, животном)' [БТСЯЯ 2013: 557].

4.3. Заимствованное 'новый, свежий' + 'ребенок'

Младенец также обозначается лексемой *ньирэй оҕо* [БТСЯЯ 2010: 117] («*нирэй оҕо* 'новорожденный ребенок, малое дитя, новорожденный, младенец, дитя-младенец'» [Пекарский 2008: стлб. 1701]) с заимствованным компонентом *ньирэй* из монгольских языков: *нярай* «1. 1) новорожденный, младенец; родившийся недавно; *нялх нярай* парн. новорожденный, совсем маленький (о ребенке); *нярай нүзлэг* патронаж; 2) новинка, свежинка, первинка; 2. новый, свежий (о съедобном)» [БАМРС 2001: 335]; *нярай* 'родившийся недавно'; *нялх нярай* парн. 'новорожденный, совсем маленький (о ребенке)' [МРС 1957: 289]; *нарай* 'новорожденный, младенческий'; *нарай ухибүүн* 'новорожденный ребенок'; *нарайхан* умен. от *нарай* 'новорожденный' [Черемисов 1951: 338]; *нирай* 1) 'новорожденный'; *күбүүн нэгэ нирай күбүүн аа длэ, экээн болджайна* фольк. 'мальчик, будучи младенцем, постепенно растет'; 2) перен. 'новенький, новый'; *шинэ ишигэйгээ нирай ишигэй гэкү* 'новый, свежеприготовленный войлок называют новорожденным'; *нирай нилха* парн. 'новорожденный, свеженький, молоденький' (Ул.-Парт.) [Дамдинов, Сундуева 2015: 218—219]; *нирээ (нирай)* 'недавно родившийся'; *нилхэ-нирээ* 'новорожденный, совсем маленький (о ребенке)' [СЯОС 2001: 249]. В якутском языке данная лексема обозначает, так же как и монгольское слово *нярай*, все новое, свежее и молодое: «*ньирэй от* 'ростки травы', *ньирэй саас* 'младенческий возраст', *ньирэй тиис* 'молочные зубы'» [БТСЯЯ 2010: 118], *ньирэй баттах* 'новые непослушные волосы, растущие у женщин после родов'. От *ньирэй* образованы следующие лексемы: глагол *ньирэмсий* 'вести себя как ребенок; напрашиваться на ласку; быть изнеженным' [там же: 118] — *ньирэй+мсий*; *ньирээйи* 'молодой, тонкий, упругий (напр., о дереве); росток, поросль (о растительности)' — *ньирэй+и*; *ньирээйик* 'место, поросшее молодым тальником; мелколесье' [там же: 119] — *ньирэй+и+к* (афф. диминутива), также передающие значение 'молодой, свежий'.

4.4. 'липкий, скользкий'

В верхоянском диалекте зафиксировано обозначение младенца *ньылбыыска*, в саккырырском подгоне — *ньылба оҕо* 'новорожденный' [Афанасьев и др. 1976: 181].

Лексема *ньылба* в диалектной лексике якутского языка используется в отношении животных — (горн.) ‘теленоч’ и (в.-вил.) ‘выкидыш, преждевременно родившийся теленок или жеребенок’ [там же]. Возможно, это слово имеет эвенкийское происхождение (эвенк. *нилбэн* ‘мясо молодого животного’ [Василевич 1958: 292]), однако его этимология требует дальнейшего исследования.

В то же время в якутском языке функционирует и множество слов с основой *ньыл-*, объединенных признаком «липкий, скользкий», например:

- 1) *ньыл-ньал*: *ньыл-ньал курдук* ‘не высыхающий, влажный, сырой (*место*)’ [БТСЯЯ 2010: 172];
- 2) *ньыллыр-ньаллыр* ‘подражание чавкающему, хлопаящему повторяющемуся звуку (*напр., возни-кающему при ходьбе по жидкой грязи*)’ [там же: 172];
- 3) *ньылбы* ‘насквозь, до ниточки (промокнуть)’ [там же: 164—165], ср. монг. *нилбу-сун* ‘слезы, соп-ли, слизь’ [Nugteren 2011: 457];
- 4) *ньылбырый* ‘быть содранным, сдираться (*напр., о коже руки, ноги*); легко скользнуть по чему-либо мокрому (*напр., по первому снегу*); стать скользким от слякоти, сырости (*напр., о траве*)’ [БТСЯЯ 2010: 166—167];
- 5) *ньылбыннас* ‘скользкий’ [там же: 166];
- 6) *ньылбырхай* ‘скользкий (*напр., слякоть*)’ [там же];
- 7) *ньылбыраан* ‘размякшая, размытая дорога’ [там же];
- 8) *ньылбыраан тэллэй* ‘гриб-слизевик’ [там же];
- 9) *ньылапастаа* ‘ласково облизывать кого-что-л. (*о собаке*)’ [там же: 159];
- 10) *ньылбараннаа-* ‘краснеть, слезиться и гноиться (*обычно о глазах*)’ [там же: 163—164];
- 11) *ньылбыннас* ‘скользкий’ [там же: 166];
- 12) *ньылбыраах* ‘очень мягкий, нежный, легко разваривающийся (*напр., мясо утенка*)’ [там же];
- 13) *ньылбырыччы* ‘так, чтобы стало скользко (*промокнув*); чтобы стекало (*намокнув*)’ [там же: 168];
- 14) *ньылбыччы* ‘так, чтобы нельзя было держать в руках (*об оттаявшем мясе*)’ [там же: 166];
- 15) *ньылбаархай* ‘гладкий, блестящий, лоснящийся (*о поверхности чего-л.*)’ [там же: 169];
- 16) *ньыллырбаччы* ‘подобно шлепающему звуку, шлепая (*напр., по грязи*)’ [там же: 171—172].

Возможно, эти лексемы в результате паронимической аттракции ассоциируются у носителей с липкостью. В данном контексте диалектное як. *ньылба оьо* ‘новорожденный’ может быть связано со значением ‘липкий, скользкий’, поскольку «во время родов кожа новорожденного покрыта беловатым слоем, который называется первородной смазкой» [Стадникова и др. 2020: 139].

4.5. ‘незрелый, физически неокрепший’

Ньулдьабай прил. ‘незрелый, физически неокрепший’ [БТСЯЯ 2010: 138], «*нјуџаџаі, нјуџаџаі, нјуџаџаі, нјуџаџаі* ‘съ неокрепшими костями (*напр., о ребенке*)’; *хараххыт хәннэх, уоскут уоһахтэх нјуџаџаі буолабыт* ‘вы — малыши, у которых на глазах кровь, а на губах молоко (т. е. вы еще молоко-сосы)’» [Пекарский 2008: стлб. 1735].

Якуты про младенца с неокрепшим телосложением говорят *уу ньулдьабай эттээх*. В монгольском языке находим следующие значения лексемы *нялцагай* (п.-монг. *NilcegeI*): «1) липкий, скользкий, вязкий; клейкий; кашцеобразный; слизистый; *нялцагай биетэн* амьт. суд. слизняк, моллюск; *нялцагай гурил* тягучее тесто; жидковатое тесто; *нялцагай наанги* хорш. липкий (о глине); *нялцагай нуслиг* хорш. а) слизистый, скользкий; б) слизь; *нялцагай өндөг* яйцо всмятку; *нялцагай хальс* бие.зүй. слизистая оболочка; *нялцагай шавар/шивх* жижка; 2) мягкий, нежный; 3) шилж. бессильный, слабый; *нялцагай бага наснаасаа* с самых малых лет, с малолетства» [БАМРС 2001: 335].

Интенсификатор *уу* ‘вода’ в якутском языке также добавляется к лексеме *ньулдьабай* прил. ‘незрелый, физически неокрепший’ [БТСЯЯ 2010: 138], *уу ньулдьабай* ‘слабенький, еще не достигший физической зрелости (о человеке)’ [там же: 139] (ср. бур. *зулзага* [Шагдаров, Черемисов 2008: 408], монг. *йүлйүба* ‘детеныш’).

Таким образом, лексемы *ньылба* и *ньулдьабай* в якутском языке указывают на ассоциацию младенца с чем-то скользким и липким.

4.6. ‘вода’ (усилительная частица)

Для акцентирования внимания на возрасте новорожденности (первые 4 недели после рождения) в якутском языке используется элемент-интенсификатор *уу* ‘вода’: *уу кыһыл оьо* или *уу ньырэй оьо* [БТСЯЯ 2015: 351], *уу ньулдьабай* ‘слабенький, еще не достигший физической зрелости (о человеке)’ [БТСЯЯ 2010: 139], где *уу* ‘вода’ употребляется для выражения интенсивности в значении ‘совсем, очень, абсолютно’ (использование *уу* в роли интенсификатора можно видеть в следующих устойчивых сочетаниях: *уу ньалык*

буол ‘стать совершенно мокрым’ [там же: 86], уу *арыгыһыт* ‘неисправимый пьяница, алкоголик’ [ТСЯЯ 2004: 568], уу *дугуй сүһүөхтээх* ‘имеющий воздушно-легкую походку’ [БТСЯЯ 2015: 350], в.-кол. уу *куһун* ‘поздно осенью’ [Афанасьев и др. 1976]).

Замечено также употребление интенсификатора в диалектах якутского языка: уу *оҕо* (букв. ‘вода + ребенок’) — ‘новорожденный’ [Воронкин и др. 1995: 207], уу *ньирэй* букв. ‘вода + новорожденный’.

Интенсификатор уу не описан в грамматике якутского языка [ГСЯЛЯ 1982: 160], но встречается в определенных сочетаниях: уу *нуһаран* ‘исполненный покоя, тихий, безмятежный’ [БТСЯЯ 2015: 356], уу *чуумпу* ‘мертвая тишина’ (букв. ‘тихо, как у воды’) [там же: 354], уу *сах* ‘человек неякутской национальности, который свободно и чисто говорит по-якутски’, уу *сахалыы* ‘чисто по-якутски (говорить, беседовать)’ [там же: 352]. Подобное явление находим в алтайском языке: «*су-јаһи* ‘новорождённый’, *су-алтай* ‘чисто алтайский’» [АРС 2018: 609], где первый элемент *су* дан без толкования, просто как «часть сложных слов», но *су* тоже обозначает ‘вода’ [там же], это исконно тюркское слово: ПТ **sib* ‘вода’ [ЭСТЯ 2003: 348—350; EDAL 2003: 1285—1286].

В [DatSemShift] подобных примеров не зафиксировано.

4.7. ‘сохнувший’ > ‘набирающий вес’

В материалах диалектологического словаря находим лексему, прямо характеризующую младенца по набору веса: сунт. *экийбит оҕо* ‘младенец, начавший набирать вес’ [Воронкин и др. 1995: 247] (ср. монг. *эгших* ‘сохнуть, высухать, сушиться’ [БАМРС 2001: 1279]). Данный глагол *экий* в якутском языке имеет два значения: 1. ‘стать суше, слегка подсохнуть, просохнуть (об одежде)’ и 2. ‘впадать, вдаваться, втягиваться (о животе)’ [БТСЯЯ 2018: 173].

Ранее мы говорили о том, что лексемы *ньылба*, *ньулдьаҕай* в якутском характеризуют младенца скользким, липким. Примечательно, что подрастающий ребенок назван «сохнувшим» в противоположность свежему, скользкому, мокрому (водному).

4.8. ‘издающий определенные звуки’

В якутском языке для обозначения новорожденного используются лексемы, образованные от звукоподражательных слов *эһ!* *ыҥаа!*: *эһээхэй* (от *эһ-эһ-эһ!* + *ээхэй*) [БТСЯЯ 2018: 379], вил. *ыҥаачык* — ‘младенец’ (от *ыҥаа* + *чык*), у.-янк. *ыҥаа*, *ньаах оҕо* разг. [БТСЯЯ 2010: 67]. Параллели находим в киргизском языке: *ыҥаала-*, *ыҥаалаа-* ‘кричать «нга-нга!» (о плачущем ребенке)’, *ыҥаалап ыйлаган баланын үнү* ‘голос плачущего ребенка’ [Юдахин 1985: 433]. Похожее происхождение предполагается для хак. *ыҥачах* ‘грудной ребенок’: И. М. Тараканова считает, что это существительное образовано от звукоподражательной основы [Тараканова 2011: 32]. В якутском языке с помощью звукоподражания, возможно, образована и лексема, обозначающая детеныша оленя: *ыҥаах* ‘олёнок с начала зимы до 1 года’ (от *ыҥаа* + *ах*) [БТСЯЯ 2017: 448]. Плач ребенка и звуки, издаваемые детенышем, может быть, послужили мотивацией для производных слов.

Существует и другая точка зрения на происхождение этих слов: на основании як. *ыҥаах*, ойрот. *анай*, тув. *анай* и тоф. *anhaj* восстанавливается ПТ **ankaj* ‘детёныш копытных животных (до года)’ [EDAL 2003: 508]. Обозначение ребенка словом для детеныша вполне вероятно.

4.9. ‘находящийся в люльке’ (метонимическое обозначение новорожденного по месту, где он преимущественно находится)

Биһиктээх (*биһиктээх оҕо*) (букв. ‘с люлькой, колыбелью’) означает ‘младенец, ребенок, который еще лежит в колыбели’ [ТСЯЯ 2005: 335]; *Онтон соһуйан, утуйа сытар биһиктээх оҕо ытаан ньырылаата, ыт оҕото эмиэ үрэн ньаҕыйда* (Н. Неустроев) ‘Младенец, проснувшись из-за этого шума, заплакал, щенок тоже залаял’. В якутском языке есть устойчивое сочетание *биһиктээх эрдэбиттэн*, что означает ‘с младенчества, с самого раннего детства’, ср. др.-тюрк. «*beşiklig* ‘с грудным ребенком’ (букв. ‘с люлькой)’; *beşiklig urayut* ‘женщина, имеющая грудного ребенка’» [ДТС 1969: 97]. Если в древнетюркском лексемой *beşiklig* ‘с грудным ребенком’ обозначена мать ребенка, то в якутском языке *биһиктээх* (букв. ‘с люлькой, колыбелью’) говорится о младенце.

4.10. ‘грудь’ > ‘грудной ребенок’

В [Пекарский 2008: стлб. 256] зафиксировано обозначение ребенка *эмийдэнээччи*: «*āmīdānāčči* [отъāmīdān] ‘сосущий; грудное дитя’», использование которого в современном якутском языке не на-

блюдается. Остановим внимание на морфологии данной лексемы: *эмп* (корень слова) + *ий* (афф. им. сущ.) + *лээ* (глагольн. афф.) + *н* (афф. страд. залога) + *ээччи* (афф. имени деятеля). *Эмиийдэнээччи* на русский язык можно перевести как «тот, которому дают материнскую грудь». В якутской художественной литературе эта лексема тоже не встречается. В современном якутском языке активно используется сочетание *эмиийдээх оҕо* ‘грудной ребенок’ (букв. ‘с грудью (матери) ребенок’), образованное от соматизма *эмиий* ‘грудь’ (алт. *эмчек бала* ‘грудной ребенок’, где *эмчек* — женская грудь, сосок [Баскаков, Тоцакова 1947: 191]).

4.11. Заимствованное ‘младенец’ > ‘подросший младенец, умеющий сидеть’

Балчыр. Ребенка от полугода до года якуты называют *балчыр оҕо* ‘поленький ребенок’ [ЯРС], *баҕчыр оҕо* ‘дитя, сидящее без посторонней помощи’ [Пекарский 2008: стлб. 362]. Это слово является заимствованием: п.-монг. *balčir* (*bal-čir), халх. *балчир* ‘малолетний, неопытный’, бур. *балишар* ‘дитя, младенец, калм. *балчр* ‘краснощекий, свежий, пышный (о детях)’ [Санжеев и др. 2015: 72].

4.12. ‘манера передвижения’ > ‘ребенок, начинающий ходить’

Сынаһалыыр оҕо — ползунок, ребенок, который поднимается, подтягиваясь за стенку кровати (*сынаһа* ‘в якутской юрте: возвышенная закраина нар, сделанная из более массивных брёвен, тянущихся от столба к столбу’ [БТСЯЯ 2012: 444—445]), от глагола *сынаһалаа* «держась за что-либо и подтягиваясь, делать первые шаги, начать ходить (в старину ребенок начинал ходить, держась за края нар (сынаһа), вытянутых вдоль стен юрты)» [там же: 445].

Про ребенка, делающего первые попытки ходить самостоятельно, якуты говорят *борбуйун көтөхнүт оҕо* (от глагола *борбуйгун көтөх* (*уй, уйун, кыан*) «немножко подрастать, начинать крепко держаться на ногах (о ребенке и детеныше животного)» [ТСЯЯ 2005: 388]), где *борбуй* означает «начало толстых бедренных мышц с обратной стороны колена у человека и животных» [там же].

5. Выводы

В статье выявлены основные модели обозначения новорожденного ребенка в тюркских языках, в большинстве из которых распространены две похожие модели: ‘свежий, сырой’ и ‘новый’. Модель ‘красный ребенок/детеныш’ среди тюркских языков встречается главным образом в Восточной и Южной Сибири и контактных регионах, однако в других языках мира это обозначение имеет достаточно широкое распространение. Данная стратегия номинации отображает реальный специфический цвет новорожденного ребенка (независимо от расовой принадлежности) и является лингвистической фреквенталией. Область распространения модели ‘красный ребенок’ > ‘новорожденный’ охватывает восточную часть Евразии, включая, помимо тюркских языков, монгольский и бурятский, китайский, японский и языки Юго-Восточной Азии и Полинезии. В будущем необходимо привлечение языков других регионов для установления распространения обозначения новорожденного как ‘красный’ + ‘ребенок’, т. к. оно составляет конкуренцию привычному европейцам сочетанию ‘новый’ + ‘рожденный’.

В якутских обозначениях младенца в возрасте до одного года выделены 12 способов номинации в зависимости от возрастного этапа (до 2 месяцев, до полугода, от полугода до года): 1. ‘красный’ > ‘новорожденный’, 2. ‘новый’ + ‘рожденный’ > ‘недавно родившийся’, 3. заимств. ‘новый, свежий’ + ‘ребенок’, 4. ‘липкий, скользкий’, 5. ‘незрелый, физически неокрепший’, 6. ‘вода’, 7. ‘сохнувший’ > ‘набирающий вес’, 8. ‘издающий определенные звуки’, 9. ‘находящийся в люльке’, 10. ‘грудь’ > ‘грудной’, 11. заимств. ‘младенец’ > ‘подросший младенец, умеющий сидеть’, 12. ‘манера передвижения’ > ‘ребенок, начинающий ходить’. Особенно примечательна скрытая оппозиция в якутских диалектах ‘быть свежим’ vs. ‘сохнуть’, при которой новорожденный ассоциируется с чем-то влажным, а подросший младенец в возрасте всего 2—3 месяцев будто «высыхает». Сопоставление якутских моделей с обозначениями младенца в других языках мира в дальнейшем может стать перспективной задачей для выявления универсальных и наиболее продуктивных моделей.

Благодарности

Работа И. В. Федотовой выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии». Первые результаты пред-

ставленного в статье коллективного исследования получены в рамках курса повышения квалификации «Возможности лингвистического анализа на платформе ЛингвоДок», участие в котором для А. К. Прокöpfeевой, А. Е. Шамаевой и А. В. Тимофеевой финансировалось научным проектом «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616). Авторы выражают благодарность д.ф.н. Ю. В. Норманской за организацию курсов и методическую поддержку, д.ф.н. А. В. Дыбо за комментарии к докладам на курсах, Е. В. Коровиной за консультации по полинезийским языкам и анонимным рецензентам за ценные замечания.

Сокращения

азерб. — азербайджанский язык	ПТ — пратюркский язык	як. — якутский язык
алт. — алтайский язык	тат. — татарский язык	в.-кол. — верхнеколымский говор
башк. — башкирский язык	тоф. — тофаларский язык	в.-вил. — верхневиллюйский говор
бур. — бурятский язык	тув. — тувинский язык	вил. — виллюйский говор
др.-тюрк. — древнетюркский язык	тур. — турецкий язык	горн. — горный говор
каз. — казахский язык	узб. — узбекский язык	сунт. — сунтарский говор
кирг. — киргизский язык	хак. — хакасский язык	у.-янк. — усть-янский говор
монг. — монгольский язык	халх. — халхо-монгольский язык	центр. — центральная диалектная зона
п.-монг. — письменно-монгольский	эвенк. — эвенкийский язык	
ПОТ — праобщетюркский язык		

Литература

- Анисимов 2018 — *Р. Н. Анисимов*. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 31—42.
- АРС 2018 — Алтайско-русский словарь / Отв. ред. *А. Э. Чумакаев*. Горно-Алтайск, 2018.
- Афанасьев и др. 1976 — *П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев*. Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1: А—Г / Отв. ред. *Г. Ц. Пюрбеев*. М., 2001.
- Баранов 1998 — *Д. А. Баранов*. «Незнакомые» дети (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 112—116.
- Баскаков, Тоцакова 1947 — *Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова*. Ойротско-русский словарь. М., 1947.
- Бектаев 1995 — *К. Бектаев*. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Казахстанский проект развития государственного языка. Алматы, 1995.
- Богочанская, Торгашова 2009 — *Н. Н. Богочанская, А. С. Торгашова*. Большой русско-турецкий словарь: 250 000 слов и словосочетаний. М., 2009.
- БТСЯЯ 2008 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Отв. ред. *П. А. Слепцов*. Новосибирск, 2008. Т. V: (Буква К).
- БТСЯЯ 2010 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Отв. ред. *П. А. Слепцов*. Новосибирск, 2010. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П).
- БТСЯЯ 2012 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Отв. ред. *П. А. Слепцов*. Новосибирск, 2012. Т. IX: (Буквы С, Һ).
- БТСЯЯ 2013 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Отв. ред. *П. А. Слепцов*. Новосибирск, 2013. Т. X: (Буква Т: т — төһүүлээ).
- БТСЯЯ 2015 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Отв. ред. *П. А. Слепцов*. Новосибирск, 2015. Т. XII: (Буквы У, Ү).
- БТСЯЯ 2017 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Отв. ред. *П. А. Слепцов*. Новосибирск, 2017. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы).
- БТСЯЯ 2018 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Отв. ред. *П. А. Слепцов*. Новосибирск, 2018. Т. XV: (Буква Э).
- Василевич 1958 — *Г. М. Василевич*. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Воронкин и др. 1995 — *М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев*. Диалектологический словарь языка саха = Саха түөлбэ тылын тылдьыта: доп. том: содержит около 5000 слов. Новосибирск, 1995.

- ГСЯЛЯ 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов, Н. Д. Дьячковский, С. А. Иванов и др. М., 1982.
- Дамдинов, Сундуева 2015 — Д. Г. Дамдинов, Е. В. Сундуева. Хамниганско-русский словарь. Иркутск, 2015.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дыбо 1996 — А. В. Дыбо. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996.
- Дыбо 2005 — А. В. Дыбо. Семантическая реконструкция: мир праалтайцев по данным сравнительно-исторического языкознания // Труды Отделения историко-филологических наук / Отв. ред. акад. А. П. Деревянко. М., 2005. С. 165—180.
- Дыбо 2013 — А. В. Дыбо. Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013.
- Зализняк Анна А. 2009 — Анна А. Зализняк. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 107—111.
- Зализняк Анна А. 2018 — Анна А. Зализняк. Каталог семантических переходов: 20 лет спустя // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, № 4. P. 770—787.
- Қазақ әдеби тілінің сөздігі 10 — Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 10-том / Құраст.: М. Малбақов, Н. Оңғарбаева, А. Үдербәев және т. б. Алматы, 2011.
- КалмРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977.
- КумРС 1995 — Кумандинско-русский словарь / Отв. ред. Л. М. Тукмачев. Бийск, 1995.
- Мадвалиев 2006 — А. Мадвалиев. Толковый словарь узбекского языка. Ташкент, 2006.
- МАС 1999 — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
- Мирзаев 2006—2008 — Ўзбек тилининг изохли луғати: 80000 дан ортик сўз ва сўз бирикмаси / Отв. ред. Т. Мирзаев. Ташкент, 2006—2008.
- МРС 1957 — Монгольско-русский словарь. М., 1957.
- Пекарский 2008 — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка: В 3 т. СПб., 2008.
- РАС 1963 — Русско-алтайский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.
- РБС 2005 — Русско-башкирский словарь: В 2 т. / Под ред. З. Г. Ураксина. Уфа, 2005.
- САиАНТЯ 1884 — Словарь алтайского и Аладагского наречий тюркского языка / Сост. В. Вербицкий. Казань, 1884.
- Санжеев и др. 2015 — Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Этимологический словарь монгольских языков. Т. 1. М., 2015.
- Санжеев и др. 2016 — Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Этимологический словарь монгольских языков. Т. 2. М., 2016.
- СахаМедиа 2022 — М. Горохова. Саһа төрөөбүт оҕолорго ханнык ааттар ордук сэдэхтэрин уонна элбэхтэрин эттилэр. 05.08.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/saha-siriger-sa-a-t-r-b-t-o-olorgo-saamaj-sedeh-uonna-aatyrbyt-aattary-ettiler/>
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2001.
- Стадникова и др. 2020 — А. С. Стадникова, О. Б. Тамразова, А. К. Миронова. Особенности ухода за кожей недоношенного ребенка // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2020. № 2. С. 137—143.
- СТРИРТ 2005 — В. И. Рассадин. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учебное пособие для учащихся средней школы. СПб., 2005.
- СЯОС 2001 — Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста, 2001.
- Тараканова 2011 — И. М. Тараканова. Диминутивы в хакасском языке. Абакан, 2011.
- ТСЯЯ 2004 — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыта: В 15 т. / Отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск, 2004. Т. I: (Буква А).
- ТСЯЯ 2005 — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыта: В 15 т. / Отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск, 2005. Т. II: (Буква Б).
- ТувРС 1968 — Э. Р. Тенишев. Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов. М., 1968.
- ХРС 2006 — Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк / Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск, 2006.
- Черемисов 1951 — К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.
- Шагдаров, Черемисов 2008 — Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2008.
- ЭСТЯ 1974 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ 1980 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М., 1980.
- ЭСТЯ 1989 — Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М., 2003.

Юдахин 1985 — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь: В 2 кн. Около 40 000 слов. Фрунзе, 1985.

ЯРС — Якутско-русский словарь. Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://yakut_russian.academic.ru/

CLICS 2019 — С. Rzymiski, N. Tresoldi et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies / <https://clics.cild.org/>, 2019.

DatSemShift — A. Zaluzniak et al. “Database of Semantic Shifts”. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. URL: <https://datsemshift.ru/>

EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. I—III. Leiden; Boston, 2003.

Evans 1990 — N. Evans. Without this child: Some regularities of semantic change in the Australian linguistic area // P. Austin, R. M. W. Dixon, T. Dutton, I. White (eds.). Language and history: Essays in honour of Luise A. Hercus. Canberra, 1990. P. 137—155. (Pacific Linguistics Series C 116).

Lingvodoc — Лингвистическая платформа Lingvodoc. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/>

Nugteren 2011 — Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011.

Pollex 2010 — S. J. Greenhill, R. Clark, B. Biggs. POLLEX-Online 2010. URL: <https://pollex.shh.mpg.de/>

References

Afanas'ev i dr. 1976 — P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka. Moskva, 1976. {P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Dialectological dictionary of the Yakut language. Moscow, 1976.}

Anisimov 2018 — R. N. Anisimov. Frazеологическая номинатсия возраста i opyta v yakutskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoi Sibiri) // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. T. 17, № 9: Filologiya. S. 31—42. {R. N. Anisimov. Phraseological nomination of age and experience in the Yakut language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia). In: Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2018. Vol. 17, No 9: Philology. P. 31—42.}

ARS 2018 — Altaisko-russkii slovar' / Otv. red. A. E. Chumakaev. Gorno-Altai, 2018. {Altaic-Russian Dictionary / Ed. A. E. Chumakaev. Gorno-Altai, 2018.}

BAMRS 2001 — Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. T. 1. A—G. / Otv. red. G. Ts. Pyurbeev. Moskva, 2001. {Big Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 1. A—G / Ed. G. Ts. Pyurbeev. Moscow, 2001.}

Baranov 1998 — D. A. Baranov. “Neznakomye” deti (k kharakteristike obraza novorozhdennogo v russkoi traditsionnoi kul'ture). In: Etnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 112—116. {D. A. Baranov. “Unfamiliar” children (on the characteristics of a newborn in Russian European culture). In: Ethnographic Review. 1998. No 5. P. 112—116.}

Baskakov, Toshchakova 1947 — N. A. Baskakov, T. M. Toshchakova. Oirotsko-russkii slovar'. Moskva, 1947. {N. A. Baskakov, T. M. Toshchakova. Oiroot-Russian dictionary. Moscow, 1947.}

Bektaev 1995 — K. Bektaev. Bol'shoi kazakhsko-russkii, russko-kazakhskii slovar'. Kazakhstanskii proekt razvitiya gosudarstvennogo yazyka. Almaty, 1995. {K. Bektaev. Big Kazakh-Russian, Russian-Kazakh Dictionary. Kazakhstan project for the development of the state language. Almaty, 1995.}

Bogochanskaya, Torgashova 2009 — N. N. Bogochanskaya, A. S. Torgashova. Bol'shoi russko-turetskii slovar': 250 000 slov i slovosochetanii. Moskva, 2009. {N. N. Bogochanskaya, A. S. Torgashova. Big Russian-Turkish Dictionary: 250 000 words and phrases. Moscow, 2009.}

BTSYaYa 2008 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2008. T. V: (Bukva K). {Big explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2008. Vol. V: (Letter K).}

BTSYaYa 2010 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2010. T. VII: (Bukvy N', O, Ö, P). {Big explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2010. Vol. VII: (Letters N', O, Ö, P).}

BTSYaYa 2012 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2012. T. IX: (Bukva S: söllöj — seen, bukva h). {Big explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2012. Vol. IX: (Letter C: söllöj — seen, letter h).}

BTSYaYa 2013 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2013. T. X: (Bukva T: t — töhüülee). {Big Explanatory Dictionary of the Yakut language: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2013. Vol. X: (Letter T: t — töhüülee).}

- BTSYaYa 2015 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2015. T. XII: (Bukvy U, Ü). {Big Explanatory Dictionary of the Yakut language: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2015. Vol. XII: (Letters U, Ü).}
- BTSYaYa 2017 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2017. T. XIV: (Bukvy Ch, Y). {Big explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols. / Ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk, 2017. Vol. XIV: (Letters Ch, Y).}
- BTSYAYA 2018 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2018. T. XV: (Bukva E). {Big explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yt'a: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2018. Vol. XV: (Letter E).}
- Cheremisov 1951 — K. M. Cheremisov. Buryat-mongol'sko-russkii slovar'. Moskva, 1951. {K. M. Cheremisov. Buryat-Mongolian-Russian dictionary. Moscow, 1951.}
- CLICS 2019 — C. Rzymiski, N. Tresoldi et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies / <https://clics.cldd.org/>, 2019.
- Damdinov, Sundueva 2015 — D. G. Damdinov, E. V. Sundueva. Khamnigansko-russkii slovar'. Irkutsk, 2015. {D. G. Damdinov, E. V. Sundueva. Hamnigan-Russian Dictionary. Irkutsk, 2015.}
- DatSemShift — A. Zalizniak et al (2016—2022). “Database of Semantic Shifts”. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. URL: <https://datsemshift.ru/>
- DTS 1969 — Drevnetyurkskij slovar'. Leningrad, 1969. {Ancient Turkic Dictionary. Leningrad, 1969.}
- Dybo 1996 — A. V. Dybo. Semanticheskaya rekonstruktsiya v altaiskoi etimologii. Moskva, 1996. {A. V. Dybo. Semantic reconstruction in Altaic etymology. Moscow, 1996.}
- Dybo 2005 — A. V. Dybo. Semanticheskaya rekonstruktsiya: mir praaltaitsev po dannym sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanija // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk / Otv. red. akad. A. P. Derevyanko. Moskva, 2005. S. 165—180. {A. V. Dybo. Semantic reconstruction: the world of Proto-Altaic people based on the data of comparative linguistics. In: Proceedings of the Department of History and Philology / Ed. A. P. Derevyanko. Moscow, 2005.}
- Dybo 2013 — A. V. Dybo. Etimologicheskii slovar' bazisnoi leksiki tyurkskikh yazykov. Astana, 2013. {A. V. Dybo. Etymological dictionary of the basic vocabulary of the Turkic languages. Astana, 2013.}
- EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. I—III. Leiden; Boston, 2003.
- ESTYa 1974 — E. V. Sevortyan. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye. Moskva, 1974. {E. V. Sevortyan. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Vowel Bases. Moscow, 1974.}
- ESTYa 1980 — E. V. Sevortyan. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “V”, “G”, “D”. Moskva, 1980. {E. V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on the letters “V”, “G”, “D”. Moscow, 1980.}
- ESTYa 1989 — E. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “Ж”, “Zh”, “I”. Moskva, 1989. {E. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on the letters “Ж”, “Zh”, “I”. Moscow, 1989.}
- ESTYa 2003 — Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “L”, “M”, “N”, “P”, “S”. Moskva, 2003. {Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on the letters “L”, “M”, “N”, “P”, “S”. Moscow, 2003.}
- Evans 1990 — N. Evans. Without this child: Some regularities of semantic change in the Australian linguistic area. In: P. Austin, R. M. W. Dixon, T. Dutton, I. White (eds.). Language and history: Essays in honour of Luise A. Hercus. Canberra, 1990. P. 137—155. (Pacific Linguistics Series C 116).
- GSYaLYa 1982 — Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. T. 1: Fonetika i morfologiya / L. N. Kharitonov, N. D. D'yachkovskii, S. A. Ivanov i dr. Moskva, 1982. {Grammar of the modern Yakut literary language. Vol. 1: Phonetics and morphology / L. N. Kharitonov, N. D. Dyachkovsky, S. A. Ivanov et al. Moscow, 1982.}
- KalmRS 1977 — Kalmytsko-russkii slovar' / Pod red. B. D. Munieva. Moskva, 1977. {Kalmyk-Russian Dictionary / Ed. B. D. Muniev. Moscow, 1977.}
- KhRS 2006 — Khakassko-russkii slovar' = Khakas-orys söstik / Pod obshch. red. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk, 2006. {Khakas-Russian dictionary = Khakas-orys söstik / Ed. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk, 2006.}
- KumRS 1995 — Kumandinsko-russkii slovar' / Otv. red. L. M. Tukmachev. Biisk, 1995. {Kumandin-Russian Dictionary / Ed. L. M. Tukmachev, Biisk, 1995.}
- Lingvodoc — Linguistic platform Lingvodoc. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/>
- Madvaliev 2006 — A. Madvaliev. Tolkovyi slovar' uzbekskogo yazyka. Tashkent, 2006. {A. Madvaliev. Explanatory dictionary of the Uzbek language. Tashkent, 2006.}
- MAS 1999 — Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. A. P. Evgen'evoi. Moskva, 1999. {Dictionary of the Russian language: In 4 vols. / Ed. A. P. Evgenieva. Moscow, 1999. }

- Mirzaev 2006—2008 — O'zbek tilining izohli lug'ati: 80 000 dan ortiq so'z va so'z birikmasi / Otv. red. T. Mirzaev. Tashkent, 2006—2008. {Annotated dictionary of the Uzbek language / Ed. T. Mirzaev. Tashkent, 2006—2008.}
- MRS 1957 — Mongol'sko-russkii slovar'. Moskva, 1957. {Mongolian-Russian Dictionary. Moscow, 1957.}
- Nugteren 2011 — H. Nugteren. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011.
- Pekarskii 2008 — E. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka: V 3 t. Sankt-Peterburg, 2008. {E. K. Pekarskii. Dictionary of the Yakut language: In 3 vols. St. Petersburg, 2008.}
- Pollex 2010 — S. J. Greenhill, R. Clark, B. Biggs. POLLEX-Online 2010. URL: <https://pollex.shh.mpg.de/>
- Qazaq ädabi tilinij sözdığı 10 — Qazaq ädabi tilinij sözdığı. On bes tomdyq. 10-tom. / Qūrast.: M. Malbaqov, N. Oñğarbaeva, A. Üderbaev jäne t. b. Almaty, 2011. {Dictionary of the Kazakh literary language. Vol. 10 / Comp.: M. Malbaqov, N. Ongarbayeva, A. Uderbayev and others. Almaty, 2011.}
- RAS 1963 — Russko-altaiskii slovar' / Pod red. N. A. Baskakova. Moskva, 1963. {Russian-Altaiic Dictionary / Ed. N. A. Baskakov. Moscow, 1963.}
- RBS 2005 — Russko-bashkirskii slovar': V 2 t. / Pod red. Z. G. Uraksina. Ufa, 2005. {Russian-Bashkir Dictionary: In 2 vols / Ed. by Z. G. Uraksin. Ufa, 2005.}
- SAiANTYA 1884 — Slovar' altaiskogo i Aladagskogo narechii tyurkskogo yazyka / Sost. V. Verbitskii. Kazan', 1884. {Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language / Comp. V. Verbitsky. Kazan, 1884.}
- SakhaMedia 2022 — M. Gorokhova. Saha töröbüt ogholorgo khannyk aattar orduk sedekhlerin uonna elbekhterin ettiler. 05.08.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/saha-siriger-sa-a-t-r-b-t-o-olorgo-saamaj-sedeh-uonna-aatyrbyt-aattary-ettiler/>
{M. Gorokhova. The most unique and popular baby names were defined 05.08.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/saha-siriger-sa-a-t-r-b-t-o-olorgo-saamaj-sedeh-uonna-aatyrbyt-aattary-ettiler/>}
- Sanzheev i dr. 2015 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov. T. 1. Moskva, 2015. {G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etymological Dictionary of the Mongolian Languages. Vol. 1. Moscow, 2016.}
- Sanzheev i dr. 2016 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov. T. 2. Moskva, 2016. {G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etymological Dictionary of the Mongolian Languages. Vol. 2. Moscow, 2016.}
- Shagdarov, Cheremisov 2008 — L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Buryatsko-russkii slovar'. Ulan-Ude, 2008. {L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude, 2008.}
- SIGTYA 2001 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika / Otv. red. E. R. Tenishev. Moskva, 2001. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary / Ed. E. R. Tenishev. Moscow, 2001.}
- Stadnikova i dr. 2020 — A. S. Stadnikova, O. B. Tamrazova, A. K. Mironova. Osobennosti ukhoda za kozhei nedonoshennogo rebenka. In: Kremlevskaya meditsina. Klinicheskii vestnik. 2020. № 2. S. 137—143. {A. S. Stadnikova, O. B. Tamrazova, A. K. Mironova. Features of skin care for a premature baby. In: Kremlin Medicine. Clinical Bulletin. 2020. No 2. P. 137—143.}
- STRiRT 2005 — V. I. Rassadin. Slovar' tofalarsko-russkii i russko-tofalarskii: uchebnoe posobie dlya uchashchihsya srednei shkoly. Sankt-Peterburg, 2005. {V. I. Rassadin. Dictionary of Tofalar-Russian and Russian-Tofalar: textbook for students. St. Petersburg, 2005.}
- SYAOS 2001 — Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyana (po versiyam pesen "Dzhangara" i polevym zapisyam avtora). Elista, 2001. {Dictionary of the Oirats of Xinjiang (according to the versions of the songs of "Dzhangar" and the author's field notes). Elista, 2001.}
- Tarakanova 2011 — I. M. Tarakanova. Diminutivy v khakasskom yazyke. Abakan, 2011. {I. M. Tarakanova. Diminutives in the Khakas language. Abakan, 2011.}
- TSYaYa 2004 — Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2004. T. I: (Bukva A). {Big explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2004. Vol. I: (Letter A).}
- TSYaYa 2005 — Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya: V 15 t. / Otv. red. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2005. T. II: (Bukva B). {Big explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya: In 15 vols. / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, 2005. Vol. II: (Letter B).}
- TuvRS 1968 — E. R. Tenishev. Tuvinsko-russkii slovar': okolo 22 000 slov. Moskva, 1968. {E. R. Tenishev. Tuva-Russian dictionary: about 22 000 words. Moscow, 1968.}
- Vasilevich 1958 — G. M. Vasilevich. Evenkiisko-russkii slovar'. Moskva, 1958. {G. M. Vasilevich. Evenk-Russian Dictionary. Moscow, 1958.}
- Voronkin i dr. 1995 — M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasil'ev. Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha = Sakha tüölbe tylyn tyld'ya: dop. tom: soderzhit okolo 5000 slov. Novosibirsk, 1995. {M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasiliev. Dialectological dictionary of the Sakha language = Sakha tüölbe tylyn tyld'ya: add. volume: contains about 5000 words. Novosibirsk, 1995.}
- YARS — Yakutsko-russkii slovar'. Sloviri i entsiklopedii na Akademike. URL: https://yakut_russian.academic.ru/
{Yakut-Russian dictionary. Dictionaries and encyclopedias at Academician. URL: https://yakut_russian.academic.ru/}

Yudakhin 1985 — K. K. Yudakhin. Kirgizsko-russkii slovar': V 2 kn. Okolo 40 000 slov. Frunze, 1985. {K. K. Yudakhin. Kyrgyz-Russian Dictionary: In 2 books. About 40 000 words. Frunze, 1985.}

Zaliznyak Anna A. 2009 — Anna A. Zaliznyak. O ponyatii semanticheskogo perekhoda. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2009" (Bekasovo, 27—31 maya 2009 g.). Vyp. 8 (15). Moskva, 2009. S. 107—111. {Anna A. Zaliznyak. About the concept of semantic transition. In: Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Based on the materials of the annual International Conference "Dialogue 2009" (Bekasovo, May 27—31, 2009). Issue 8 (15). Moscow, 2009. P. 107—111.}

Zaliznyak Anna A. 2018 — Anna. A. Zaliznyak. Katalog semanticheskikh perekhodov: 20 let spustya // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, № 4. P. 770—787. {Anna A. Zaliznyak. Catalog of semantic transitions: 20 years later. In: Russian Journal of Linguistics. Vol. 22, No 4. 2018. P. 770—787.}

Метафорические модели в медицинской терминологии татарского языка

Хисамова Венера Нафиковна, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет; hisamovaven@yandex.ru
Абдуллина Лилия Ильдаровна, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет; lilia-2591@mail.ru

В статье описываются модели метафор в медицинской терминологии татарского языка. Метафоризация является одним из способов формирования медицинских терминов, и в научном языке она имеет свои особенности. Формирование терминов-метафор происходит по определенным моделям по денотативному и сигнификативному дескрипторам. В работе рассматриваются 1126 метафор, среди которых 425 — метафоры по денотативному дескриптору, 701 — по сигнификативному. Анализируемые метафоры были отобраны методом сплошной выборки из словарей. В ходе исследования выявлено 4 метафорических модели по денотативному дескриптору, 27 — по сигнификативному. В каждой метафорической модели метафоры распределены по концептам «здоровье/норма», «болезнь/патология», «медицинские инструменты/приборы», «фармация». Приведено соотношение метафор по моделям, среди которых выделены наиболее и наименее продуктивные; в каждой модели определено соотношение концептов, что дает возможность увидеть представление анатомических объектов в виде земных поверхностей, органов растений и т. д., а заболевания — в виде поведения животных и т. д. В статье также приводится сравнение медицинских метафор татарского и русского языков в плане продуктивности, соотношения концептов, кроме того, указывается соотношение терминов-калек русского языка и исконно татарских метафор. В результате обнаруживаются как полные межъязыковые эквиваленты, так и термины-метафоры, функционирующие только в одном языке и отражающие национально-специфическое видение мира татарским народом, и метафоры, эксплицирующие разные признаки понятия в татарском и русском языках.

Ключевые слова: медицинская терминология, метафора, термин, татарский язык, модели метафор

METAPHORICAL MODELS IN THE MEDICAL TERMINOLOGY OF THE TATAR LANGUAGE

Venera N. Khisamova, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University; hisamovaven@yandex.ru
Liliya I. Abdullina, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University; lilia-2591@mail.ru

The article describes the models of metaphors in the medical terminology of the Tatar language. Metaphorization is one of the ways how medical terms are formed, and it has its own specific properties in the scientific language. The formation of metaphorical terms follows certain models, which can be divided according to denotative and significative descriptors. The study focuses on 1126 metaphors, among which 425 are metaphors according to the denotative descriptor, and 701 are metaphors according to the significative descriptor. The metaphors under analysis were selected from dictionaries using the method of continuous sampling. As part of the study, 4 metaphorical models were identified according to the denotative descriptor, and 27, according to the significative descriptor. Within each metaphorical model, metaphors are distributed according to the concepts of “health/norm”, “illness/pathology”, “medical instruments/devices”, “pharmacy”. The study calculates the ratio of metaphors to models and thus identifies the most productive and the least productive models; within each model, the ratio of concepts is determined, which makes it possible to trace how anatomical objects are represented as Earth surfaces, plant organs etc., and diseases as animal behavior etc. The article also compares the medical metaphors in the Tatar language with such units in the Russian language in terms of productivity and the ratio of concepts; furthermore, it indicates how loan-translation terms from the Russian language relate to the native Tatar metaphors. As a result, the study reveals full cross-language equivalents, as well as metaphorical terms that function only in one language and reflect the national worldview of by the Tatar people and metaphors that express different aspects of one concept in the Tatar and Russian languages.

Keywords: medical terminology, metaphor, term, Tatar language, metaphorical models

Введение

Словарный состав языков, в том числе и национальных, непрерывно пополняется за счет появления новых терминов, к которым относятся и медицинские. Медицинская наука не стоит на месте, продолжает развиваться, что способствует активному возникновению терминологических единиц, поэтому изучение медицинской терминологии — перспективное направление.

Одним из наиболее эффективных механизмов создания новых терминов, а также переосмысления ранее принятых терминов является метафорическая номинация. Если ранее метафора и термин были несовместимы, метафора рассматривалась как художественный прием, то теперь она — эффективное средство номинации. При использовании метафор лучше воспринимаются абстрактные понятия. Метафоры представлены в различных областях медицины. Более того, метафорические модели в медицинской терминологии татарского языка ранее не изучались.

Результаты исследования моделей метафор в медицинской терминологии татарского языка помогут структурировать термины-метафоры, что может быть использовано в методическом обеспечении лечебной практики врачей-клиницистов (при подготовке и составлении терминологических словарей, учебных пособий, лексических минимумов и методических рекомендаций).

Метафора в медицинской терминологии

Изучение метафоры и метафоризации в медицинской терминологии является актуальным, т. к. в медицине сочетаются одновременно традиционные, имеющие многовековую историю способы познания и самые современные и точные исследования. Медицина как практическая деятельность возникла еще в доисторическую эпоху. В своем развитии она имеет один и то же объект (больного человека), что обуславливает кумулятивный характер деятельности, поскольку в ней сохраняются все сформированные в процессе развития науки этапы. Данные факты определяют постоянное изменение, обновление медицинской терминологии и являются предпосылкой для изучения процессов развития языкового знака, в том числе процессов метафоризации [Мишланова 2003: 125].

В настоящем исследовании при анализе метафор и метафоризации в медицинской терминологии татарского языка мы опираемся на метафорические модели. Последние классифицируются на основании денотативного и сигнификативного дескрипторов. Денотативный дескриптор подразумевает классификацию объектов метафоризации в зависимости от физических свойств, которые осмысляются как интегрирующие предикаты, к ним относятся форма, цвет, запах, консистенция, звук [там же: 128]. Сигнификативный дескриптор — это слово или словосочетание, отражающее опыт взаимодействия с окружающей действительностью [Карташова 2013: 153].

Анализируемые метафоры были отобраны методом сплошной выборки из «Медицинского русско-татарского толкового словаря» под редакцией М. М. Гимадеева [МРТТС 2003], словаря-приложения к диссертации Р. Р. Шамсутдиновой «Медицинская терминология в татарском языке» [Шамсутдинова 2000].

Метафорические модели по денотативному дескриптору

Наиболее релевантной для медицины является классификация метафор в зависимости от физических свойств денотативного дескриптора. При назывании анатомических частей и описании симптомов заболеваний физические свойства объектов метафоризации осмысляются как интегрирующие предикаты, т. е. признаки, обуславливающие контаминацию двух компонентов метафоры. К таким признакам относятся форма, цвет, запах, консистенция, вкус исследуемого объекта [Мишланова 2003: 128—129].

При анализе метафор в медицинской терминологии татарского языка выяснилось, что метафорические модели медицинской терминологии представляют и концепт «здоровье/норма», куда входят анатомические термины, физиологические нормы, методы исследования в медицине, и концепт «болезнь/патология», который включает термины клинической медицины; небольшое количество метафор называют медицинские инструменты и фармацевтические термины. Это обусловлено тем, что медицина является совокупностью наук о здоровье и болезнях. В то же время распределение концептов «здоровье/норма» и «болезнь/патология» неравномерно [там же: 137—138].

Рассмотрим классификацию метафор по признаку сравнения объектов и соотношению их распределения.

В татарском языке было обнаружено 425 метафор по признаку сравнения объектов. Они составляют около 38 % от всех рассмотренных нами терминов-метафор:

1. По форме (69,4 %): *челтәрсыман сәяк үсентесе* букв. 'сетчатый костный отросток — решетчатый отросток', *бормача* букв. 'извилистый — улитка', *дуга аяклар* букв. 'дугообразные ноги — О-образные

ноги' и т. д. В татарском языке такие термины образованы при помощи слова *сыман* 'подобно'. Концепт «здоровье/норма», к которому принадлежат анатомические термины, составляет более 43 % (из них 94,4 % — кальки с русского языка (далее — КРЯ)), концепт «болезнь/патология» — более 54 % (96,8 % — КРЯ), а «медицинские инструменты/приборы» — более 2 % (100 % — КРЯ) от всего количества метафор по форме.

2. По цвету (более 21 %): *сары су* букв. 'желтая вода — сыворотка крови', *кара су* букв. 'черная вода — глаукома', *күк яра* букв. 'голубая рана — карбункулез' и т. д. 78,02 % (87,3 % — КРЯ) метафор называют концепт «болезнь/патология», а «здоровье/норма» — лишь 22,8 % (90,4 % — КРЯ).

3. По звуку (более 2 %): *буш тартма тавышы* 'перкуторный звук коробочный', *металлга хас перкутор тавышы* 'перкуторный звук металлический', *бөтерчек шавы* 'веретенообразный шум' и т. д. Рассмотренные метафоры, относящиеся к этой категории, выражают признаки разных патологий (100 % — КРЯ).

4. По консистенции (более 6 %): *сәтчел сидек* 'млечная моча', *кофе куерыгы сыман косу* 'рвота кофейной гущей', *ботка сыман тизәк* 'кашицеобразный кал' и т. д. В татарском языке все рассмотренные термины этой модели принадлежат концепту «болезнь/патология» (100 % — КРЯ).

Метафорические модели по сигнификативному дескриптору

Метафоры по сигнификативному дескриптору в татарском языке составляют 62 % (701) от всех рассмотренных метафор. В структуре сигнификативного дескриптора модели можно классифицировать в две группы: «Человек» и «Природа».

1. В группе «Человек» выделяются следующие таксоны:

1.1. «Деятельность человека». В татарском языке этот таксон представлен малым количеством метафор.

1.1.1. Модель «Профессия» составляет лишь 1,3 %, при этом все метафоры относятся к концепту «болезнь/патология» (100 % — КРЯ), например: *теннисист терсәге* 'теннисный локоть', *шахтерлар анемиясе* 'анемия шахтеров', *акушер чугы* 'кисть акушера' и т. д.

1.1.2. «Социальный статус». Метафоры, образованные по модели «Социальный статус», составляют 0,7 % (100 % — КРЯ), например: *паразит хуҗасы* 'хозяин' и т. д. 100 % метафор этой группы — метафоры концепта «болезнь/патология».

1.1.3. «Родственные отношения». Была обнаружена только одна метафора, принадлежащая этой модели: *бала күзәнәкләре* 'дочерние клетки', она относится к концепту «здоровье/норма».

1.1.4. Модель «Война и оружие» (1,6 %) также представлена в татарском языке, например: *тел асты жәясе* 'лук подъязыка — подъязычная дуга', *сеңер жәясе* 'лук сухожилия — сухожильная дуга' и т. д. 81,8 % (0 % — КРЯ) в данной группе составляют термины концепта «здоровье/норма», около 18,2 % (100 % — КРЯ) — концепта «болезнь/патология».

1.2. «Быт».

1.2.1. «Бытовые предметы». Сравнительно большое количество метафор по модели «Бытовые предметы» объясняется тем, что одним из источников активного приобретения первоначальных медицинских знаний, особенно анатомического строения живых организмов, были бытовые предметы и ремесла. Еще в начале формирования медицины опыт, приобретенный в процессе создания ремесленных изделий, переносился на описание объектов живой природы, среди которых и организм человека. Внимание могли привлечь и типичные, и нехарактерные признаки, отдельные дефекты, изъяны. Это стало основой представлений о норме и патологии, о правиле и исключении. Таксон «Бытовые предметы» составляет 12 %. 78,5 % (90,9 % — КРЯ) метафор данной модели выражают концепт «здоровье/норма», 17,8 % (67 % — КРЯ) — концепт «болезнь/патология», 3,5 % (100 % — КРЯ) — концепт «медицинские инструменты/приборы», например: *ми тартмасы* букв. 'коробка мозга — мозговой череп', *тез капкачы* букв. 'коленная крышка — коленная чашечка', *кайрак чыгу* букв. 'возникновение бруска — уплотнение' и т. д. Группу терминов концепта «здоровье/норма» в основном составляют анатомические термины, например: *ут капчыгы* букв. 'желчный мешок — желчный пузырь', *яралгы капчыгы* букв. 'мешок плода — плодный пузырь' и т. д. — наименования бытовых предметов используются для обозначения анатомических форм.

1.2.2. На долю «Профессиональных инструментов и приборов» приходится 3,2 % метафорических единиц. Данный таксон может быть связан с кузнечным, столярным, гончарным и плотничьим ремеслами. В большинстве случаев, кроме того, употреблены наименования и современных профессиональных инструментов и принадлежностей. В татарском языке значительная часть терминов (95,6 %), образованных по этой модели, принадлежит к концепту «здоровье/норма» (77,2 % — КРЯ), например: *кырмау эчәк* букв. 'кишка в форме обруча — ободочная кишка', *лимфа көтигәсе* букв. 'лимфатическая труба —

лимфатический ствол', *ут көпиҗәсе* букв. 'желчная труба — маточная труба' и т. д., один термин выражает концепт «медицинские инструменты/приборы»: *көпишә энә* 'трубчатая игла'.

1.2.3. Таксон «Музыкальные инструменты» занимает всего 0,1 % — был обнаружен лишь один термин концепта «здоровье/норма»: *колак барабаны* 'барабанная перепонка'.

1.2.4. Модель «Одежда и ткань» составляет 3,1 % от всех терминов. В татарском языке перенос осуществляется главным образом по форме наименования одежды, например: *эшләпәле зонд* букв. 'зонд со шляпой — желобоватый зонд' и т. д. 77,2 % (94,1 % — КРЯ) метафор данной модели принадлежат концепту «здоровье/норма», 9,09 % (0 % — КРЯ) — концепту «болезнь/патология», например: *иске чабата* букв. 'старые лапти — малярия' и т. д., 13,6 % (66,6 % — КРЯ) — концепту «медицинские инструменты/приборы».

1.2.5. «Еда и напитки». Метафоры, образованные на основе сходства с кулинарными изделиями, блюдами и напитками, встречаются в татарском языке редко (0,4 %). Большинство данных метафор основаны на сходстве с формой, цветом, консистенцией или источником возникновения, например: *сөт теше* 'молочный зуб' (согласно теории Гиппократ, эти зубы образуются из материнского молока), *сөт авыруы* 'молочница'. 66,6 % метафор выражают концепт «здоровье/норма», 33,4 % — концепт «болезнь/патология» (100 % — КРЯ).

1.2.6. «Материалы и вещества». Метафоры по модели «Материалы и вещества» занимают 0,85 %, 100 % (100 % — КРЯ) которых принадлежат концепту «болезнь/патология». Такие термины в основном обозначают новообразования, конкременты. Метафорический перенос базируется на сходстве по форме, внешнему виду и физическому свойству, например: *сидек комы* 'мочевой песок', *ут таши* 'желчный камень' и т. д.

1.2.7. Таксон «Дом и интерьер» составляет 1,7 %, из которых 91,6 % (18,1 % — КРЯ) принадлежит концепту «здоровье/норма», 8,4 % (100 % — КРЯ) — концепту «болезнь/патология», например: *үпкә пәрдәсе* букв. 'завеса легкого — плевра', *йөрәк пәрдәсе* букв. 'завеса сердца — сердечная сорочка' и т. д. В основе метафоризации по данной модели также лежит сходство с предметами, окружающими человека дома.

1.2.8. «Украшения». Метафоры, образованные от наименований украшений, также встречаются в татарском языке, но количество таких метафор очень мало — всего лишь 0,7 %. Существенную часть данной группы составляют метафоры концепта «болезнь/патология» (60 %, 100 % — КРЯ), например: *рахит беләзекләре* 'рахитические браслеты', *канцер энҗеләре* 'раковые жемчужины' и т. д., концепт «здоровье/норма» занимает 20 % (100 % — КРЯ), а «медицинские инструменты/приборы» — 20 % (100 % — КРЯ). Метафорический перенос основывается на форме и внешнем виде. Термины этой модели указывают на симптомы и признаки заболеваний.

1.3. «Культура».

1.3.1. «Искусство». В татарском языке был обнаружен только один термин, принадлежащий модели «Искусство», и он представляет концепт «болезнь/патология»: *мозаик жәй* 'мозаичный рубец'. Образован в результате переноса по сходству с видом рисунка.

1.3.2. Модель «Архитектура и постройки» составляет 11,7 %. Среди артефактов, задействованных в создании медицинских терминов-метафор, большое значение имеют архитектурные сооружения, их части и детали, например: *диафрагма гөмбәзе* 'купол диафрагмы', *инфекция капкасы* 'ворота инфекции' и т. д. Существенная часть «архитектурных» медицинских терминов-метафор основана на переносе по сходству формы: *ярылы лабиринт* 'перепончатый лабиринт', *күкрәк читлеге* 'грудная клетка' и т. д., соотношенности с ближайшим окружением, например: *Варолий күпере* 'Варолиев мост' и т. д. В некоторых случаях сооружение рассматривается не с точки зрения архитектуры, а как объект, выполняющий определенную функцию, например: *кан депосы* 'кровяное депо', *анатомия театры* 'анатомический театр', *тукымалар банкы* 'банк тканей' и т. д. В татарском языке 97,6 % (81,25 % — КРЯ) метафор данной группы относятся к концепту «здоровье/норма»: *артериаль юл* букв. 'артериальный путь — артериальный канал', *бавыр юлы* букв. 'печеночный путь — печеночный проток' и т. д., 2,4 % (100 % — КРЯ) — к концепту «болезнь/патология».

1.3.3. Метафоры по модели «Мифология и история» в татарском языке составляют 0,28 %, например: *гладиатор кыяфәте* букв. 'внешность гладиатора — поза гладиатора', *шайтан тырнагы* 'ноготь черта — заусеница'. Они принадлежат концепту «болезнь/патология».

1.4. «Органистическая модель».

1.4.1. Таксон «Части тела» занимает более 7,7 %. В татарском языке сюда относятся метафоры с такими частями тела, как *тәнчек*, *муентык*, *баш* и т. д., например: *бөөр тәнчеге* 'почечное тельце', *простата муентыгы* 'перешеек простаты', *кабырга башы* 'головка ребра' и т. д. 94,4 % (94,1 % — КРЯ) данных терминов приходится на концепт «здоровье/норма», например: *сигезкүз* букв. 'восемь глаз —

крестец', *тырнак йөзе* букв. 'лицо ногтя — ногтевое ложе' и т. д., 3,7 % (100 % — КРЯ) — на концепт «болезнь/патология», 1,8 % (100 % — КРЯ) — на концепт «медицинские инструменты/приборы».

1.4.2. «Поведение человека». Данный таксон составляет около 1,8 %. Более 30 % принадлежит концепту «здоровье/норма» (100 % — КРЯ), 69,2 % — концепту «болезнь/патология» (100 % — КРЯ). В татарском языке при переносе по этой модели акцентируются термины и слова, связанные с действиями, психикой и психологией человека, например: *гизуче нерв* 'блуждающий нерв', *күчмә артрит* 'мигрирующий артрит', *дерматоз саташу* 'дерматозный бред' и т. д.

1.4.3. Таксон «Органы, их функции и патологии, физиологические процессы» составляет лишь 1,7 %. Концепт «здоровье/норма» охватывает 75 % рассмотренных терминов (88,8 % — КРЯ), лишь два термина принадлежат концепту «болезнь/патология», например: *телчек* букв. 'язычок — клитор', *аналык таммагы* 'зев матки', *йөрәк карынчыгы* 'желудочек сердца', *корсак мигрене* 'брюшная мигрень' и т. д., один термин — концепту «фармация»: *үтерелгән вакцина* 'убитая вакцина'. Перенос осуществлен на основе схожести с органом или признаками заболевания и физиологического состояния.

2. «Геометрическая фигура». Термины-метафоры, образованные по этой модели, составляют 6,9 %, перенос осуществляется по форме и признакам геометрических фигур. 83,6 % (92,6 % — КРЯ) терминов данной группы принадлежат концепту «здоровье/норма» — здесь представлены анатомические термины, например: *бармак сызыклары* букв. 'линии пальца — пальцевые узоры', *сигез кырлы сөяк* букв. 'восьмисторонняя кость — крестец' и т. д. 16,4 % (100 % — КРЯ) составляют термины концепта «болезнь/патология»: *пирамида синдромы* 'пирамидный синдром', *сидек цилиндрлары* 'мочевые цилиндры' и т. д.

3. Модели «Национальность и география» принадлежит 2,1 % терминов-метафор. Почти все они относятся к концепту «болезнь/патология», например: *тропик авырулар* 'тропические болезни', *Себер язвасы* 'Сибирская язва', *Кырым геморрагик бизгәге* 'Крымская геморрагическая лихорадка' и т. д. (100 % — КРЯ), лишь один термин представляет концепт «здоровье/норма»: *төрөк ияре* 'турецкое седло'. Перенос по данной модели осуществляется в результате появления или вспышки заболевания в определенной местности.

4. Таксон «Время» (0,57 %) также включает термины-метафоры концепта «болезнь/патология». Перенос осуществляется на основе времени суток, года, дня недели появления патологического состояния, например: *кышкы кычу* 'зимняя чесотка', *дүрт көнлек бизгәк* 'четырёхдневная лихорадка' и т. д. (100 % — КРЯ).

5. В модели «Природа» выделяются две большие группы: «Живая природа» и «Неживая природа».

5.1. К «Живой природе» относятся таксоны «Флора» и «Фауна».

5.1.1. «Флора». С древнейших времен в медицинской терминологии используются как строгие термины, так и образные выражения, метафоры, мифологические и фольклорные имена. Флористические термины могут являться и строгими, и нестрогими терминами. Они могут называть различные симптомы, феномены, синдромы, заболевания, характер их протекания, а также методы их диагностики и лечения. Термины-метафоры, образованные на основе сходства с растениями и животными, легки для понимания и запоминания.

Модель «Флора» в татарском языке составляет 9,8 %. Более 84 % (84,4 % — КРЯ) терминов данной модели принадлежат концепту «здоровье/норма», куда относятся анатомические термины, которые образованы на основе сходства с растениями и их органами, например: *борын яфрагы* букв. 'лист носа — крылья носа', *бронхиаль кәүсә* букв. 'бронхиальный ствол — бронхиальная ветвь', *кан тамыры* букв. 'кровеносный корень — кровеносный сосуд' и т. д. 15,9 % (36,3 % — КРЯ) приходится на долю концепта «болезнь/патология». В татарском языке к этой группе относятся инфекционные заболевания, связанные с оспой/*чәчәк*: *жыл чәчәге* букв. 'ветряный цветок — ветряная оспа', *кара чәчәк* букв. 'черный цветок — черная оспа' и т. д.

5.1.2. «Фауна». Метафоры, образованные по этой модели, занимают 7,5 %. Концепт «здоровье/норма» составляет более 37,7 % (95 % — КРЯ), сюда относятся анатомические термины-метафоры, основанные на сходстве анатомических объектов с животными или их органами и частями тела, например: *күз оясы* букв. 'глазное гнездо — глазная орбита', *борын канаты* 'крыло носа', *ике каурый мускул* 'двуперистая мышца', *койрыклы төш* 'хвостатое тело' и т. д. В концепт «болезнь/патология» входят более 62,2 % (60,6 % — КРЯ) терминов, большая часть из них обозначает симптомы и признаки заболеваний, отклонения, которые вызывают изменения в органах, например: *тамак бакасы* букв. 'жаба горла — ангина', *эт тырнагы* букв. 'ноготь собаки — заусеница', *елан күзе* букв. 'глаз змеи — панариций', *теш корты* букв. 'червь зуба — кариес' и т. д.

5.2. Модель «Неживая природа» включает такие таксоны, как:

5.2.1. «Природные явления» (0,57 %). Термины-метафоры данной модели относятся к концепту «болезнь/патология». В татарском языке перенос осуществляется либо по схожести признака или симптома

с природными явлениями, либо по причине возникновения определенных патологических состояний (100 % — КРЯ): *кар офтальмиясе* ‘снежная офтальмия’, *вегетатив давыл* ‘вегетативная буря’ и т. д.

5.2.2. «Астрономия». Среди рассмотренных терминов обнаружены только две метафоры, образованные по модели «Астрономия»: *кояш урелмәсе* ‘солнечное сплетение’, *кояш урелмәсе синдромы* ‘синдром солнечного сплетения’, первый представляет концепт «здоровье/норма», второй — концепт «болезнь/патология».

5.2.3. «Ландшафт». Эта модель является самой большой группой метафор по сигнификативному дескриптору (22,1 %). 95,4 % (91,2 % — КРЯ) таких метафор составляют анатомические термины, например: *бластула куышлыгы* букв. ‘полость бластулы — бластоцель’, *терсәк чыгынтысы* букв. ‘локтевой выступ — локтевой отросток’, *тубык чыгынтысы* букв. ‘выступ щиколотки — лодыжка’ и т. д. В татарском языке ландшафтными терминам характерно преобладание номинаций ландшафтов, связанных с неровностями, например: *ян калкулык* ‘коллатеральное возвышение’, *йоткылык калкучыгы* ‘глочный бугорок’, *өске казналык чыгынтысы* ‘верхнечелюстной выступ’ и т. д. 4,5 % (100 % — КРЯ) метафор принадлежат концепту «болезнь/патология», большая часть из них — термины, обозначающие анатомические отклонения, названные на основе сходства с видом земной поверхности: *өске казналык ерыгы* ‘расщелина верхней челюсти’, *бит ерыгы* ‘расщелина лица’ и т. д.

5.2.4. «Ориентация». Небольшой является группа метафор, образованных по модели «Ориентация» (около 0,57 %). Перенос по данной модели основывается на схожести со сторонами света, географическими линиями, осью. В татарском языке все рассмотренные метафоры этой модели относятся к концепту «здоровье/норма» (100 % — КРЯ), например: *маңгай полюсы* ‘лобный полюс’, *куз экваторы* ‘экватор глаза’, *куз меридианнары* ‘меридианы глаза’.

Соотношение моделей метафор и концептов в них

В таблице 1 представлено соотношение концептов «здоровье/норма», «болезнь/патология», «медицинская техника/приборы», «фармация» для различных моделей метафор в медицинской терминологии татарского языка.

Таблица 1. Соотношение метафор в татарском языке

Модели метафор	Соотношение метафор
По денотативному дескриптору	37,7 %
По форме	69,4 %
Концепт «здоровье/норма»	43,3 %
Концепт «болезнь/патология»	54,08 %
Концепт «медицинские инструменты/техника»	2,7 %
По цвету	21,6 %
Концепт «здоровье/норма»	22,8 %
Концепт «болезнь/патология»	78,02 %
По звуку	2,6 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
По консистенции	6,4 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
По сигнификативному дескриптору	62,3 %
Профессия	1,3 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
«Социальный статус»	0,7 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
«Родственные отношения»	0,1 %
Концепт «здоровье/норма»	100 %
«Война и оружие»	1,6 %
Концепт «здоровье/норма»	81,8 %
Концепт «болезнь/патология»	18,2 %
«Бытовые предметы»	12 %
Концепт «здоровье/норма»	78,5 %
Концепт «болезнь/патология»	17,8 %
Концепт «медицинские инструменты/техника»	3,5 %

Модели метафор	Соотношение метафор
«Профессиональные инструменты и приборы»	3,2 %
Концепт «здоровье/норма»	95,6 %
Концепт «медицинские инструменты/техника»	4,4 %
«Музыкальные инструменты»	0,1 %
Концепт «здоровье/норма»	100 %
«Одежда и ткань»	3,1 %
Концепт «здоровье/норма»	77,2 %
Концепт «болезнь/патология»	9,09 %
Концепт «медицинские инструменты/техника»	13,6 %
«Еда и напитки»	0,4 %
Концепт «здоровье/норма»	66,6 %
Концепт «болезнь/патология»	33,3 %
«Материалы и вещества»	0,85 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
«Дом и интерьер»	1,7 %
Концепт «здоровье/норма»	91,6 %
Концепт «болезнь/патология»	8,3 %
«Украшения»	0,7 %
Концепт «здоровье/норма»	20 %
Концепт «болезнь/патология»	60 %
Концепт «медицинские инструменты/техника»	20 %
«Искусство»	0,1 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
«Архитектура и постройки»	11,7 %
Концепт «здоровье/норма»	97,6 %
Концепт «болезнь/патология»	2,4 %
«Мифология и история»	0,3 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
«Части тела»	7,5 %
Концепт «здоровье/норма»	94,4 %
Концепт «болезнь/патология»	3,7 %
Концепт «медицинские инструменты/техника»	1,8 %
«Поведение человека»	1,8 %
Концепт «здоровье/норма»	30,7 %
Концепт «болезнь/патология»	69,2 %
«Органы, их функции и патологии, физиологические процессы»	1,7 %
Концепт «здоровье/норма»	75 %
Концепт «болезнь/патология»	16,7 %
Концепт «фармация»	8,3 %
«Геометрическая фигура»	6,9 %
Концепт «здоровье/норма»	83,6 %
Концепт «болезнь/патология»	16,4 %
«Национальность и география»	2,1 %
Концепт «здоровье/норма»	6,6 %
Концепт «болезнь/патология»	93,4 %
«Время»	0,57 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
«Флора»	9,8 %
Концепт «здоровье/норма»	84,05 %
Концепт «болезнь/патология»	15,9 %
«Фауна»	7,5 %
Концепт «здоровье/норма»	37,7 %
Концепт «болезнь/патология»	62,2 %
«Астрономия»	0,3 %
Концепт «здоровье/норма»	50 %
Концепт «болезнь/патология»	50 %

Модели метафор	Соотношение метафор
«Природные явления»	0,57 %
Концепт «болезнь/патология»	100 %
«Ландшафт»	22,1 %
Концепт «здоровье/норма»	95,4 %
Концепт «болезнь/патология»	4,5 %
«Ориентация»	0,57
Концепт «здоровье/норма»	100 %

В таблице 2 представлено соотношение концептов в целом.

Таблица 2. Соотношение концептов

	Концепт «здоровье/норма»	Концепт «болезнь/патология»	Концепт «медицинская техника/приборы»	Концепт «фармация»
По денотативному дескриптору				
Соотношение	35,05 %	63,05 %	1,9 %	
По сигнификативному дескриптору				
Соотношение	78,05 %	20,5 %	1,2 %	0,1 %

В таблице 3 даны модели метафор в порядке убывания процентного соотношения.

Таблица 3. Модели метафор по денотативному и сигнификативному дескрипторам

Модель метафоры	Количество, %
По денотативному дескриптору	
По форме	69,4
По цвету	21,6
По консистенции	6,4
По звуку	2,6
По сигнификативному дескриптору	
Ландшафт	22,1
Бытовые предметы	12
Архитектура и постройки	11,7
Флора	9,8
Части тела	7,7
Фауна	7,5
Геометрическая фигура	6,9
Профессиональные инструменты и приборы	3,2
Одежда и ткань	3,1
Национальность и география	2,1
Поведение человека	1,8
Дом и интерьер	1,7
Органы, их функции и патологии, физиологические процессы	1,7
Война и оружие	1,6
Профессия	1,3
Материалы и вещества	0,85
Социальный статус	0,7
Украшения	0,7
Природные явления	0,57
Время	0,57
Ориентация	0,57
Еда и напитки	0,4
Астрономия	0,28
Мифология и история	0,28
Музыкальные инструменты	0,1
Искусство	0,1
Родственные отношения	0,1

Результаты

В медицинской терминологии татарского языка наиболее продуктивные модели — «Ландшафт», «Бытовые предметы» и «Архитектура и постройки», наименее продуктивные — «Искусство», «Музыкальные инструменты» и «Родственные отношения». Модель «Искусство», например, не является активной в медицинской терминологии татарского языка в связи с некоторыми запретами. Так, в исламе изображение людей и животных воспринимается как идолопоклонство и рассматривается как тяжкий грех [Ичетовкина 2015: 309].

Метафоры медицинской терминологии русского языка были проанализированы таким же образом на основе «Большого энциклопедического словаря медицинских терминов» под редакцией Э. Г. Улумбекова (см. [БЭСМТ 2012]). Если сравнить метафорические модели медицинской терминологии татарского и русского языков, то относительно метафор по денотативному дескриптору можно наблюдать следующую картину.

Общее для татарского и русского языков. И в татарском, и в русском выявляются модели по денотативному и сигнификативному дескрипторам. В обоих языках большую часть метафор по денотативному дескриптору занимают метафоры модели «по форме»; основная часть метафор моделей «по форме», «по цвету» и все метафоры модели «по звуку» представляют концепт «болезнь/патология», т. к. изменение цвета или появление непривычных звуков считаются отклонениями от нормы; метафоры концепта «медицинские инструменты/приборы» представлены в группе модели «по форме».

Отличительные особенности медицинских метафор в русском языке. В модели «по консистенции» обнаружена метафора концепта «здоровье/норма», например *зубная мякоть*, тем не менее основная часть метафор по данной модели (*восковидный некроз*, *сливкообразный гной* и т. д.) и все термины модели «по запаху» принадлежат концепту «болезнь/патология»: *запах вареной капусты*, *запах гниющих яблок* и т. д.

Отличительные особенности медицинских метафор в татарском языке. Все термины модели «по консистенции» принадлежат концепту «болезнь/патология», например *кофе куерыгы сыман косу* ‘рвота кофейной гущей’; модель «по запаху» не представлена.

При рассмотрении метафор по сигнификативному дескриптору в татарской и русской медицинской терминологии наблюдается следующая ситуация.

Общее для татарского и русского языков. Метафоры концепта «здоровье/норма» преобладают в группах моделей «Бытовые предметы», «Профессиональные инструменты и приборы», «Одежда и ткань», «Архитектура и постройки», «Части тела», «Геометрическая фигура», «Флора», «Ландшафт», т. к. организм рассматривается как сооружение, строение, а органы — как организм, имеющий схожесть с человеческим телом (тело, тельце, головка и т. д.), или анатомические объекты сравниваются с земной поверхностью и органами растений; метафорические единицы концепта «медицинские инструменты/приборы» представлены в моделях «Бытовые предметы», «Профессиональные инструменты и приборы», «Одежда и ткань», «Украшения», «Части тела»; основную часть метафор моделей «Украшения», «Национальность и география», «Фауна», «Поведение человека» составляют метафоры концепта «болезнь/патология»; все метафоры моделей «Время» и «Мифология и история» относятся к концепту «болезнь/патология».

Отличительные особенности медицинских метафор в русском языке. В медицинской терминологии русского языка выявлены модели «Транспортные средства», «Спорт», «Игры и игрушки». Основная часть метафор моделей «Профессия», «Социальный статус», «Родственные отношения», «Война и оружие», «Еда и напитки», «Материалы и вещества», «Дом и интерьер», «Транспортные средства», «Искусство», «Органы, их функции и патологии, физиологические процессы», «Астрономия», «Природные явления» принадлежит концепту «болезнь/патология»; в группе моделей «Социальный статус», «Война и оружие», «Дом и интерьер», «Архитектура и постройки», «Поведение человека», «Органы, их функции и патологии, физиологические процессы», «Национальность и география», «Флора», «Фауна», «Ландшафт» выявлены метафоры концепта «медицинские инструменты/приборы», в группе моделей «Социальный статус», «Бытовые предметы», «Ландшафт» — метафоры концепта «фармация»; метафоры концепта «здоровье/норма» преобладают в группе моделей «Музыкальные инструменты», «Спорт», «Ориентация»; модель «Игры и игрушки» включает метафоры, полностью принадлежащие к концепту «болезнь/патология».

Отличительные особенности медицинских метафор в татарском языке. Основная часть метафор моделей «Дом и интерьер», «Органы, их функции и патологии, физиологические процессы», «Война и оружие» включена в группу метафор, представляющих концепт «здоровье/норма»; термины, принадлежащие к моделям «Профессия», «Социальный статус», «Материалы и вещества», «Искусство», «Природные явления», представляют только концепт «болезнь/патология»; все термины моделей «Музы-

кальные инструменты», «Родственные отношения», «Ориентация» принадлежат концепту «здоровье/норма»; не было выявлено метафор, образованных по модели «Игры и игрушки», «Спорт», «Транспортные средства». Модель «Астрономия» включает по одному термину концептов «здоровье/норма», «болезнь/патология». В модели «Органы, их функции и патологии, физиологические процессы» выявлена метафора концепта «фармация».

В медицинской терминологии татарского языка наиболее продуктивные модели — «Ландшафт», «Бытовые предметы» и «Архитектура и постройки», наименее продуктивные — «Искусство», «Родственные отношения» и «Музыкальные инструменты». В русском языке к наиболее продуктивным моделям относятся «Ландшафт» и «Бытовые предметы», менее репрезентативными оказались модели «Игры и игрушки» и «Спорт».

При сопоставлении терминов-метафор в татарском и русском языках можно обнаружить как полные межъязыковые эквиваленты (см. таблицу 4), национальные метафоры, эксплицирующие признаки терминируемого понятия (см. таблицу 5), так и термины, функционирующие только в одном языке и отражающие национально-специфическое видение мира (см. таблицу 6).

Таблица 4. Универсальные термины-метафоры

Русский язык	Татарский язык
свод черепа	баш сөяге гөмбәзе
заячья губа	куян ирен
мраморная болезнь	мәрмәр авыруы
белая пневмония	ак пневмония

Таблица 5. Национальные метафоры, эксплицирующие разные признаки терминируемого понятия

Русский язык	Татарский язык
сердечная сорочка	<i>йөрэк пәрдәсе</i> 'занавеска сердца'
ветряная оспа	<i>су чәчәге</i> 'водяной цветок'
желтая вода	<i>кара су</i> 'черная вода'
крапивница	<i>бүре уы</i> 'волчий вой'
нёбная занавеска	<i>аңкау пәрдәсе</i> 'занавеска нёба'
кровяной сосуд	<i>кан тамыры</i> 'кровяной корень'
коленная чашечка	<i>тез капкачы</i> 'коленная крышка'

Таблица 6. Нарушение последовательности метафоричности терминов

Русский язык	Татарский язык
<i>ободочная кишка</i>	<i>кыршау эчәк</i> 'кишка в виде обруча'
фурункул	<i>эт эчәге</i> 'собачий кишечник'
панариций	<i>елан күзе</i> 'змеиный глаз'
малярия	<i>иске чабата</i> 'старые лапти'
плевра	<i>үпкә пәрдәсе</i> 'занавеска легкого'
катаракта	<i>кара су</i> 'черная вода'
<i>заячий глаз</i>	лагофтальм
<i>селезеночный карман</i>	<i>талак батынкылыгы</i> 'выемка селезенки'

Основанием подобного неравномерного соотношения метафорических единиц в разных языках выступает национально обусловленное восприятие окружающей реальности [Чернышова, Черникова 2017: 109]. Анализ терминов-метафор показал, что в татарском языке они используются чаще, чем в русском.

Большинство метафор являются кальками с русского языка. Однако в некоторых моделях существенную часть занимают собственно татарские медицинские метафоры, например следующие: основная часть метафор концепта «здоровье/норма» по модели «Дом и интерьер» (*май пәрдәсе* букв. 'завеса жира — сальник' и др.), а также концепта «болезнь/патология» по модели «Флора» (*сифилис тамырлары* букв. 'корни сифилиса — сифилиды' и др.), около 40 % метафор концепта «болезнь/патология» по модели «Фауна» (*теиш корты* букв. 'червь зуба — кариес' и др.).

Среди метафорических терминов медицинской терминологии наблюдается явление синонимии, например: *буре уы* букв. 'волчий вой' — *кычыткан бизгэге* 'крапивница', *баллонсыман күзэнэк* — *турсыксыман күзэнэк* 'баллонная клетка' и т. д.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что метафора играет важную роль при номинации новых понятий в медицинской терминологии. Метафора обладает способностью связывать в сознании различные объекты действительности, соответствующей ассоциативному характеру человека; в ее семантике есть образный компонент, что обеспечивает наглядность представления терминологического значения; она передает языковую картину мира в процессе профессионального общения и обучения; обладает некоторым творческим потенциалом, что делает развитие терминосистемы более динамичным.

Анализ основных моделей метафор в медицинской терминологии татарского языка показывает, что в медицинской терминологии распространены как метафоры, основанные на визуальных характеристиках объектов (форма, цвет, размер), так и концептуальные метафоры. Метафоры были проанализированы с точки зрения денотативного и сигнификативного дескрипторов. Из рассмотренных 1126 метафор 425 принадлежат группе метафор по денотативному дескриптору, 701 — по сигнификативному. В первой группе метафорический перенос наиболее активно осуществляется по форме, наименее — по звуку. В группе метафор по сигнификативному дескриптору наиболее продуктивными моделями являются «Ландшафт», «Бытовые предметы», «Архитектура и постройки», к наименее продуктивным относятся модели «Мифология и история», «Искусство», «Родственные отношения». Распределение концептов в моделях неравномерное: в группе моделей по денотативному дескриптору преобладает концепт «болезнь/патология», по сигнификативному дескриптору — концепт «здоровье/норма», кроме того, концепт «фармация» характерен только для групп моделей по сигнификативному дескриптору. Наряду с общими моделями, были обнаружены и медицинские модели: «Части тела», «Органы, их патологии, физиологические процессы», «Поведение человека».

Модели метафор в медицинской терминологии татарского языка основываются на метафорических моделях русского языка. Большая часть метафор — кальки с русского языка, тем не менее есть и метафоры, которые принадлежат только татарскому языку, что показывает особенность восприятия того или иного медицинского объекта татарским народом.

Литература

БЭСМТ 2012 — Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. Э. Г. Улумбекова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012.

Ичетовкина 2015 — А. Д. Ичетовкина. Ислам и искусство: от запрета изображений к сакрализации каллиграфии // Религия и/или повседневность: Материалы IV международной научно-практической конференции. Минск: РИВШ, 2015. С. 309—315.

Карташова 2013 — А. В. Карташова. Метафорическая модель и возможности ее реализации // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013, 3 (131). С. 153—156.

Маслова 2007 — В. А. Маслова. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007.

Мишланова 2003 — С. Л. Мишланова. Термин в медицинском дискурсе (образование, функционирование, развитие). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.

МРТТС 2003 — Медицинский русско-татарский толковый словарь / Отв. ред. М. М. Гумадеев. Казань: Магариф, 2003.

Чернышева, Черникова 2017 — Л. А. Чернышева, Е. О. Черникова. Термины-метафоры в составе экологической терминологии // Известия ВГПУ. 2017, 7 (120). С. 103—110.

Шамсутдинова 2000 — Р. Р. Шамсутдинова. Медицинская терминология в татарском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000.

References

BESMT 2012 — Bol'shoi ehntsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov / Pod red. E. G. Ulumbekova. Moskva: GEHOTAR-Media, 2012. {Big Encyclopedic Dictionary of Medical Terms / Ed. by E. G. Ulumbekov. Moscow: GEOTAR-Media, 2012.}

Chernysheva, Chernikova 2017 — L. A. Chernysheva, E. O. Chernikova. Terminy-metafory v sostave ehkologicheskoi terminologii. In: Izvestiya VGPU. 2017, 7 (120). S. 103—110. {L. A. Chernysheva, E. O. Chernikova. Terms-metaphors as a part of ecological terminology. In: Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University 2017, 7 (120). P. 103—110.}

Ichetovkina 2015 — A. D. Ichetovkina. Islam i iskusstvo: ot zapreta izobrazhenii k sakralizatsii kalligrafii. In: Religiya i/ili povsednevnost': Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Minsk: RIVSH, 2015. S. 309—315. {A. D. Ichetovkina. Islam and art: from the prohibition of images to the sacralization of calligraphy. In: Religion and/or everyday life: Proceedings of the IVth International Scientific and Practical Conference. Minsk: Republican Center of Higher Education, 2015. P. 309—315.}

Kartashova 2013 — A. V. Kartashova. Metaforicheskaya model' i vozmozhnosti ee realizatsii. In: Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2013, 3 (131). S. 153—156. {A. V. Kartashova. Metaphorical model and the possibilities for its implementation. In: Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2013, 3 (131). P. 153—156.}

Maslova 2007 — V. A. Maslova. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku. Moskva: Flinta: Nauka, 2007. {V. A. Maslova. Introduction to cognitive linguistics. Moscow: Flinta: Nauka, 2007.}

Mishlanova 2003 — S. L. Mishlanova Termin v meditsinskom diskurse (obrazovanie, funktsionirovanie, razvitie). Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2003. {S. L. Mishlanova. A term in medical discourse (formation, functioning, growth). PhD thesis. Moscow, 2003.}

MRTTS 2003 — Meditsinskii russko-tatarskii tolkovyi slovar' / Otv. red. M. M. Gimadeev. Kazan': Magarif, 2003. {Russian-Tatar medical defining dictionary. M. M. Gimadeev (ed.). Kazan: Magarif, 2003.}

Shamsutdinova 2000 — R. R. Shamsutdinova. Meditsinskaya terminologiya v tatarskom yazyke. Dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2000. {R.R. Shamsutdinova. Medical terminology in the Tatar language. PhD thesis. Kazan', 2000.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
01.04.2023

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

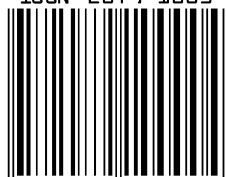
Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
01.04.2023

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >